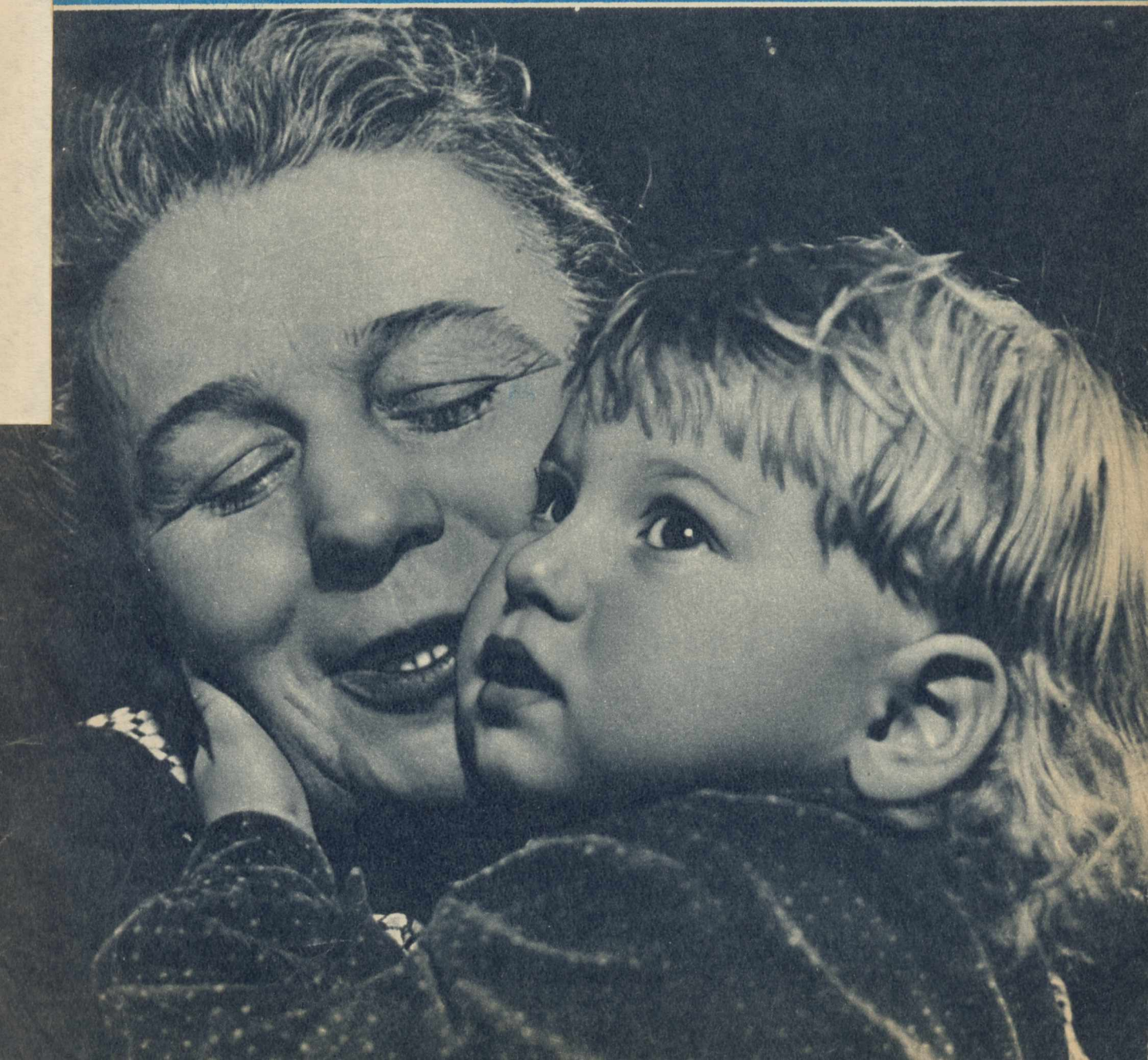
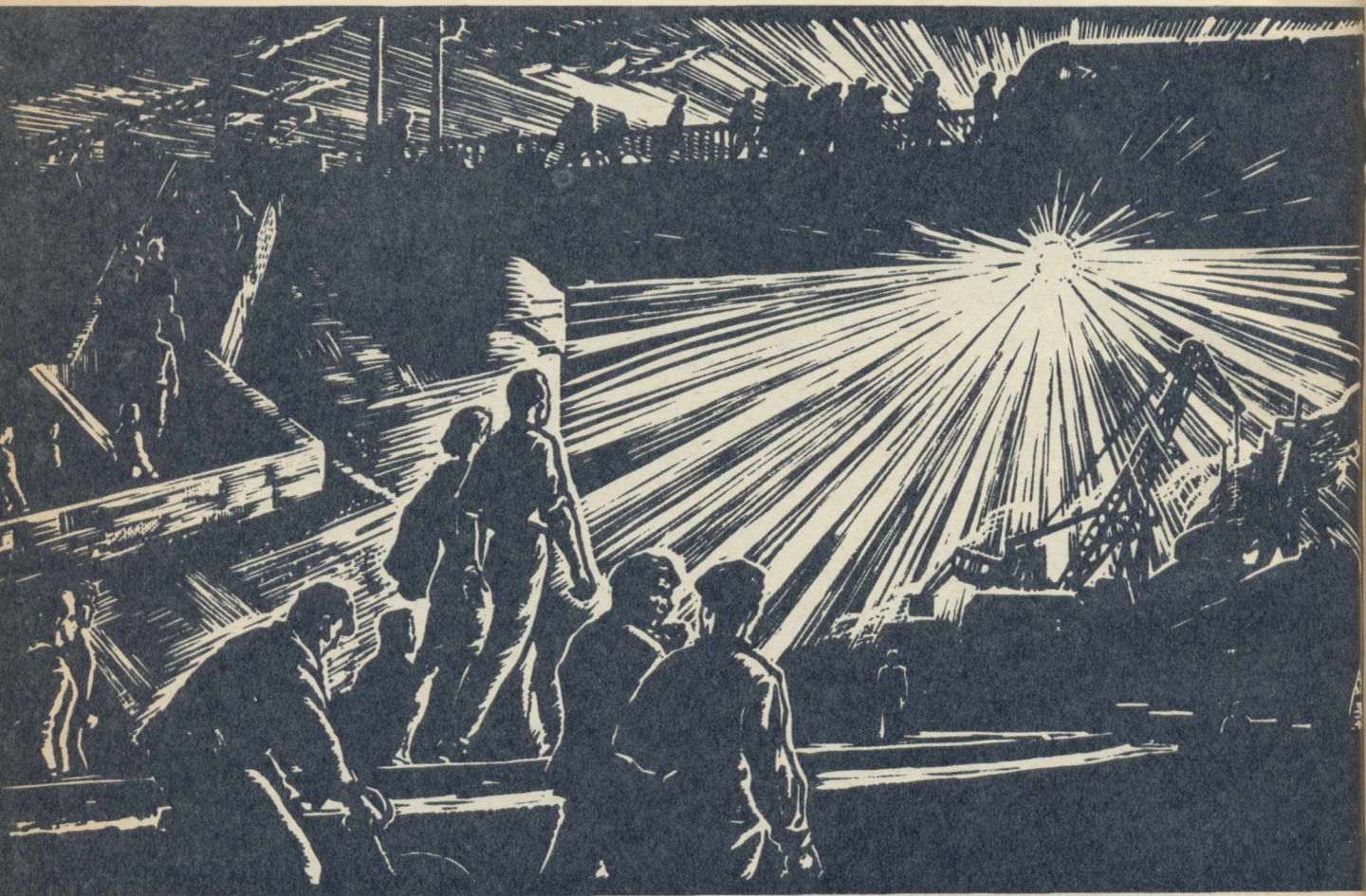

СЕМЬЯ И ШКОЛА

ПОД

В телеграфном ознобе
в ночи города.
Гудят провода:
на земле беспокойно!
Кто расскажет,
где и когда
кончатся и начинаются войны?
Ночью кажется:
день — не жилец на земле,
он в другом полушарье
в застенке расстрелян.
Ядовитые замыслы зреют во мгле,
выползают,
клубясь,
из глубоких расщелин.
Ночью кажется:
мир человеческий утл,
он затерян
в дремучих космических чашах...
Я поверил бы в это,
если б не было утр,
и лучей,
и людей, на работу спешащих.
Человек города и машины создал!
Завидовал птицам —
и стал крылатым!
Маленький —
он разобрался в звездах!
Великий — анатомировал атом!
В тюрьмах веков
он бредил солнечным светом,
миром, одетым в майскую зелень.
Он добьется —
будет и свет и зелень.
Он добьется!
Я утром уверен в этом.
До любого окна,
до любого угла
добирается свет,
выходя на свободу.
Уползает в глухие расщелины мглы.
Двери хлопают.
Люди спешат на работу!

Герман ПЛИСЕЦКИЙ

На 2-й страницы обложки
гравюра Ю. Митрошина «Утро»

С Новым годом,

дорогие товарищи читатели — отцы и матери, учителя и активисты-общественники!

Редакция „Семьи и школы“ желает каждому из вас новых больших успехов в практическом, изо дня в день, выполнении великой программы народного счастья — новой Программы Коммунистической партии Советского Союза, в вашем сложном, красивом и славном труде воспитания нового человека — строителя самого справедливого и совершенного общества на земле.

СЕМЬЯ И ШКОЛА

ЯНВАРЬ
1962

17-й год издания

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

● ЧЕГО ТРЕБУЕТ ОТ НАС КОММУНИЗМ? ВСЕ ЛИ МЫ СПОСОБНЫ К ВСЕСТОРОННЕМУ РАЗВИТИЮ? СОЕДИНЕНИЕ ТРУДА И НАУКИ — ОСНОВА ВОСПИТАНИЯ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА. ОБ ЭТОМ РАССКАЗЫВАЕТ СТАТЬЯ А. ЛЕВШИНА «КРАСОТА И БОГАТСТВО ЧЕЛОВЕКА».

● Разговор о любимом деле, призвании, о выборе жизненного пути ведет электросварщик Алексей Улесов, дважды Герой Социалистического Труда.

● Семья Ульяновых... Семья, так много давшая миру. Как воспитывали детей Илья Николаевич и Мария Александровна? Некоторые новые факты об этом вы узнаете из статьи А. Молвовой „Жизнь в труде и борьбе“.

● Откуда у детей эгоизм, себялюбие? Кандидат педагогических наук Е. Кульничкай в «Ответах родителям» дает необходимые разъяснения, советует, каких ошибок следует избегать.

● МИШКЕ ЧЕТЫРЕ ГОДА... ИЗБАЛОВАННЫЙ МАЛЬЧИШКА? КАПРИЗНЫЙ? МАМА С БАБУШКОЙ РАСПУСТИЛИ? ИЛИ НУЖНО ПОНЯТЬ ЕГО ВОЗРАСТ? РАССКАЗ ВЛ. ПОМЕРАНЦЕВА ТАК И НАЗЫВАЕТСЯ — «МИШКИН ВОЗРАСТ».

● Ребенка привели к врачу-невропатологу... Нет, не лечить его надо, — утверждает кандидат медицинских наук С. Файнберг в статье „Дети — разные“. — Учесть особенности его нервной системы, найти правильный подход — вот главное.

КРАСОТА И БОГАТСТВО ЧЕЛОВЕКА

А. ЛЕВШИН

Какая мать, какой отец, склоняясь над колыбелью своего ребенка, не мечтают о его будущем? Они видят его Человеком с большой буквы — умным и сильным, красивым и добрым, одаренным всеми лучшими качествами и талантами. Иные скептики с иронией относятся к простодушным родительским мечтаньям. Они объявляют это плодом «эгоизма» родителей, которые неспособны увидеть ординарность, заурядность своего ребенка и готовы считать его чудом природы, верхом совершенства.

Как это несправедливо! Разве новорожденный человеческий детеныш и в самом деле — не чудо природы? Прекрасно об этом сказал известный советский психолог профессор С. Рубинштейн: «Из маленького комочка реагирующей материи развивается человеческая личность — самое удивительное создание в мире... Более беспомощный при рождении, чем многие зверюшки, неспособный самостоятельно удовлетворить самые элементарные свои потребности, он вырастает в силу, которая может сознательно менять и природу и общество, ...превращается в человека, для которого потребностью становится решение сложнейших вопросов мироздания и наслаждение утонченнейшими произведениями искусства. Этот путь — короткая и бесконечно патетическая история человеческой жизни — тема и для психолога и для художника-поэта».

Конечно, бывает, что из иного малыша, с которым родители связывали столько радостных надежд, вырастает тунеядец, мещанин, бездарная и бесцветная личность. Но кто в том виновен? Сама «природа» ребенка? Нет и нет! Лишь в исключительных случаях дети появляются на свет с какими-то дефектами организма, мозгового аппарата. Да и здесь наука находит средства, чтобы исправить «недоделки» природы и вырастить полезного члена общества.

Вера в безграничные возможности человеческой природы питала благородную мечту многих деятелей прошлых веков о воспитании всесторонне и гармонично развитого человека будущего. Эта мечта превратилась ныне в реальную, научно обоснованную цель, которую наша партия записала в своей новой Программе — великом плане построения коммунизма в СССР. «Переход к коммунизму, — говорится в Программе, — предполагает воспитание и подготовку коммунистически сознательных и высокообразованных людей, способных как к физическому, так и умственному труду, к активной деятельности в различных областях

общественной и государственной жизни, в области науки и культуры». Партия прямо ставит задачу воспитать «нового человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство».

Слова Программы находят живейший отклик в каждом родительском сердце. Ведь именно такими отец и мать хотят видеть своих детей. Значит, это не беспочвенная мечта? Значит, это возможно, достижимо и для моего, и для твоего ребенка, и для всех наших детей?

Да, возможно, — отвечает партия. — Более того — необходимо! Еще столетие назад, исследуя развитие общественного производства, великий учитель пролетариата Карл Маркс открыл, что переход от ручного ремесла к машинной индустрии делает необходимым подготовку всесторонне развитых людей. Крупная промышленность с ее могучими машинами и сложными химическими процессами, с многогранным применением науки и высокой организацией порождает непрерывную революцию в производстве. Она создает постоянные перемены в труде рабочего, требует от него всесторонней подвижности, широкого кругозора, растущей общей и технической культуры.

Капитализм не желает считаться с этим. Вместо всесторонней подготовки рабочих он доводит их специализацию до крайности, превращая их в живые придатки машины. Даже буржуазные социологи вынуждены писать о том, к каким тяжелым формам уродования личности рабочих приводит производственная специализация на капиталистических предприятиях. Лишь наличие высокооплачиваемой прослойки «рабочей аристократии», с одной стороны, и огромной армии безработных, с другой, позволяет капиталисту обойти требования производства. Однако болезни капитализма этим не излечиваются, а только загоняются внутрь.

Совсем по-иному раскрывается труд в социалистическом производстве. Здесь все направлено на то, чтобы слить мысль, знания, творческие поиски рабочего с его повседневным трудом. И технический прогресс не только не мешает такому слиянию, но, наоборот, усиливает его неизмеримо. Знаменательные цифры: за 5 лет — с 1956 по 1960 год — передовые рабочие нашей страны в содружестве с инженерно-техническими работниками и учеными внесли более 15 миллионов рационализаторских предложений!

Физический труд на наших предприятиях благодаря внедрению достижений современной науки и техники не

только облегчается. Он становится все более интеллектуальным. Естественно, у рабочих растет потребность в знаниях. В СССР сейчас учится каждый четвертый человек. 2,5 миллиона рабочих ежегодно овладевают новыми профессиями, около 5 миллионов повышают свою квалификацию, более 4 миллионов сочетают работу на производстве с обучением в школах, техникумах, вузах.

Нет, не придатком машины, а ее хозяином, умным руководителем производственного процесса выступает передовой советский рабочий и колхозник. Грандиозные масштабы научно-технического прогресса в нашей стране, намеченные в Программе партии, еще более ускоряют слияние умственного и физического труда. Нергировать будут повышаться требования к образованию и культуре каждого работника, к превращению его во всесторонне развитого человека.

Потребность в «новых людях», как и их появление, умножение и рост, мы ощущаем и видим буквально на каждом шагу. Поистине, это — самое замечательное явление нашей социалистической современности. Оно порождается ежедневно, ежечасно всем строем, всей атмосферой советской жизни.

Возьмите движение бригад коммунистического труда, широкое рабочее изобретательство, многочисленные факты трудового новаторства в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте. Что движет людьми? Материальная заинтересованность? Несомненно. Но одним этим не объяснишь появление таких людей, как Гаганова, Мамай, Гиталов, не объяснишь массовые примеры самоотверженности в труде, товарищеской помощи отстающим, хозяйской заботы об экономии, контроля самих рабочих за качеством продукции.

Объяснение — в том, что советские люди видят в своем труде не только средство к жизни, но и еще больше — живое общественное деяние, связывающее их с общенародной борьбой за коммунизм. Этот труд обращается не только к их рукам, но и к их уму, к их сердцу. Он возбуждает нравственное чувство, рождает волнение творческого поиска, дарит радостями трудовой победы.

Социалистический труд способствует всестороннему развитию личности не только своей многогранной общественной природой. Высокотехнический и высокоорганизованный, он сберегает рабочие часы, тем самым все более увеличивая наше свободное время — это главное богатство общества. Мы уже перешли к 7-часовому рабочему дню. Программа партии намечает в течение предстоящего десятилетия осуществить переход на шестичасовой рабочий день, а на подземных работах и производствах с вредными условиями труда — на пятичасовой. Во втором десятилетии благодаря росту производительности труда станет возможным переход к еще более сокращенной рабочей неделе. Советский Союз станет страной самого короткого в мире и в то же время самого производительного и наиболее высокооплачиваемого рабочего дня.

Но ведь это означает и другое — советский человек будет наиболее богатым в мире обладателем свободного времени! Как же он использует его? Нелепо представлять себе коммунизм как общество, где люди станут скучать и развлекаться от безделья, в то время как автоматизированное производство будет обеспечивать их всем готовым для жизни. Этого не позволит и само производство с его сложнейшей научно-технической системой машин и процессов, требующей людей высокой трудовой культуры; этого не позволит и общество в целом с его высочайшей, коммунистической организацией и требованием активного участия каждого в общественных делах. Коммунистический человек не сможет не расти постоянно, иначе он просто окажется непригодным для общества, в котором будет жить. И свободное время он использует для широкой обществен-

ной деятельности и для своего постоянного развития: будет учиться, расширять свой кругозор, путешествовать, заниматься искусством, спортом и т. д. Это будет жизнь умная, деятельная и красивая, в полной мере достояние человека!

Поражают масштабы задач, которые Программа партии намечает в этой области. В ближайшем десятилетии будет осуществлено 11-летнее образование для всех детей школьного возраста, а в следующем десятилетии — для всех без исключения. Новый мощный рост получит высшее и среднее специальное образование. Советская наука займет ведущее положение в мировой науке по всем основным направлениям. Советская литература, музыка, живопись, кинематография, театр, телевидение — все виды искусства достигнут новых высот. Широко распространение получат народные театры, массовая самодеятельность, техническое изобретательство и другие формы народного творчества. Партия неустанно будет заботиться о создании условий для наиболее полного проявления личных способностей каждого человека. Художественное начало еще более одухотворит труд, украсит быт и облагородит человека.

Отцы и матери, любовно склоняясь над детскими колыбельями, по-новому думают сейчас о будущем своих малышей. Ведь к их совершеннолетию в СССР будет в основном завершено построение коммунистического общества. Значит, мало сейчас предаваться мечтам. Надо уже сегодня претворять их в живое дело воспитания нового человека.

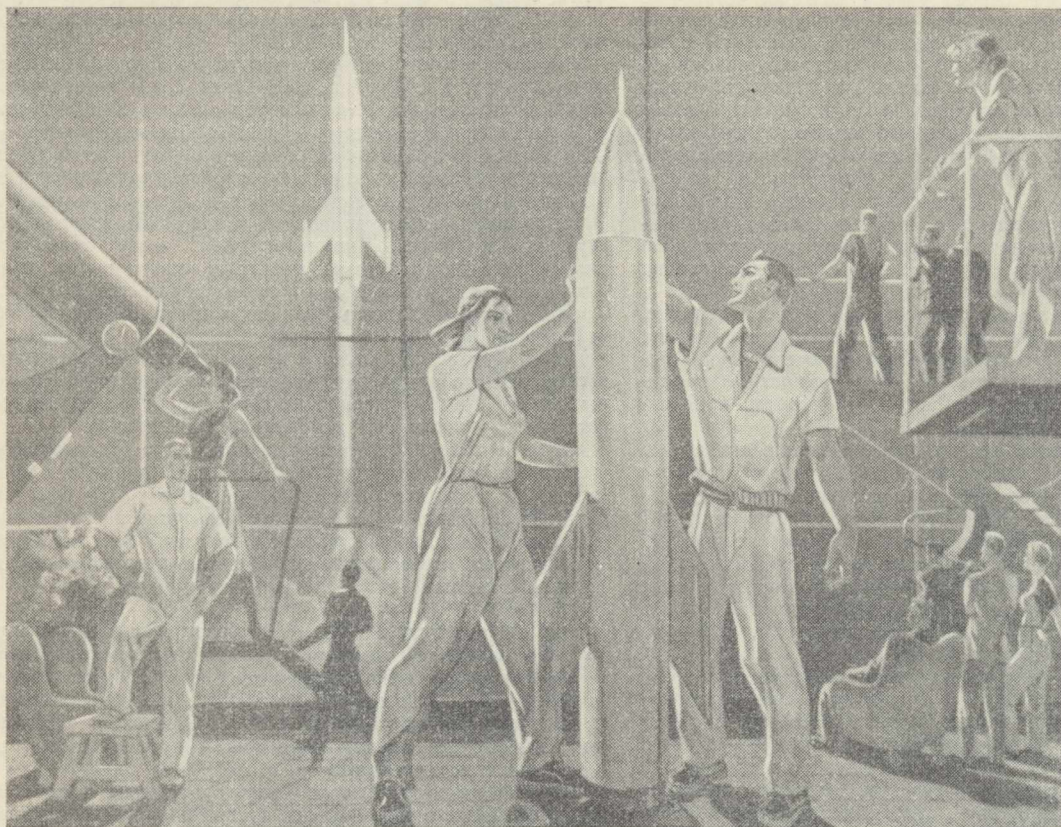
Как же это делать? Было бы легкомысленным излагать какие-то готовые воспитательные «рецепты». Воспитание — дело творческое, оно требует личных и постоянных поисков, наблюдений, размышлений, индивидуального подхода к каждому ребенку. Остановимся лишь на главном — на общем пути к всестороннему развитию человека.

Раньше каждое ремесло было замкнутым в себе, а труд человека в нем — почти целиком ручным. Это неизбежно делало однобоким и его развитие. Сапожник знал лишь свои колодки. Кузнец — свой молот. Булочник — свое тесто. И они не видели ничего общего в своем труде.

Промышленная техника произвела полный переворот. Постройтесь по современной обувной фабрике, машиностроительному предприятию, механизированному хлебозаводу. Вы всюду увидите машины, действующие на основе общих законов физики, химии, механики. Увидите во многом схожие процессы и приемы обработки — при всем различии обрабатываемых материалов. В корне изменился и труд: из узкого ручного мастерства он превратился в большое искусство управления машинами и процессами.

Прежний сапожник не мог бы стать кузнецом или булочником: ему пришлось бы заново проходить многолетнюю ремесленную выучку. А современному работнику, обладающему широким общим образованием и политехнической подготовкой, сменить профессию куда легче. Еще меньше ему надо затрачивать сил и времени для овладения смежными специальностями. В промышленности и сельском хозяйстве мы все больше встречаем работников, владеющих несколькими специальностями. Скажем, токарь — он же слесарь, сборщик, фрезеровщик. Или шофер — он же тракторист, механизатор, электротехник. Растет целое движение за овладение смежными специальностями.

Наши передовые средние школы с производственным обучением дают не одну, а часто несколько специальностей своим выпускникам. В то же время выпускники подготовлены к тому, чтобы пойти в высшую школу, стать активными общественными деятелями, проявить себя в различных областях науки, культуры. Опыт этих

А. ДЕЙНЕКА. ПОКОРИТЕЛИ КОСМОСА

школ раскрывает педагогический путь к всестороннему развитию. Вооружите подрастающего человека глубоким знанием основ наук и производства. Научите его владеть всеми простейшими орудиями труда. Развивайте его общечеловеческие способности — способности мыслить, трудиться, творить. Тем самым вы откроете ему доступ к любому виду человеческой деятельности.

Эту общую основу всестороннего развития важно всегда видеть, решая любую задачу обучения и воспитания. Учащийся, например, может увлечься каким-нибудь видом спорта. Но ни в одном из них он не достигнет успеха, если не будет обладать хорошим общим физическим развитием, общей закалкой и волевыми качествами. Или обратимся к искусству. Учащийся может иметь склонность к музыке или архитектуре, литературе или живописи, к сцене или балету. Но он не сумеет проявить себя ни в одном искусстве, если у него не будет развито общее чувство прекрасного, художественная фантазия, тонкая эмоциональность.

Надо всемерно развивать эти общие качества в каж-

дом ребенке. Конечно, они растут и в ходе всякого обучения. Но главное — так поставить преподавание любого предмета, чтобы в полной мере проявилось его общее воспитательное влияние на детей. Как важно, чтобы это хорошо понимали и родители, и педагоги. Возьмем, например, труд. Родители порой говорят: «Зачем дети убирают класс? Что они — будут домработницами?» «Моей девочке незачем работать в швейной мастерской: она не будет портнихой». «Для чего нашему сыну практика на заводе? Ведь он собирается стать архитектором». Ошибка этих родителей в том, что они видят лишь узкопрофессиональную сторону труда и не замечают его общего познавательного и воспитательного значения. Кем станут их дети — вопрос будущего. А сегодня важно то, что мы приобщаем школьника не только к науке, но и к реальному общественно полезному труду. Мы соединяем науку и труд в едином действии на подрастающего человека, и именно это формирует его как всесторонне развитую личность. Вспомните мудрые слова М. Горького: «Процесс социально-культурного роста людей развивается нормально тогда,

когда руки учат голову, затем поумневшая голова учит руки, а умные руки снова и уже сильней способствуют развитию мозга.

Такой подход в свою очередь требует, чтобы и педагог, и родители глубоко понимали природу самого ребенка, верили в ее богатейшие возможности и главное — сознавали, что формировать детские способности — их прямая задача.

Что же мы видим на деле? У некоторых педагогов, и еще больше у родителей, вера в ребенка не опирается на действительное знание его характера и понимание своей роли в его воспитании. Некритически полагаясь на «готовые» детские способности, они часто совсем не заботятся о настоящем развитии последних. Достаточно, однако, ребенку по неизвестной взрослым причине отстать, сбиться с пути, и вера в него с необычайной легкостью превращается в безверие. И вот уже он — «туп», «ленив», «бездарен», «хулиган».

Трудно даже сказать, что хуже: подобная вера или такое безверие. А главное, и то и другое противно истинной природе ребенка, которая вся и всегда — в движении, в росте, в развитии. Кто этого не понимает, того постоянно ждут ошибки и провалы в воспитательной работе.

Зато каким умным, подлинно творческим становится груд воспитателя, когда он по-настоящему знает детей, понимает природу ребенка, ясно видит ее движущие силы.

Прежде всего такой воспитатель никогда не опаздывает с началом воспитания. А это — большое дело! Сколько осложнений и трудностей сами себе создают родители, прислушиваясь к обывательской «мудрости»: «Малое дитя — ничего еще не понимает», «Пусть гуляет; подрастет, тогда и приучится к труду», «Что с него спрашивать — глуп еще». Между тем именно в первые годы жизни закладывается фундамент всестороннего развития человека.

Решение партии и правительства о соединении яслей и детского сада в единое воспитательное учреждение имеет в этом смысле первостепенное педагогическое значение. Раньше в яслях заботились лишь о питании и здоровье ребенка. А его воспитание? Это, мол, дело будущего. Вот подрастет, попадет в детский сад — там его будут воспитывать. Как много потерь мы несли из-за такой задержки в развитии ребенка! Соединение яслей и детского сада утверждает другой принцип — человек может и должен всесторонне воспитываться и развиваться с первых дней рождения. Нашей педагогической науке предстоит раскрыть те новые, еще мало изученные «резервы воспитания», которые таят в себе все возрасты дошкольного детства.

«Резервы» здесь поистине богатейшие. Вот лишь некоторые примеры. Раньше школьный возраст начинался с 8 лет. Затем он понизился до 7 лет. Однако в последние годы мы уже имеем многочисленные факты, когда 6-летние дети свободно читают, пишут, считают и вообще практически готовы к школьному обучению. Более того, нередки случаи, когда 4—5-летние дети сравнительно легко овладевают начатками грамоты и счета. Разве не следует серьезно задуматься над этими явлениями? Или другой пример. Известно, сколько лет упорного труда приходится затратить иному взрослому, чтобы овладеть иностранным языком. А дошкольник, как это показывают многочисленные

факты, нередко налету, играючи овладевает чужим языком. Сколько же мы теряем, начиная обучать детей иностранному языку лишь с 5-го класса школы?

Вообще требует коренного пересмотра вопрос о детских способностях и их развитии. Когда знакомимся с работой хорошо поставленного детского сада, с ребячьей жизнью в нем, невольно думаешь: как разносторонне даровиты наши дети! Они рисуют и поют, строят и лепят, обслуживают себя и ухаживают за растениями, животными, читают стихи и рассказывают сказки, логично мыслят и проявляют удивительную наблюдательность, они ярко эмоциональны, инициативны, многогранно активны. Эти маленькие люди по-своему всесторонне и гармонично развиты.

Но вот они переступают порог школы. И тут возникают явления, которые не могут не тревожить глубоко каждого из нас. Начинает падать творческая активность некоторых детей. У многих гаснут художественные способности, так ярко проявившиеся в детском саду. Некоторые ребята обнаруживают «неспособность» к хорошему усвоению основ наук.

В чем тут дело? Чем больше вдумываешься в причины этого, тем яснее становится, что главное зло — в отсталости и несовершенстве методов школьного обучения и воспитания.

Осуществив перестройку нашей школы на основе соединения обучения с производительным трудом, партия обеспечила решающее условие для подготовки всесторонне развитых людей. Но ввести труд в сферу школьного обучения — только начало дела. Надо перестроить сами формы, методы, приемы учебно-воспитательной работы. Перестроить так, чтобы с каждым новым приобретенным фактом ученик обогащал и свое нравственное и эстетическое чувство, развивал свои способности, укреплял характер. Нам нужно подлинно развивающее обучение, а не унылое «накачивание» детских голов правилами, цифрами, фактами, как это порой бывает.

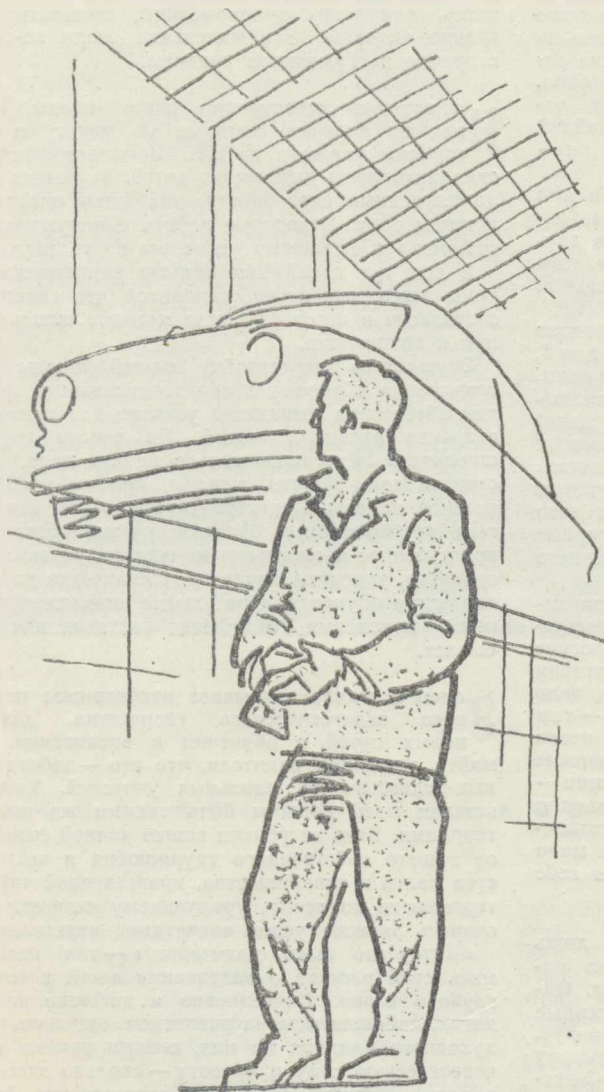
Закон о школе открывает необозримое поле для такого педагогического творчества, для искания новых путей в обучении и воспитании. Но не думайте, товарищи родители, что это — забота лишь ученых-педагогов до школьных учителей. Каждый отец, каждая мать должны быть такими же искателями и творцами. Ведь от уровня вашей личной сознательности, от вашего собственного трудолюбия и честности, чувства долга и товарищества, нравственной чистоты и нетерпимости ко всему, уродующему человека, в первую очередь зависит успех воспитания ваших детей.

«Интересно быть родителем!» — так назвала одна мать свой рассказ о воспитании детей в семье. И это глубоко верно. Повседневно и любовно заботиться о детях, наблюдать за их развитием, ощущать силу своего духовного влияния на них, своими руками растить их человеческую силу и красоту — сколько здесь интереса, радости, счастья! Но это — и ответственно. Тут каждый свой шаг, каждое воздействие на ребенка надо мерить той великой целью, которую выдвинула партия, — растить нового, коммунистического человека.

Пусть эта благородная цель сплотит воедино усилия семьи, школы и всей советской общественности,

СЛОВО О МАСТЕРАХ

Л. ФИНКЕЛЬШТЕЙН

Продукцию этого московского завода знают все. От мала до велика. За старой Симоновкой, там, где отравляло воздух зловонное Сукино болото, ныне в просторных светлых корпусах выпускают автомобили «Москвич».

Сотни станков, десятки конвейеров, автомагические линии, опытные и умелые люди... Вот один из самых

сложных и точных участков производства — участок главной передачи. Людей тут мало, а станки выстроились в три длинных ряда. Немногочисленные рабочие заняты довольно однообразным делом: подходят к станкам, снимают с оправок готовые, масляно поблескивающие шестерни, а взамен ставят гладкие, еще «беззубые», заготовки. И, нажав кнопку,

идут дальше. А станки совершенно самостоятельно нарезают на стальных конусах витые, спиральные зубья. Две таких спиралезубых шестерни составляют главную передачу автомобиля.

Все идет прекрасно до тех пор, пока на каком-нибудь станке не «сбьется» размер. Или пока звукометрист, проверяющий главные передачи на бесшумность работы, не обнаружит «звучок». Тогда по всему участку слышится нетерпеливое:

— Мирошниченко... Скорее Мирошниченко!

И человека, сидящего где-нибудь в тихом уголке заводской библиотеки над учебником сопромата или романом Драйзера, отрывают от книги и зовут к станкам.

Он ничего не спрашивает. Он идет по проходу, обмениваясь молчаливыми рукопожатиями и оглядывая станки. Безошибочно подходит к «больному». Слегка покачивает оправку, трогает резцы...

Пройдет час — и он тихо вернется в библиотеку, кивнув по дороге мастеру участка: мол, все в порядке!

Андрея Мирошниченко, наладчика экстра-класса, знают на многих заводах Москвы и постоянно приглашают для консультаций. На родном заводе ему никто не указывает, когда приходить на работу, когда уходить и как проводить рабочее время. От него требуют одного — чтобы участок главной передачи бесперебойно давал продукцию. И это требование выполняется много лет подряд.

Однажды я стоял между «глисками» (так именуются станки участка) и беседовал с рабочим Юрием Трошиным. Юрий к тому времени уже имел двухлетний стаж, а на завод пришел со средним образованием. У нас был серьезный разговор о выборе института. Вдруг Юрий замолк на полуслове и устремил какой-то странный взгляд поверх моего плеча. Обернувшись, я увидел: по участку медленно шел Мирошниченко, беседуя с мастером. Юрий провожал знаменитого наладчика глазами до тех пор, пока тот не скрылся. Он смотрел так... Впрочем, не берусь описывать этот взгляд. Скажу лучше, что недавно, в августе 1961 года, мне удалось перехватить еще один взгляд, совершенно такой же. Московский мальчишка лет двенадцати смотрел на Германа Титова, выходящего из машины,

Мастерство... Большое, настоящее, оно всегда волнует — будь то виртуозная игра скрипача или «слияние» механика с машиной. Мало сказать волнует — гипнотизирует! Мастер виден издали, тут не ошибешься. И подросток, только начавший присматриваться к жизни, тоже сразу угадает виртуоза, если встретит его. Угадает — и неодолимо захочет стать таким же. В этом смысле подлинное мастерство — непревзойденный воспитатель.

Но... отчего не каждый пока что вырастает в мастера? Почему к одним в 30 лет приходит честь и слава, а другие — на иждивении (все равно, у родителей или у коллектива)? Где «развилка» их дорог, так быстро и так далеко расходящихся?

Ответ на это прост и в то же время очень, очень труден.

Можно ответить: талант, дескать! Но это значит не сказать ровно ничего. Потому что привычное слово «талант» нуждается в расшифровке. Особенно если его применяют не к художнику или шахматисту, а к слесарю, химику или повару.

В дневнике французского писателя Жюль Ренара, известного своим «Рыжиком» — потрясающей повестью о жизни мальчика-подростка, — читаем: «Талант — вопрос количества». Ренар имел в виду количество вложенного труда. Абсолютно та же мысль, глубокая и верная, была высказана и нашим великим соотечественником Дмитрием Ивановичем Менделеевым. «Нет без явно усиленного трудолюбия», — писал Менделеев, — ни талантов, ни гениев».

Способности у людей, конечно, разные. Но, не поддержанные трудом, даже большие способности вянут. А высокое трудолюбие подчас превращает и скромные способности в настоящий талант. Крупнейший советский мастер сцены Николай Павлович Хмелев в молодости дважды «проваливался», пытаясь поступить в Художественный театр. В одной из приемных комиссий, отказавших Хмелеву, председательствовал Евгений Вахтангов — кто лучше его мог разглядеть дарование! Однако Вахтангов отверг Хмелева: как говорят, у молодого кандидата актерские способности действительно были не лучшими. Но зато было у него необыкновенное, «хмелевское» трудолюбие, и оно сослужило верную службу. Через год после второго провала Художественный театр принял Хмелева, а спустя еще один год Николай Павлович сыграл центральную роль в «Дядюшкином сне» Достоевского — роль, с которой артист не расставался до конца дней. Цепь образов Хмелева — Каренин в «Анне Карениной», Костылев в «На дне», Силан в «Горячем сердце»,

Фирс в «Вишневом саде», царь Федор в одноименной пьесе, Тузенбах в «Трех сестрах», Скроботов во «Врагах» или Дубельт в «Последних днях» («Пушкин») — незабываема. Хорошо известны и блистательные работы Н. П. Хмелева в кино — например, его страшный Беликов, подлинный «человек в футляре». Но менее широко известно то, что каждая роль давалась Хмелеву ценою огромной, «сумасшедшей» работы.

Был ли Хмелев талантлив? Да, очень. Но не «от природы», а благодаря повседневному, безостановочному труду.

Как часто, беседуя с родителями, слышишь такое:

— У меня очень талантливая девочка, ей все легко дается; так зачем утомлять ребенка, пусть вырастет спокойно, потом всему научится.

Что ж, никто не требует от девочки, чтобы она к пятнадцати годам стала опытной сборщицей телевизоров или портнихой. Нужно совсем другое — вкус к труду, тяга к высокому умению. Этакая хорошая трудовая зависть, если хотите!

Будут эти качества к пятнадцати-шестнадцати годам — можете не беспокоиться за сына или дочку. Не будет их — тревожьтесь: судьба детей неясна. Все может стать на свое место, «обойтись», и тогда ребенок вырастет человеком, но может обернуться и по-другому... Иначе откуда взялись двадцатилетним байбакам, «прожигателям жизни», «фарцовщикам» и прочим сорнякам?

Вот и подошли мы к «развилке». Одна дорога — прямая — через труд

к счастью. Другая — в обход труда. Эта дорога делится на множество тропок, но все они мусорные, все неприглядные. Берегите детей от такого поворота!

Мы часто говорим, что воспитание у нас в стране — коммунистическое. Бесспорно. Однако мы уже немного привыкли к этим словам и не очень вдумываемся в их смысл. Что они означают конкретно? Вот послушайте:

«Основу коммунистического воспитания, всестороннего развития личности составляет творческий труд. Труд всегда был и будет источником существования и развития людей...»

Коммунистическое воспитание имеет важнейшей задачей — утвердить каждого в сознании того, что человек не может жить без труда, не создавая средства для жизни».

Это к вам обращается партия: слова взяты из доклада Н. С. Хрущева на XXII съезде партии о Программе КПСС. И, как всегда у нашей партии, это не просто слова, но и замечательные дела. Действительно, кто из педагогов сомневается сегодня в правильности закона об укреплении связи школы с жизнью? Нет таких. Закон стал маяком и компасом школьной работы. А наше, родительское дело — поддержать усилия школьного коллектива со своей, семейной стороны.

Нет ничего хуже раздвоенности в человеческой душе. Носить личину, поступать не по совести, не по убеждению — как противно это молодому цельному характеру! Но бывает так: в школе Володя охотно работает вместе со всеми, он увлечен тем, что ему покоряется металл; а дома слышит скептические реплики по поводу своих неотмытых рук и вообще рабочей «карьеры».

— Работай, сынок, старайся. Одинадцать лет проучишься — в слесари выйдешь...

Или еще что-нибудь в том же духе.

Вот бы познакомить папу-скептика с Андреем Мирошниченко! Ведь по специальности Мирошниченко именно слесарь. Да, да, слесарь-наладчик зуборезных станков. Но, между нами говоря, если завтра не выйдет на работу директор завода, производство этого почти не почувствует. А если неделю-другую где-нибудь поедет Андрей Мирошниченко, заминка может выйти солидная. Интересно, что Андрей Павлович давно готовится подготовить себе равноценного дублера, но пока такой человек еще не «подрос» на заводе.

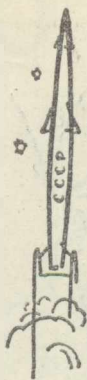
Однако близорукость нашего предполагаемого родителя-скептика — не только в недооценке работы слесаря. Отвращая сына или дочь от труда, такие родители наносят детям тяж-

кие моральные увечья: юный ум начинает метаться, искать, кто же прав — школа или родители? И в поисках этих далеко не всегда приходит к верному выводу.

Но разве только моральный ущерб несут дети? Нет, разлад семьи со школой в вопросе о труде чреват и худшими бедами. Родители, все домашние — огромная сила. И если уж возьмется «дружно» — наверняка отобьют вкус к труду. Пропадет аромат, сладость творчества — и человек приговорен на пожизненное прозябание в «средненьких». Таланту не бывать!

Впрочем, такие семьи сегодня встречаются все реже. Будем надеяться, что они исчезнут совсем. То есть люди-то останутся, но свежий ветерок, веющий над страной, выметет у них старые, окостенелые представления.

Вот, скажем, представление о профессиях «грязных» и «чистых». Что может быть «грязнее» работы свиная? В дни работы XXII съезда Коммунистической партии мне привелось беседовать с интереснейшим человеком. Это свиновод колхоза имени Шевченко Золочевского района, Львовской области, Ярослав Семенович Чиж — низкорослый, веселый украинец с большими, сильными руками. Послушали бы вы, как говорит о свиноводстве этот бывший партийный работник, которого «грязная» профессия привела на вершину славы: Ярослав Семенович — Герой Социалистического Труда, делегат XXII съезда партии, знаменитый маяк сельского хозяйства.

Он рассказывает, как нелегко даются мировые рекорды. Как однажды из-за поломки кормораздатчика им с женой пришлось тридцать часов подряд носить корм ведрами. А в наступающем году Я. С. Чиж берет себе огромное стадо — 5000 животных вместо 1600 в прошлом году. И уверен — вытянет. Уверен, ибо любит дело и мастерски владеет всеми его тонкостями.

Попробуйте предложить Ярославу Чижу работу «полегче» и «почище» — он наверняка воспримет это как оскорбление. И он не удивляется, что его старший сын, которому едва минуло одиннадцать, проводит каждую свободную минуту на ферме у отца.

— Нехай цикавятся, дитына, — улыбается Чиж. — Мабуть добрый тварынык пидыметься...

Свой разговор мы начали с рассказа о слесаре-наладчике. Хотелось

бы привлечь к беседе еще одного человека. Он моложе Андрея Мирошниченко, а по рабочей квалификации — литейщик. В день открытия XXII съезда Коммунистической партии он выступил в газете «Красная звезда» с замечательной статьей, которую в соответствии со своей рабочей профессией назвал так: «Металл и характер отливаются в труде». Этого человека зовут Юрий Алексеевич Гагарин...

Первый космонавт планеты рассказывает, как в одном зарубежном городе к нему пришли люди в замасленных спецовках и сказали: мы не успели переодеться, боялись опоздать и не встретиться со своим человеком, с бывшим рабочим.

— Я и теперь рабочий, — с гордостью ответил им герой.

Ю. А. Гагарин утверждает: все, чего он достиг в жизни, дал ему труд. Выдержку. Уверенность в своих силах. Любовь к технике. Бодрость и оптимизм. И как результат всего этого — возможность совершить космический полет.

Кто знает, в какие звездные выси предстоит лететь сегодняшнему школьнику! Какие небывалые свершения ждут его здесь, на родной земле! Мы, люди социализма, должны дать ему хорошую путевку в коммунистическое общество. Самую лучшую путевку — трудовую. С ней человек одолеет все преграды. С ней постройт для себя и для всех невиданный мир братства и счастья.

«Человек велик своим трудом», — сказал однажды Никита Сергеевич Хрущев. Точнее не скажешь.

СЕЛО ОЛЬГИНСКОЕ РАСКИНУЛОСЬ В 15 КИЛОМЕТРАХ ОТ СТОЛИЦЫ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ ГОРОДА ОРДЖОНИКИДЗЕ. ЧЛЕНЫ УЧЕНИЧЕСКОЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ БРИГАДЫ ОЛЬГИНСКОЙ ШКОЛЫ В ФЕВРАЛЕ ПРОШЛОГО ГОДА ВЗЯЛИ НА СЕБЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО В ПОДАРОК XXII СЪЕЗДУ СОБРАТЬ С КАЖДОГО ГЕКТАРА ПО 90 ЦЕНТНЕРОВ ЗЕРНА КУКУРУЗЫ НА ПЛОЩАДИ В 50 ГЕКТАРОВ. НЕМАЛО ПРИШЛОСЬ ПОТРУДИТЬСЯ РЕБЯТАМ, ЧТОБЫ СДЕРЖАТЬ СЛОВО.

ПОСЛЕ ЗАНЯТИЙ ОНИ БУКВАЛЬНО ПРОПАДАЛИ В ПОЛЕ.

И ПОБЕДА ПРИШЛА! НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ, ПОКАЗАВ НА СЪЕЗДЕ НЕСКОЛЬКО БОЛЬШИХ ПОЧАТКОВ КУКУРУЗЫ, СКАЗАЛ ПРО ОЛЬГИНСКИХ ШКОЛЬНИКОВ:

— ЭТО УЧЕНИКИ ВЫРАСТИЛИ, ДЕТИ СТРОИТЕЛЕЙ КОММУНИЗМА. ТЕПЕРЬ ОНИ ПОМОГАЮТ СТРОИТЬ КОММУНИЗМ, А КОГДА ВЫРАСТУТ, БУДУТ ЖИТЬ ПРИ КОММУНИЗМЕ. ЧЕСТЬ И СЛАВА НАШЕЙ МОЛОДЕЖИ!

Фото П. Захаревского

ГДЕ ИСТОКИ УСПЕХА?

Алексей УЛЕСОВ,
электросварщик,
дважды Герой
Социалистического Труда

Рисунки А. Сысоева

Часто, очень часто — когда я прихожу в школу, встречаюсь с молодежью на собраниях, иду на работу теми долгими переходами, которые отделяют наше жилье от строительной площадки, и веду разговор то с одним, то с другим попутчиком, — у меня спрашивают: «Скажи, в чем романтика твоего труда, почему ты так увлечен работой?»

*

В своем родном хуторе Генералове, что в донских степях, я пас скот. Был подпаском. Мой пастух увлек меня работой, и я в детстве думал, что буду всю жизнь пастухом. В хуторе я учился в ликбезе, и грамота открыла мне новый мир. И со страстью начал читать книги. Вступил в комсомол. А год спустя шла уже первая пятилетка. Хуторские комсомольцы целую ночь обсуждали, кого послать учиться в ФЗУ. Большинство голосов решило, что мне надо пополнить ряды рабочего класса (нет, это не высокопарная фраза, а так было записано в постановлении комсомольского

собрания!). А когда я кончил училище, меня послали работать слесарем на Волгоградскую ГРЭС. Я был счастлив и любил свою работу. В ту пору были универсальные слесари. Я мог делать многое — изготовить сложную деталь к станку и отремонтировать машину. Словом, было где приложить не только руки: головой тоже надо уметь работать. А умение «соединить голову с руками», как метко заметил наш знаменитый физиолог академик И. П. Павлов, для человека большое счастье.

Но однажды увидел я, как молодой парнишка, присев на корточки, чуть сгорбившись, сваривает ressortу грузовой машины. Я смотрел, очарованный. Когда парнишка снял маску и выпрямился, я узнал Гришу Кокорева, секретаря нашей комсомольской ячейки. Для меня он стал человеком-загадкой, так же как и его мастерство. Пока же я видел только одно — Гриша Кокорев поведает силой электричества, плавит им металл и соединяет на веки вечные лопнувшую ressortу. Ододело меня любопытство — пристал к Гри-

ше Кокореву: «А как это? А как то?» И мой юный товарищ с удивительным спокойствием и умением отвечал на мои вопросы. И привязался к нему. Мы подружились.

Недавно я получил письмо от Виктора Пономарева из Ростовской области. Он пишет: «Я прочел в газете сообщение, что ваша биографическая книга «Пути-дороги» переведется на французский язык. Я троплюсь вам послать это письмо. Если вы не исправили то место, где рассказываете о дружбе с Гришей Кокоревым, то исправьте, а то получается очень утилитарно: вы захотели овладеть электросваркой, потому и подружились. Будут читать французы и обязательно упрекнут вас в эгоизме». Письмо это доставило мне радость — ведь паренек проявляет заботу обо мне, — по исправлять я ничего не стал. И вот почему. Дружба у разных людей складывается по-разному. Если между людьми становится корысть — дружбе не бывать. Влюбленность в профессию товарища — не корысть. Я помню, с какой радостью просеивал меня Гриша Кокорев. Для него

это было счастьем, потому что он увидел мою влюбленность в его мастерство. В то время сварка в нашей стране была делом новым. Пройти кокоровскую школу было нелегко: он читал мне лекции по истории сварки, технологии и требовал от меня, чтобы я в совершенстве знал теорию. Не улыбайтесь: какие, мол, лекции мог читать электросварщик Кокорев слесарю Улесову! Мой Гриша был в ту пору студентом заочником электротехнического института. За всю свою жизнь я не встречал более добросовестного лектора. Когда у меня плохо шли дела, он вновь и вновь повторял пройденное и радовался моим успехам. Я тогда от него узнал, что электросварка — наше отечественное изобретение. Я уже знал принципы, разработанные профессором Петровым, знал о Бенардосе и Славянове — первых русских инженерах, обогативших практикой открытие Петрова. Но этого было мало Грише. Он требовал от меня, чтобы я знал биографии Петрова, Бенардоса, Славянова. Зачем? Гриша удивился моему вопросу: «Нет, ты еще не влюблен в наше дело. Иначе бы не спрашивал — зачем. Ты должен знать все о людях, создавших такое чудо, как электросварку».

И я изучал биографии. Старался узнать все. Я стал понимать, как Бенардос и Славянов от простого, малого шли к более сложному, видели пути их поисков, начал улавливать истоки технического творчества. Это было для меня открытием. Я понял: поиски нового — это страстная борьба, закаляющая волю

человека, идущего к цели. Биографии родоначальников отечественного изобретения — электросварки были для меня не меньшим открытием, чем сама сварка.

Больше года продолжалась моя учеба — теоретическая и практическая. И когда Кокорев ушел в отпуск, я целый месяц работал сварщиком. Он вернулся, и я снова стал слесарить. А совершенствование мастерства продолжалось. Я шлифовал свое призвание, избавлялся от ошпобок, как избавляется ваятель от всего лишнего, когда высекает из мрамора скульптуру. Это еще не было творчеством. Но была влюбленность — исток творчества.

Не было творчества и тогда, когда я в армии в годы Отечественной войны чинил изуродованные танки, и даже в ту пору, когда в Петропавловске-Камчатском я под водой латал броне кораблей. Совершенствование мастерства — не больше. «Своего голоса» еще не было.

На строительстве Волго-Донского канала за три года я выполнил десять годовых норм. Работа была для меня новой: нужно сваривать арматуру. И тут впервые я использовал работу на повышенных режимах. Сварка шла при 200 ампер. А нельзя ли увеличить силу тока? Довел ее до 400 ампер. Производительность поднялась в три раза: я работал электродом большого диаметра, и он расплавлялся вдвое быстрее прежнего. Это была находка, которой я очень дорожу. Я вторгся в неизведанное и добился успеха. Значит, можно! И одно это толкало меня все время вперед: ищи, ищи новое!

С берега Дона я перекочевал на берег Волги, где у подножия Жигулей строилась гидроэлектростанция. Тут, конечно, еще больше простора для электросварки — богатырь-то какой вставал на могучей реке. Мы узнали, что советские инженеры изобрели новый вид сварки — называли ее ванной сваркой. Это было настолько просто и настолько изу-

мительно, что я поначалу даже поверил. Как это так — сваривать два стержня арматуры без накладок или нахлесток? Раньше было: два стержня арматуры плотно — в стык — ставили друг к другу, а по бокам приваривали накладки, часто до метра длиной. Иначе нельзя! А вот инженеры говорят — можно: ставьте два стержня арматуры, оставляйте между ними определенный зазор, снизу надавите ванночку, чтобы высота ее была равна арматурным стержням, плавьте стержни и электрод. Эта ванночка и заменит существовавшие до сих пор тяжелые и дорогостоящие накладки. Это было просто и вместе с тем это было чудом! Я об этом разговаривал с главным инженером правобережного арматурного завода Юрием Владимировичем Лизуновым, влюбленным в новую идею с юношеской горячностью. Молод Юрий Владимирович Лизунов, да хитер: передав мне свое увлечение, он как-то невзначай, как будто дело идет о пустяках, сказал:

— Идея хороша, да вот нам предстоит разработать технологию, установить режим, словом, провести опыты...

— Я думал, что журавля поймали! А вы снипцу в руках держите...

— Нет, Алексей Александрович, журавля. Но нам надо потрудиться. Тогда хорошая идея станет материальной силой... Я верю.

— Я бы тоже хотел верить.

— Вот и хорошо. Нам с тобой этого коня надо приручить.

Но дикого коня легче обездичить, чем придать маленькой расплавленной ванночке крепость настоящего металла. Не будет этого — не будет ванной сварки, которая теоретически втрое повышает производительность труда, втрое снижает расходы, дает колоссальную экономию металла. Вот что сулила нам, строителям, ванночка...

С тех пор как я работаю сварщиком, брака не делал. А тут? Прямо стыдно говорить: что ни стык, то брак... Понимаю, конечно, — эксперименты, опытные сварки. Но ведь я привык сердцем чувствовать металл, а тут... На третий день нашей поисковой работы, когда нас уже преследовал смех остряков, мало верящих в успех, я собрал бригаду, рассказал о ванной сварке и предложил вечерами, после работы, учиться варить арматуру по-новому. Появились первые стыки, давшие крепость, равную основному металлу. А у меня окрепла уверенность. Бригада приступила к занятиям...

Прошел месяц, и нас с Юрием Владимировичем Лизуновым перестали называть алхимиками. Технология нового вида сварки была от-

работана, проверена опытом, стыки становились все крепче и крепче. И на стройке был сделан резкий скачок вперед: репили за месяц переучить всех сварщиков и работать вдвое быстрее и вдвое дешевле.

Это была большая радость. Но мы с Лизуновым потерпели и поражение: добившись успеха с горизонтальными стыками арматуры, мы не сумели создать технологию сварки для вертикальных стыков. Долго продолжали опыты, но все напрасно. Так на протяжении всего строительства сварка у нас была комбинированной: горизонтальные стыки — ванным способом, вертикальные — по-прежнему с накладками.

Я продолжал опыты... И только пять лет спустя добился того, о чем мечтал, — вертикальные стыки были покорены. У нас, в Ставрополе на Волге, построена мощная ТЭЦ — все стыки арматуры сварены ванным способом — и вертикальные, и горизонтальные.

Пять лет опытов. Скажу по совести, было очень трудно. Судите сами: работал, учился в вечернем техникуме, который только в прошлом году окончил, да еще эти опыты. И все же доволен я, потому что пришел к цели. Когда добьешься своего, и трудности радуют, приносят счастье.

Теперь я хорошо понял: сварка имеет неограниченные возможности. И чем больше я вторгался в неизвестное, тем ярче открывались мне перспективы будущего.

Со своей профессией я сроднился на всю жизнь.

Думаю, что влюбленность в свое дело родители должны передавать «по наследству» и своим детям, вызывать интерес к тому, что дорого сердцу. А как же иначе? Разве не приятно, если то, что тебе по душе, станет потребностью жизни твоих детей? Мой старший сын Анатолий не испытывал беспомощного искания и выбора жизненной дороги, он сразу же после окончания десятилетки пошел работать сварщиком и вечерами учился в индустриальном институте. Моя любовь передалась сыну, и я этим горжусь.

В прошлом году я получил сотни писем. Пишут мне люди о моих книгах, обращаются за советом, делятся радостью и горем, говорят о волнующих их делах. Это очень дорогие и интересные человеческие документы. В них — бление сердца нашего современника. Как приятно работать, когда чувствуешь, что труд твой радует людей! И как горько порою читать письма, в которых чувствуешь руку мечанина, да еще перекрашивающегося под нашего современника. Об одном таком

письме мне бы и хотелось поговорить.

Я получил его из Ташкента, от Веры Игнатьевны К. Она просила при ответе не ссылаться на нее, а просто написать письмо сыну и сказать, чтобы он обязательно стал электросварщиком. Почему? А вот почему: «Дело в том, что наш Валерик ни к чему не стремится, живет за нашей спиной и не понимает, как надо делать жизнь. Но мой Валерик любит деньги, и этим его можно увлечь. Вы очень много зарабатываете. Я ему об этом говорила, но он не верит, говорит, что это пропаганда. А если Вы ему напишите о своем заработке, о том, что у вас своя машина, великолепная квартира, что Вы имеете возможность ездить за границу, это на него действует. Очень действует! Я-то знаю своего сына. Он тоже может стать знаменитостью. Это к нему подойдет — он честолюбив и горд, хочет быть не таким, как все. Вы меня только правильно поймите, я — мать и хочу сделать для сына как лучше. Я буду с Вами откровенна до конца. Не думайте, что я отсталый человек и не понимаю, что артистом или писателем привлекательней быть, чем рабочим, но у нас так построено, что и рабочий может иметь громкое имя, а у моего Валерика нет таланта стать Арбузовым или Охлопковым. Не судите меня за откровенность. У меня что на уме, то и на языке. Каждая мать хочет для своих детей хорошей жизни...»

Нет, Вера Игнатьевна, не хотите Вы для своего Валерика хорошей и честной жизни! Хотя Вы и претендуете на искренность, но в Вашем письме никто не услышит тревоги за судьбу сына. Вы хотите воспитать из него черствого эгоиста, сребролюбца, для которого манищим огоньком в жизни будет только рубль. У нас в стране нет и не будет никогда культа рубля. Я — человек, влюбленный в свою профессию, мечтающий о том, чтобы молодежь продолжила наши традиции и никогда не упустила мирового первенства, завоеванного советской страной в области электросварки. А Вы хотите, чтобы я заманивал на свою дорожку молодых людей, суля им легкую жизнь и длинные rubli?! Я этого сделать не могу.

В Программе КПСС, принятой на XXII съезде партии, сказано: «Труд по способности станет привычкой, первой жизненной потребностью». А когда у человека жизненная потребность в любимом труде, он способен на чудеса.

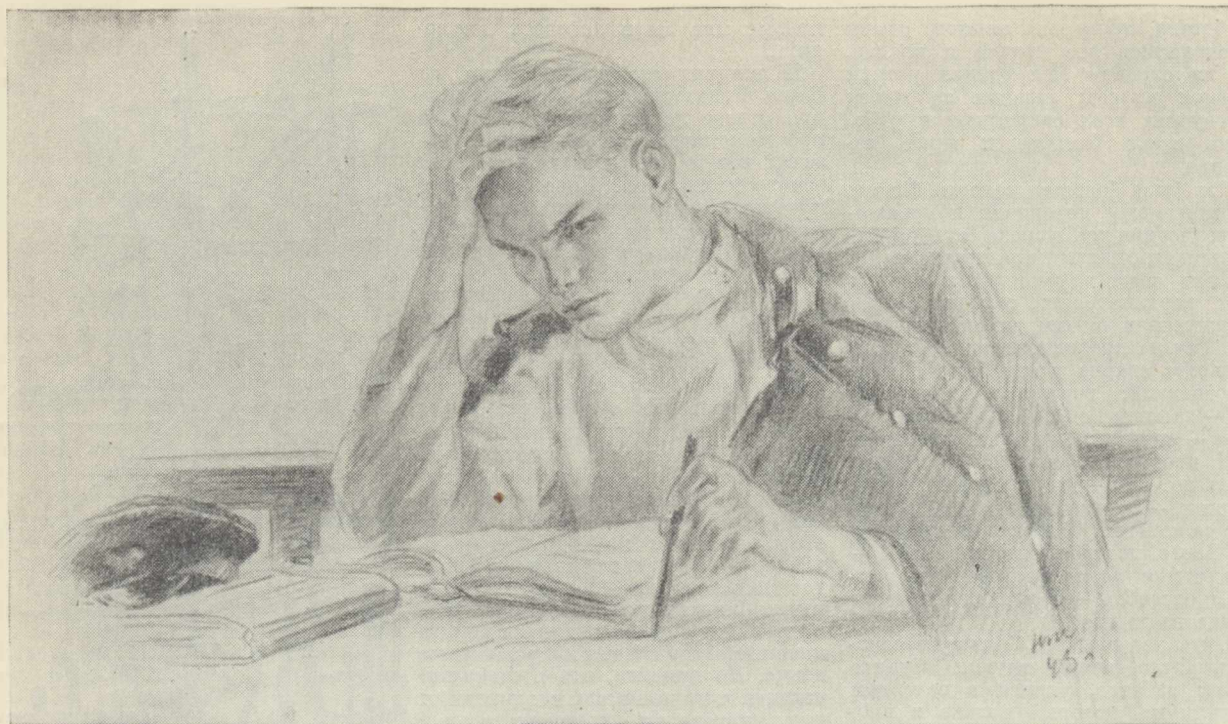
Ваш сын, Вера Игнатьевна, может стать кем захочет. Но для этого прежде всего нужно — трудиться! Труд — вот начало радостей и буду-

щих успехов. С этого надо начать и Вашему Валерику...

Много чудесных профессий у нас в стране. Почему бы журналу «Семья и школа» не открыть на своих страницах форум людей труда? Пусть бы рассказал о своей творческой работе Владимир Якумович Карасев, токарь Кировского завода, изобретатель фрезы, которая завоевала мировую славу. Почему бы не пригласить на трибуну журнала лауреата Нобелевской премии академика Николая Николаевича Семенова, или рабочего Леонида Лалетина — изобретателя электронносчетного микрометра, или экскаваторщика Михаила Евца, о ком сказал Юрий Гагарин, что героический труд Евца вдохновил его на подвиг. Многие бы сумели рассказать «о времени и о себе». В нашей стране много людей, творящих чудеса. Их мудрость, их опыт труда и жизни должны стать достоянием каждой семьи.

г. Ставрополь,
Куйбышевской области

ЖИЗНЬ В ТРУДЕ И БОРЬБЕ

А. МОЛЕВА,

лектор Ульяновского музея В. И. Ленина

У колыбели маленького Володи Ульянова мать часто напевала песенку:

*Может быть, тебя, мой милый,
Ждут печали и нужда.
Спи, дитя, собирайся с силой
Для борьбы и для труда.*

Труд, борьба — вот о чем с колыбели слышали дети Ульяновых. Илья Николаевич сам прошел суровую трудовую школу. Трудолюбивый, настойчивый, требовательный к себе и другим, он и детям своим стремился привить те же качества. Это стремление разделяла с ним и Мария Александровна.

Илья Николаевич внушал старшим детям, что они должны надеяться только на себя, зарабатывать себе средства к жизни, что они должны будут, если сил его не хватит, дать образование младшим братьям и сестрам, поставить их на ноги.

Родители старались так организовать досуг детей, чтобы он никогда не превращался в праздное безделье, а был насыщен интересной деятельностью. Малышей приучали вырезать что-либо из бумаги, клеить, делать

игрушки. Это увлекало детей и вместе с тем вырабатывало у них первичные трудовые навыки. «За частыми отлучками отца мы проводили время преимущественно с матерью, читали, занимались, мастерили что-нибудь из картона и цветной бумаги для елки, — вспоминает Анна Ильинична. — Так как почти все украшения были продуктом нашего труда под руководством матери, то начинали мы работы задолго до елки, и они заполняли содержанием наши зимние вечера. Таким образом, елка была для нас не чуждым, купленным украшением разубранного дерева, а нашим коллективным созданием; и даже позднее, в школе, не знавшей в то время никаких ручных работ, увлекались мы этим примитивным творчеством. На общем фоне трудовой жизни оно являлось тем радостным, творческим трудом, которому придается такое значение в современном воспитании».

Мария Александровна была весьма изобретательна, когда надо было заинтересовать детей скучной работой. Так, однажды она при-

готовила девочкам клубки для вязания, в которых были замотаны маленькие игрушки и сласти, — они появлялись по мере того, как подвигалась работа и клубок разматывался. Другой случай вспоминает Мария Ильинична: «...Ребенком сижу рядом с матерью. Она с работой и у меня в руках носовой платок, который я должна подрубить. Работа не очень интересная — так хочется убежать во двор или в сад, — но мать умеет ласково удерживать меня, скрашивая труд своими рассказами, и я благополучно доканчиваю работу. А когда подхожу к последнему краю платка, то нахожу кусочек шоколада, завернутый в бумагу и приколотый к моей работе. Удивлению моему нет границ: платок был все время у меня в руках, и объяснить себе появление шоколада я никак не могу — это кажется мне каким-то волшебством. А мать улыбается на мое недоумение. Она так ловко проделала этот фокус, что я ничего не заметила».

При обучении детей труду родители не проводили резкой грани между мальчиками и девочками. Так, мать

показывала маленькому Мите, как надо шить, как бегает челнок в швейной машине, как аккуратно надо с ней обращаться. У отца мальчики научились выпиливать по дереву лобзиком. Особенно увлекался этим Саша. Дощечка для хлеба, выпиленная Сашей в подарок матери, до сих пор хранится в музее. Володя часто был занят работой в каретном сарае. По чертежу в журнале «Детское чтение» он с помощью топора и пилы смастерил себе ходули. Там же он выделывал перочинным ножом из мягкой осокоревой коры лодочки и кораблики, которые потом дарил Маше. Родителям это не казалось пустячной, детской забавой. Они бережно хранили творения ребячьих рук, и дети играли ими вволю.

Родители поощряли инициативу и самостоятельность детей не только в физическом, но и в умственном труде. Поучителен опыт «издания» в семье еженедельного рукописного журнала «Субботник». «Редактором» его был Саша, «литературным критиком» — Аня, а постоянными «корреспондентами» — фантазерами — Володя и Оля. На отдельном листочке каждый должен был за неделю написать что-либо на свободную тему. Листки передавались Саше, он вкладывал их в приготовленную им обложку, добавлял что-нибудь от себя, рисовал карикатуры, составлял ребусы, шарады, загадки. Читался номер в присутствии родителей, принимавших близко к сердцу детское творчество. Конечно, материал оказывался самым незатейливым: ведь «корреспондентам» было 7 и 9 лет... Но они взялись за дело очень охотно, изобретая себе псевдонимы: Володя назывался Кубышкиным, а Оля — Обезьянковым. Под кривыми карандашными строчками своего сочинения она крупными буквами подписывалась «Абезьянков», еще не вполне владея орфографией...

Эта интересная затея — рукописный журнал — развивала детскую мысль, детское воображение, инициативу и критическое суждение.

Илья Николаевич и Мария Александровна приучали детей с самого раннего возраста жить дружно и трудиться сообща, чувствуя себя полезными членами семьи. Особенно увлекала детей общая работа по уходу за садом. «Около колодца во дворе, — рассказывает Дмитрий Ильич, — стояла большая кадка, другая такая же кадка стояла в цветнике. От нас требовалось, особенно в жаркое летнее время, чтобы обе эти кадки были заблаговременно наполнены водой, чтобы можно было поливать цветы рано утром, что часто мать делала сама. По вечерам же брались за работу все вместе.

Обычно один кто-нибудь качает воду из колодца, другие с лейками и ведрами разносят ее к месту назначения. Бывало, приходит иногда отец, и работа кипит всюю. Если качаешь воду из колодца, не хочется уступать другому, пока не натрешь мозолей на руках, лишь бы побольше наполнить бочку с водой, не отстать от других. Дружная, спорная была работа».

Дети радовались, работая со взрослыми «как большие». А после наступал радостный отдых.

В центре сада находилась беседка, где Ульяновы пили иногда вечерний чай. Саша, как старший, бывало, тащит в сад самовар, другие несут что кому под силу. Дети по несколько раз бегали из дома в сад и обратно. По окончании чаепития девочки помогали матери мыть посуду, а мальчики уносили все домой, на место.

У них не было «барских» привычек. Ложились спать в определенный час и рано вставали. Володя, как правило, просыпался в 7 часов. Его никто никогда не будил. Он тотчас одевался, не позволяя себе валяться в постели. В одной рубашке, без курточки, чтобы не запачкать ее, чистил зубы, умывался и обтирался по пояс.

Внимательно следили Ульяновы за учением детей. Первые начатки грамоты давала мать. Она умела делать это легко, незаметно. «Читать мы учились по звуковому методу, — рассказывает Анна Ильинична. — Меня мать начала, играя, учить с 5 лет, — помню наклеенные на картон буквы, из которых я составляла слова, — брат выучился подле меня самостоятельно, и отец рассказывал потом, как он — четырехлетний — раскладывал на полу газету и читал, лежа на ней».

Володя выучился у матери читать лет пяти; одновременно с ним научилась читать и Оля. В домашнем сочинении на тему «Как я училась грамоте» Ольга Ильинична писала: «Мне было 4 года, когда моего старшего брата (Владимира Ильича. — А. М.) начали учить грамоте. Я была тогда очень дружна с братом и не хотела от него отставать; мои родители не учили меня, думая, что я еще мала и мне будет трудно, но у меня была большая охота учиться, и я выучилась сама с помощью старшей сестры и брата».

Как только дети хорошо выучивались говорить, читать и писать по-русски, мать начинала обучать их иностранному языку. Она сумела привить любовь и интерес к языкам, так что впоследствии они самостоятельно продолжали их изучение.

Илья Николаевич стоял за то, чтобы детей, особенно мальчиков, пораньше определять в школу, где они привыкали бы к труду и втягива-

лись в школьные порядки. В те времена при поступлении в первый класс гимназии надо было держать экзамены. Из-за частых отлучек Илья Николаевич не мог сам готовить старших к экзаменам. Да и Мария Александровна в заботах о младших и хлопотах по хозяйству не могла уделять им достаточно времени. Поэтому Илья Николаевич приглашал домашних учителей. Анну и Александра в гимназию готовил В. А. Калашников. Он не раз хвалил своих учеников за прилежание и старательность. Владимира готовили двое педагогов. В первую зиму с ним занимался В. А. Калашников. По его словам, Володя быстро все схватывал и верно понимал. Память его была настолько прочной, что повторений не требовалось.

Маленькая Оля, не желавшая отстать от брата, вместе с Володей ходила на уроки к В. А. Калашникову. Когда Оле минуло 7 лет, ее определили в 4-е отделение Первого женского приходского училища, на Панской улице. Она проучилась только год: родители нашли, что Оля еще слишком мала для 4-го отделения. Однако и в ту зиму девочка не отставала от старших соучениц. За письменное изложение какой-то библейской истории законоучитель написал на ее тетрадке: «Молодец». Она была очень огорчена, что пришлось временно оставить школу. Дома с ней занималась старшая сестра Аня, которая к этому времени окончила гимназию.

Вообще, едва старшие дети овладевали новыми знаниями, они начинали обучать младших. Например, первой учительницей Мити была его старшая сестра Анна. Дмитрий Ильич как-то рассказывал, что комната Анны Ильиничны была для него первой классной комнатой.

Илья Николаевич добивался, чтобы дети аккуратно выполняли все школьные задания, прочно и глубоко усваивали материал. «Сознание необходимости образования для каждого, усиленной работы над собой для достижения его, почти благоговейное отношение к науке отличали Илью Николаевича всю жизнь и были с детства внушаемы детям», — пишет А. И. Ульянова.

Дети, как правило, занимались самостоятельно, лишь иногда за объяснением непонятого обращаясь к отцу (иностранные языки они изучали под руководством матери). Илья Николаевич приобрел для них географические карты, глобус, зоологический атлас, различные коллекции и т. п.

По своему кругозору дети семьи Ульяновых заметно выделялись среди своих сверстников. Но Илья Николаевич всегда был против «захва-

ливания», как он выражался. Отец, пишет Анна Ильинична, «несмотря на постоянные отличия в школе всех нас, — и особенно Володи, — никого не хвалил, а, радуясь нашим успехам, старался поощрять нас на большие».

Следуя по стопам отца, Аня еще на гимназической скамье мечтает о работе народной учительницы. Пятнадцати с половиной лет она закончила гимназию с большой серебряной медалью и, проработав 2 года помощницей учительницы в одной из народных школ Симбирска, поступила на историко-филологическое отделение Бестужевских курсов в Петербурге.

Оля тоже была первой ученицей и переходила из класса в класс неизменно с высшей наградой. В 1887 году, когда ей шел 16-й год, Оля окончила курс с золотой медалью. «Помимо большой одаренности и развития не по летам, которому чрезвычайно благоприятствовали семейные условия, — писала М. И. Ульянова, — Оля обладала еще огромной трудоспособностью. Без преувеличения можно сказать, что она не работала только тогда, когда спала. Она так увлеклась своими занятиями, в частности математикой, которую очень любила, что вечером, когда вся наша семья собиралась в столовой к вечернему чаю, матери стоило большого труда настоять, чтобы Ольга отложила свои книги и тетради и присоединилась ко всем. Кроме занятий в гимназии, Ольга много читала, изучала языки и музыку».

Сашу отдали в подготовительный класс восьмью с половиной лет. Его страшно удручали порядки в гимназии. Он никак не мог привыкнуть к грубости, невежеству, лицемерию и лести, которые царили там.

Презируя зубрежку, Саша старался глубоко осмыслить все, что учил. Он увлекался математикой, питал склонность к литературе и истории, но особенно полюбили ему химия и естествознание, которые он стал изучать самостоятельно. Где только можно было, собирал баночки и пузырьки. Деньги, которые давали ему на завтрак, он нередко тратил на покупку пробирок, реторт, колбачек. В своей комнате на маленьком столике-шкафике он производил простейшие химические опыты, в чем не раз помогал ему Володя.

В 1882 году, при переходе в последний класс, Саша упросил родителей отдать в его распоряжение отдельную летнюю кухню, чтобы он мог устроить там лабораторию. Зная, что семья живет только на жалованье отца, он не решился просить у него необходимые для этого деньги, а стал давать частные уроки.

Более сложные химические приборы Саша выписал из Казани и те-

перь почти все свободное от занятий время просиживал за опытами и чтением специальной литературы. Он даже спал в своей лаборатории. Родители стали беспокоиться о его здоровье и всячески старались вытаскивать его на прогулки, на игру в крокет, но это было не так-то легко сделать. Родные и знакомые, вспоминая о последних гимназических годах Александра, характеризуют его как не по годам развитого, серьезного.

В то же время Саша начинает интересоваться социальными науками. В гимназическом сочинении на тему: «Что требуется для того, чтобы быть полезным обществу и государству», он приходит к выводу: «Чтобы быть полезным обществу, человек должен быть честен и приучен к настойчивому труду, а чтобы труд его приносил сколь возможно большие результаты, для этого человеку нужны ум и знание своего дела... Честность и правильный взгляд на свои обязанности по отношению к окружающим людям должны быть воспитаны в человеке с ранней молодости, так как от этих убеждений зависит и то, какую отрасль труда он выберет для себя, и будет ли он руководствоваться при этом выборе общественной пользой или эгоистическим чувством собственной выгоды... Любовь к труду должна простирается не только на легкие и ничтожные вещи, но и на то, что с первого взгляда кажется непреодолимым».

Владимир Ильич поступил в гимназию девяти с половиной лет. Учился он лучше всех, переходя из класса в класс с высшей наградой. Сохранилось несколько его табелей, похвальные листы за 3-й и 4-й классы, одна из его наградных книг — «Жизнь европейских народов» Волозовоной — с надписью: «Педагогический совет Симбирской гимназии, уважая отличные успехи, прилежание и похвальное поведение воспитанника IV класса Ульянова Владимира, награждает его сего книгою при похвальном листе».

Исключительная легкость, с какой Володе давалось учение, несколько беспокоила Илью Николаевича. Опытный педагог, он боялся, что это помешает сыну выработать в себе настойчивость, трудолюбие, прилежание. Поэтому Илья Николаевич часто звал его к себе в кабинет и начинал задавать ему вопросы по всему пройденному материалу. Володя всегда был готов к ответу.

Владимир Ильич со школьных лет развил в себе такую работоспособность, которая позднее изумляла всех. Как бы он ни был шаловлив и боек, на уроках его всегда видели серьезным и сосредоточенным. Он

внимательно слушал преподавателя и хорошо усваивал многое еще в классе, поэтому дома ему не стоило особого труда хорошо овладеть материалом.

Володя учился в седьмом классе, когда семью постиг первый тяжелый удар — скоропостижная смерть Илья Николаевича. Александр был в то время в Петербурге. Анна, приехавшая на зимние каникулы, колебалась: возвращаться ли ей на курсы? Но мать решительно заявила, что надо ехать. Володя стал первым помощником матери в домашних делах. Однако учился он по-прежнему отлично.

И вот, когда подходило время последних экзаменов, на семью Ульяновых обрушился новый страшный удар. 1 марта 1887 года в Петербурге за участие в покушении на царя Александра III был арестован Александр Ильич. Заключили в тюрьму и Анну Ильиничну — студентку последнего курса. Мария Александровна уехала в Петербург. За старшего в доме остался Володя, которому не было еще и 17 лет.

Каждый день, каждый час думал он о судьбе своего горячо любимого брата, с тревогой ожидая вестей из Петербурга. И в то же время, проявляя огромную силу воли и выдержку, он не забывал заботиться о младших сестрах и брате и настойчиво готовился к экзаменам на аттестат зрелости. Экзамены начались 5 мая и закончились 6 июня 1887 года, а уже 10 мая в Симбирске стало известно о казни А. И. Ульянова.

Как ни велико было горе, которое легло на юные Володиные плечи, он взял себя в руки и во время экзаменов по всем предметам получил высшие оценки. В музее экспонируется страница классного журнала Симбирской мужской гимназии, где против его фамилии написано: «Удостоить аттестата зрелости и награды золотой медалью». Знания Владимира Ильича были так глубоки и всесторонни, что его вынуждены были наградить золотой медалью, несмотря на то что его брат участвовал в организации покушения на царя.

Воспитанные с детства в труде, Ульяновы всегда и безде крепко стояли на ногах. И куда бы ни забрасывала их судьба, в каких бы условиях ни протекала их жизнь, они всюду умели самоотверженно трудиться и бороться, упорно добиваясь намеченной цели. Особенно ярко это проявилось у Владимира Ильича. «При всей своей природной одаренности, — пишет М. И. Ульянова, — Владимир Ильич не был бы тем, чем он был, если бы не работал так упорно над собой в течение всей своей жизни, начиная с гимназических лет».

Радость Кольки Морозова

Очерк

П. ПРОНИН

Рисунок Н. Борисовой

— Бать!.. Хочу рассказать тебе одно дело... Серьезное.

— До дому потерпеть не можешь? — бросает отец. Он шагает неторопливо, как человек, заработавший право на отдых.

Борис больше не беспокоит отца: ясно, сейчас тот о деле говорить не будет. Такая уж у него привычка — не говорить о деле на ходу.

Комната у них с отцом хорошая. Пустоватая, правда, зато чистая, светлая. Как при матери...

Теперь, едва они вошли в комнату, вступил в силу их молчаливый договор. Оба принялись за дело и сделали все быстро и хорошо. А потом Борис стал рассказывать отцу про Кольку.

— Ну вот, батя, притащил я его домой. Дверь отворил какой-то старикан и сразу на пацана: «Такой-сякой, хулиган, бандит...» Потом — ко мне: «Вы из милиции, молодой человек? Натворил чего опять?» — «Нет, — говорю. — А что, милиция часто беспокоит?» Старик рукой машет... Ну, вижу, он лицо заинтересованное, отослал пацана в комнату и рассказываю все, как было, как он билетами пытался спекулировать. «Чего ж, — спрашивает, — в милицию его не повел?» Я чуть не расхохотался, батя: пацан от горшка два вершка, а я его в милицию тащить должен!.. Старик рассказал, что отца у парня нет, мать пьет и все такое прочее, а он — сосед и сделать ничего не может. Тогда я зашел к пацану в комнату. Он на диване развалился, а в комнате такое творится!.. Постоял я, посмотрел, а он сидит. Я говорю спокойно: «А ну, Коля, убери в комнате, уроки делать будем». Он оглядел меня с ног до головы и отвернулся. Стащил я его тогда с дивана — вижу, словами с ним не договорился, — поставил на ноги, трихнул как следует. «Убирай со стола, — говорю, — мети пол. Как только самому не противно в хлеву

таком жить!» Тряхнул я его здорово. Зато уж он послушался: убрал со стола, сходил за щеткой, вымет пол...

— Так-так, — сказал отец. — Дальше что?

— А дальше скатерть чистую постелил, встал у стола и смотрит. Я говорю: «Давай уроки делать». — «Не знаю, — говорит, — что задано: три месяца в школе не был». — «Ладно, собирайся, пойдем с тобой в школу». Не хотел идти. Еле уломал. Пришли. Я прямо к директору. Так, мол, и так, хочу шефствовать над Колей Морозовым. Обрадовался директор. «Молодец, — говорит, — только у нас еще с полтора десятка таких...» И список мне дает. «Неплохо бы, — говорит, — и ими заняться...»

— Что ж ты, с целым детским садом заниматься будешь? Бросай тогда завод, иди работать в школу. Пусть они тебе штатную должность дают. Воспитателя...

— Не детский сад, батя, а пионерский отряд... Это в детском саду воспитатели... Ты слушай!.. Пошел в комитет комсомола, говорю: «Школа просит взять шефство над безнадзорными ребятами». Они говорят: «Ладно, поручаем тебе зайти в детскую комнату милиции и про всех, кто там на учете у них, узнать». Был и в детской комнате. Тоже обрадовались. Дали адреса, обещали поддерживать. Говорят, наши пенсионеры-общественники справиться не могут, а вы — ребята молодые, спортсмены все, надежное, так это дело как раз по вас. Договорились еще и конференцию провести в детской комнате с ребятами, которые в этом деле участвуют...

— А кто участвует?

— Пока только я... Да не беспокойся, охотники найдутся!

— Ну ладно. А вот ты мне скажи, что делать-то с ним будешь?

Борис почесал затылок.

— Вот что я думаю. Парень безнадзорный? Ясно. Значит, надо с ним побольше быть, уроки делать, ну...

— Думать, Борька, надо.

— Тоже верно... Только чего тут придумашь, кроме того, что с парнем просто по-людски надо?.. Ну как с братом, что ли...

Дверь Борису открыл тот же бритый старик в голубой исподней рубашке и в новых валенках. Борис первым делом заинтересовался:

— Как Колька?

Старик вдруг подмигнул ему и зашептал, косясь на дверь:

— Метет. Пол в комнате метет. Ты погоди заходить-то.

Сор кучкой лежал у двери, а Колька стоял со щеткой в руках. Он встретил Бориса взглядом, полным растерянности: не успел!

Борис нахмурился. Перешагнул через мусор и подошел к столу.

— Ты кончай с этим делом: уроки пора готовить, — и, давая возможность Кольке отыгаться, нарочно швырнул пальто на ближайший стул. Колька встрепенулся.

— Что расшвырялся-то? Вокзал тут тебе? — задиристо спросил он.

— Извини, брат... Это ты прав, конечно.

Борис спес пальто в переднюю.

— То-то... — не удержался от злобства Колька.

Он неторопливо, кажется даже с удовольствием, сгребал мусор в совок. Понес его в кухню. Потом ему понадобилось вынести мусорное ведро. Было ясно: уроки делать ему не хочется.

— Долго же ты выносишь мусор, — сказал с упреком Борис. — Иди садись за стол. Что задали, помнишь? На всех уроках был?

Колька молча стал выкладывать из сумки тетради и учебники. Борис взял тетрадь по русскому языку и полистал ее.

— Да, брат! — протянул он. — Ну ладно. Сегодня пиши здесь, а завтра заведем новые. По всем предметам. Понял?

Колька с подчеркнуто равнодушным видом пожал плечами. Борис заметил, какой грязный ворот на его рубашке, и укашнулся.

— Вот что! — решил он наконец. — Отложим уроки. В баню пойдем.

С минуту Колька ошарашенно смотрел на Бориса. Потом покраснел и отвернулся.

— Не пойду, — заявил он.

— А ну, собирайся! — закричал Борис. — Я тебе дам — не пойду! Еще заплачь у меня!

Плакать Колька и не думал. Как его смели заподозрить в этом! Он зло посмотрел на Бориса и стал со-

бираться, швыряя белье в старую хозяйственную сумку.

В передней стоял старик.

— Что это вы развоевались? — поинтересовался он.

Борис ответил как можно спокойней:

— В баню собрались.

— В баню?! А-а, в баню! Это хорошо. Ишь ты, в баню!.. Ну и правильно. В старину-то каждое дело с бани начинали... И мне, что ли, в баню сходить?

Колька со злостью рванул входную дверь.

...В прихожей на стене висел велосипед. Колька провел пальцем по пыльному следу.

— Твой? — спросил он Бориса.

— Угу... Висит тут до лета...

— Гоночный!

— Подрастешь, и у тебя такой будет.

— Ну да? Где ж деньги-то взять?..

— Чудак. Думаешь, я покупал его? Я в секции занимаюсь.

— Да? А мне можно?

— Когда учишься хорошо будешь...

Борис обратился к отцу:

— Знакомься — Николай Морозов! Тезка твой...

Николай Семенович снял очки и отодвинул газету.

— Здравствуй, Николай Морозов! Как по батюшке-то?

— Семеныч... — Колька подержался за большую руку тетки, уселся на диван и стал рассматривать комнату.

— Я пойду чайник поставлю, — сказал Борис, — а ты тут пока развлеки гостя.

— Ну, как жизнь? — Николай Семенович накрывал на стол.

— Ничего...

— Ничего — это пустое место. Уроки-то сделал хоть?

— Нет еще. Сейчас начну.

— Прямо-таки сейчас... Чайку сперва попьем...

Пили чай. Колька старался пить совсем бесшумно, чтобы меньше обращать на себя внимание. Ему было хорошо, только он боялся, что если на него станут обращать внимание, то это ощущение уюта пропадет.

Отец и сын говорили о своих заводских делах, на Кольку вроде не смотрели, только подливали ему чай и подсовывали бутерброды. Колька пил чай, жевал бутерброды, слушал непонятный разговор; потом сказал «спасибо», отошел от стола и сел на диван.

Борис с отцом убирали со стола, готовили место для занятий, а Колька рассматривал комнату, и ему не хотелось уходить из нее, из этой большой, светлой комнаты, где живут два спокойных, уверенных человека.

ЯРКИЕ КРАСКИ ЖИЗНИ

Всесоюзная художественная выставка 1961 года имела большой успех среди москвичей и гостей столицы.

Около 4000 произведений живописи, графики, скульптуры демонстрировалось в Центральном выставочном зале и залах Академии Художеств СССР.

В числе многих произведений выставки зрители отличали картины, воспроизводимые нами на вкладки: «Стремление» О. Зардаряна, «Строители Братска» В. Попкова и «Портрет композитора Кара Караева» Т. Салахова.

Армянский художник О. Зардарян уже неоднократно принимал участие в выставках. Он принадлежит к среднему поколению. Его пейзажи, натюрморты, портреты, картина «Весна» привлекали зрителей эмоциональным звучанием красок. Зардарян любит цвет. Глаз художника по-своему видит цветовые отношения в окружающей жизни. Порой автор сознательно усиливает цвета, добиваясь выразительности художественного замысла, удовлетворяющего художника.

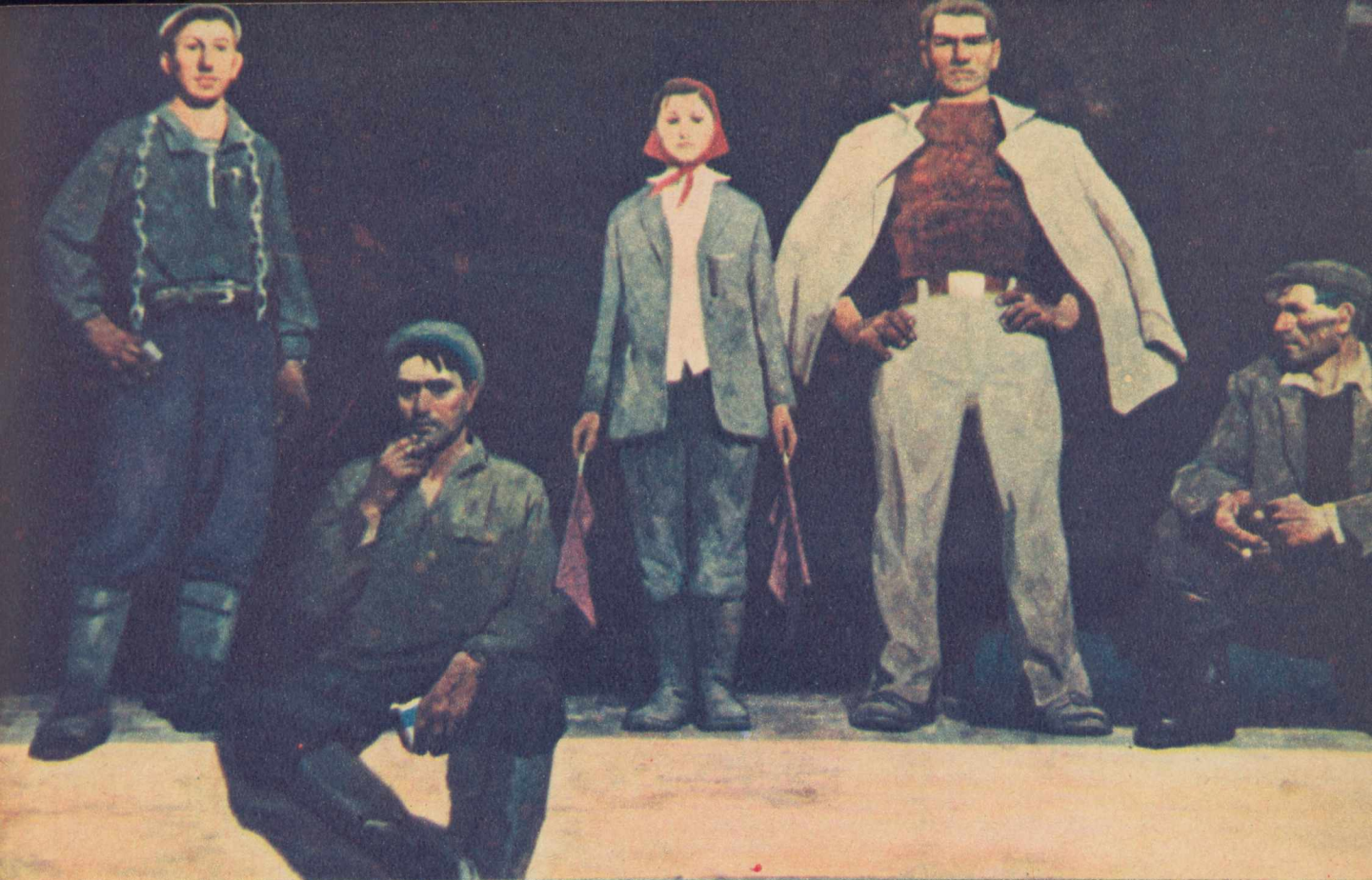
В армянском зале Всесоюзной художественной выставки две работы О. Зардаряна представляли искусство республики: «Портрет студентки Ж. Аветисяна» и «Стремление».

Как-то, рассказывает художник, ему пришлось наблюдать в горах Армении быстроногую лань, а в другой раз — девушку, поразившую его чистотой помыслов. Это и побудило его написать аллегорическое произведение о свободе, чистоте, о прекрасном в человеке и в жизни. Вдохновенному замыслу суждено было осуществиться.

В картине чувствуются простор, легкость, душевный порыв, ритмичность движения и цветовых переходов. Все это вместе с выразительными линиями и силуэтом рисунка, композицией и сюжетом помогло автору раскрыть содержание картины. И благодаря мастерству художника произведение воспринимается откровенно, созвучным нашей действительности и возвышающим зрителя.

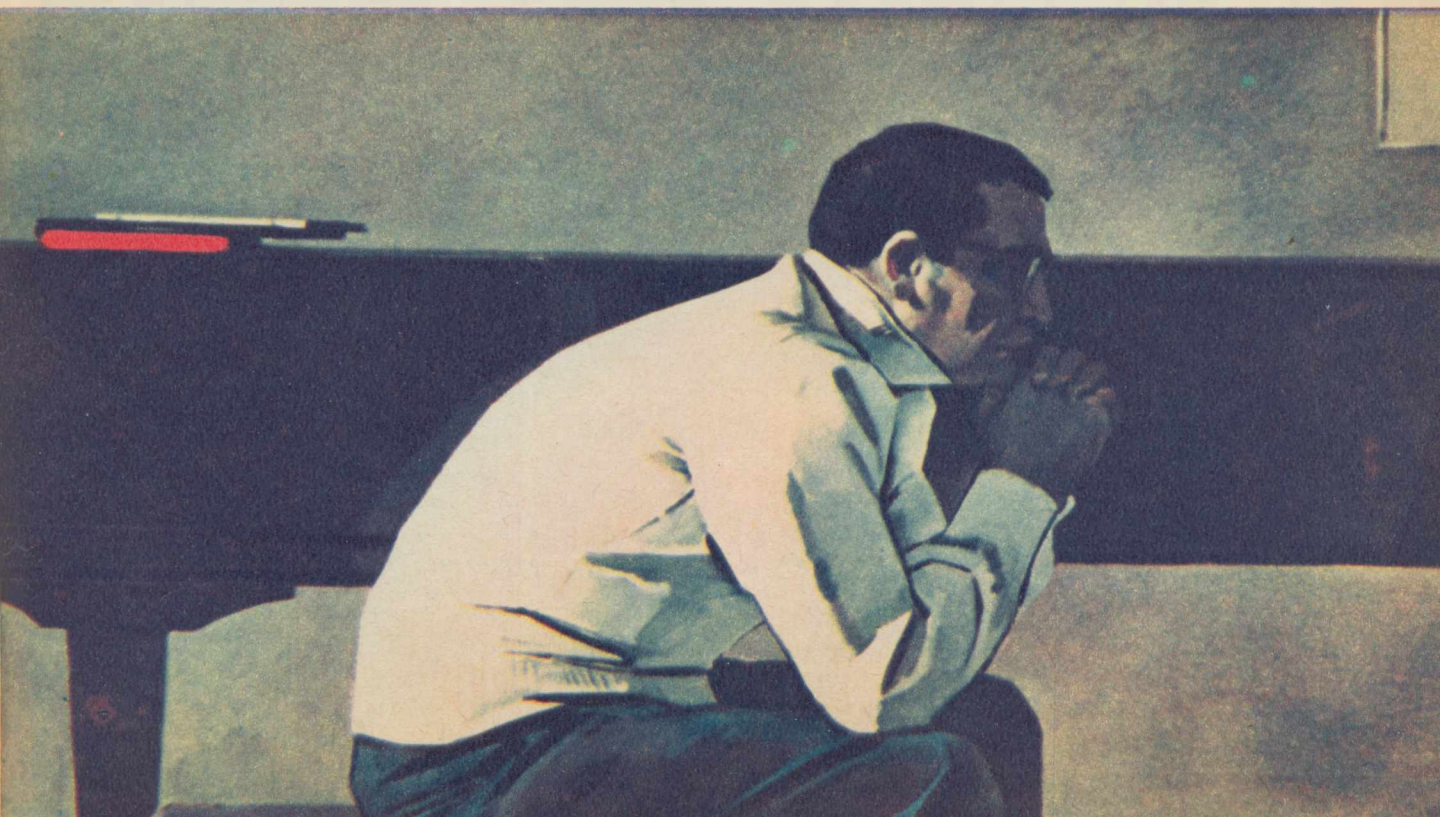
Картина «Строители Братска» В. Попкова показывалась в залах искусства Российской Федерации. Молодой художник ранее участвовал в выставке «Советская Россия» с произведениями: «На лесах Большого театра» и «Штукатуры». Обе картины были интересны. Академия Художеств СССР пригласила Попкова в свои мастерские для усовершенствования творчества. Попков много работал, пользуясь советами ведущих мастеров. Он выезжал в творческие командировки. Привез большую живописную серию «Братская ГЭС»

(Окончание на 33-й странице)

В. ПОПКОВ (РСФСР). Строители Братска

Т. САЛАХОВ (Азербайджанская ССР). Портрет композитора Кара-Караева

БАГРЯНИК

Рассказ

Михаил КОРШУНОВ

Рисунки В. Михайлова

(слева на вкладке и в тексте)

1

Все, что происходило, от Ильки скрывали. Но Илька догадалась и тихонько плакала ночью: жалела себя, маму и отца тоже.

Она его любила, потому и жалела.

Часто звонит телефон и никто не отвечает, если к телефону подходит мама. Когда подходит отец, то отвечают.

После такого телефонного звонка мама долго молчит и даже не слышит, когда ее зовет Илька.

Прежде у отца было свободное время. Теперь свободного времени нет. Он всегда торопится, уходит.

А то наоборот — не приходит, задерживается и потом что-то объясняет маме, прикрыв дверь в спальню, чтобы не слышала Илька.

Гости собираются редко — самые близкие друзья, бывшие мамыны. Стараются говорить о чем-то очень другом.

Мама, когда вечером бывает одна, сидит в темноте. Илька не любит, чтобы мама так сидела, и зажигает свет. Мама улыбается и сразу начинает говорить о чем-нибудь незначительном, обманывая Ильку.

Однажды отец начал собирать чемодан, такой старый чемодан с погнутым замком.

Илька спросила:

— Ты уходишь?

Она знала, что отец не уезжает, а уходит от них.

Отец обнял Ильку и прижал к себе.

Мамы дома не было. Илька и отец долго стояли у окна, обнявшись, и молчали.

В тот день папа не ушел, хотя ему потом два раза звонили по телефону. И даже вечером остался дома.

Но на следующий день вечером его опять не было. И мама сидела одна в темноте. А Илька тихонько плакала.

Давно еще мама рассказывала Ильке про себя и папу, как они познакомились и начали жить вместе. Очень подробно рассказывала, потому что маме это было приятно.

Теперь Илька все вспомнила. Ей казалось, что и мама вспоминает, когда сидит в темноте одна.

Это было весной у моря.

Цвел багряник. Красные лепестки грудями лежали на мостовой, в порту на кучах угля, падали в коляски с детьми.

Мама бежала по тропинке Массандры. Массандра — так назывался парк. Отец бежал за ней.

Мама остановилась у багряника над самым обрывом, где внизу, в скалах, грохочет, живет море.

Если багряник толкнуть — он засыплет все вокруг. И море тоже. Отец с мамой часто его толкали, потому что маме это нравилось.

От пристани отчаливал маленький открытый катер «Зяблик». Капитан, в берете, в подвернутых брюках и босой, уже скомандовал — убрать трап.

Отец с мамой прыгнули на катер без трапа. «Зяблик» уходил в море на прогулку.

Мама крошила хлеб, бросала за борт, кормила чаек. Чайки были синими. Это от моря. Когда оно тихое, без волны, и светится синим, тогда и чайки снизу светятся синим, и катера, и лодки, и даже теплоходы.

Покормив чаек, мама сказала капитану:

— Погудите.

— Для чего?

— Пускай улетят. Не гонятся напрасно.

Капитан включил сирену. Чайки улетели.

В дымной чебуречной было весело и шумно. Отец и мама ели чебуреки. Пили бузу — напиток из пшена.

Мама брала за край чебуреки и смотрела на свет. Сквозь прозрачное тесто видна была начинка — зеленые кусочки лука и бульон. Край запекал тонким рубцом.

Это настоящие чебуреки — когда они прозрачные и тонкий рубец.

Илька ела такие. Мама умеет их жарить, запечатывать блюдцем, чтобы получился тонкий рубец. И чтобы прозрачные.

Мама благодарила повара. Повар улыбался и в ответ приподнимал белый колпак.

На приморской набережной под платаном стоял телеграфный аппарат. Девушка-телеграфистка принимала телеграммы и тут же передавала их во все концы страны. От южного моря к северному морю.

Ее аппарат негромко постукивал до позднего вечера, горел белым огоньком.

— Останусь одна, — говорила мама отцу, — буду посылать тебе телеграммы с разными хорошими словами.

Часто они лазили с папой в горы, слушали кукушек. Пили застуженную в глубине земли родниковую воду. Жарили на углях орехи. Покупали у мальчишек бутонны магнолии, перевязанные веревочкой. Чертили на песке свои имена и сидели у моря.

А теперь, думала Илька, что же теперь?

Неужели папа забыл то, о чем рассказывала мама? Совсем забыл? Вот так, сразу.

Илька — помнит, хотя она не слышала кукушку, не пила застуженную в глубине земли родниковую воду, не жарила на углях орехи...

Когда отец приходит поздно домой, он осторожно садится на край Илькиной кровати.

Илька притворяется, что спит. И мама притворяется, что спит.

А папа сидит один в темноте, как часто сидит теперь мама, и смотрит на Ильку.

Илька родилась после той весны у моря. Папа уехал в командировку, в Кемерово, куда он и мама вскоре должны были перебраться: папу направляли работать на машиностроительный завод.

Однажды девушка-телеграфистка отстучала под платаном телеграмму. А в телеграмме — слова про то, что Илька уже родилась.

Эти самые хорошие слова посылала мама, посылал зеленый платан.

Папа очень волновался там, в Кемерове, и в ответ тоже прислал слова самые хорошие — маме, Ильке и зеленому платану.

2

Красные лепестки засыпали город, шуршат под ногами. Это зацвел багряник.

Воздух в городе еще не пыльный, и в нем держится прохладный запах цветов и весенняя свежесть солнца.

Мама, Илька и отец идут вдоль моря, по набережной. Они только что приехали. На Ильке широкая спортивная юбка, свитер и туфли «галошки». На маме тоже спортивная юбка, свитер и «галошки».

Мама останавливается, кричит отцу:

— Погляди на причал. Неужели «Зяблик»? Нос обит латунью!

— Конечно, он, — смеется отец. — «Зяблик», птичий флот!

И снова они идут по набережной.

Выпустил тугую завязь ияжир. Распечатала бутонь чайная роза. Садовники подрезают прошлогодние листья на пальмах.

Семена, похожие на гроздья черного винограда, падают на асфальт вместе с листьями.

Их подбирают местные жители, чтобы посадить дома во дворе, вырастить пальму.

Вдруг мама схватила папу за руку, показала Ильке — типе.

Отец замер. Илька тоже.

Под платаном стучал телеграфный аппарат. А старый платан, просвеченный солнцем, стоял, точно охваченный зеленым пламенем.

Высоко в складках гор зажат снег, там доцветают подснежники. Покрикивая друг на друга, маневрируют в гавани сейнеры. Буксир тянет на канате баржу. Она будет намывать из моря песок.

Острыми крыльями режут воздух чайки — то набирают высоту, то возвращаются к морю, и летят совсем низко, брызгая лапами.

Мама смотрела на них, как они становятся синими. И папа смотрел. Илька тоже смотрела, кидала чайкам хлеб.

А потом они пойдут в Массандровский парк и толкнут багряник, тот самый, что над обрывом.

И пусть все-все засыплет багряник.

ШКОЛЬНИЦА

Владимир ЛАЗАРЕВ

Я читаю стихи.

В классе тихо и строго.

За окошком снежинки немые летят.

И среди множества глаз

Два огромных,

Два синих восторга,

Два апрельских рассвета

Мне в душу глядят.

Они ждут откровений,

Они не желают иначе,

Ты их только отвагой,

Только дерзким полетом зови.

Их хозяйка — я знаю —

Над «Анной Карениной» плачет,

И мечтает о сцене,

И верит в бессмертье любви...

Что решает она,

Кроме школьных задачек несложных?

Ей пока лишь мечта

Да нехитрое дело под стать.

Угловатая девочка,

Что она может сегодня:

Помогать своей маме?..

Почти без ошибок писать?..

А еще она может

В раскрытые волны —

с разбегу!

А еще она может,

Коль тяжкое время придет,

Мимо дымных штыков

Босиком —

по горящему снегу...

А еще она может

Запеть,

Восходя

на немой эшафот!

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК—МАЛЫШАМ

К итогам обсуждения статьи М. Черемисиной *

Кто из родителей не хочет, чтобы его дети свободно владели одним-двумя иностранными языками? Желание законное. Огромный рост международных связей нашей Родины, широкий культурный обмен, массовые поездки советских людей за границу делают знание иностранных языков насущной необходимостью.

Между тем с обучением языкам дело, как известно, обстоит далеко не благополучно. И начинается оно поздно — с 5-го класса школы, — и результаты его за пять-шесть школьных лет малопродуктивны. Даже по окончании высшего учебного заведения многие слабо владеют иностранным языком.

В чем тут причина? Прежде всего в отсталости методики обучения. Вот почему всякие новые идеи и поиски в этой области вызывают большой интерес. Так произошло и со статьей М. Черемисиной «Иностранный язык — малышам». Редакция получила на нее много откликов — и от родителей, и от педагогов, начиная с воспитателей детских садов и кончая профессорами вузов.

Некоторых удивила сама постановка вопроса: даже взрослые с большим трудом преодолевают чужой язык, а в статье предлагается обучать... малышей. Но автор исходил не из предвзятых схем, а из реальных жизненных наблюдений. И читатели в своих откликах приводят все новые и новые факты, подтверждающие правильность основной идеи статьи тов. Черемисиной.

ЖИВЫЕ ФАКТЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Сын учительницы Н. Ахапкиной (Новочеркасский район, Целинный край), ученик 3-го класса, дружит с одним мальчиком, немцем по национальности. Как-то мать заметила, что сын произносит немецкие фразы, и чем дальше, тем чаще и уверенней. Он уже стал к ней самой шутливо обращаться по-немецки: «Мама, дай мне поесть», «Мама, я пошел гулять» и т. п. Мать догадалась: сын, играя, перенимает немецкие фразы от своего друга. Вначале она смотрела на это как на забаву. Но обсуждение, поднятое в журнале «Семья и школа», дало новый толчок ее мыслям. «Теперь, — пишет она, — я буду просить Яшу (так зовут товарища сына), чтобы он научил моего сынишку варьировать немецкие слова и выражения. Ребятам будет интересно, и польза будет большая от такой игры. Я сама убедилась, что дети могут усваивать иностранный язык уже с младшего возраста».

Двухлетняя казашка Рая с родителями переехала в квартиру, где жили две русские семьи, рассказывает З. Ужгина (г. Станислав). И мать, и няня разговаривали с девочкой только по-казахски. Но в квартире и во дворе Рая повседневно общалась с русскими детьми, а с 3 лет пошла в детсад с русским языком. Сейчас

девочке четыре года, и она свободно говорит и по-русски, и по-казахски, хотя языку ее никто специально не обучал.

«Я изучаю вслух латинский язык, — пишет А. Иванов (г. Канаш, Чувашская АССР). — И, как правило, все произносимые мной латинские слова почти точно подхватывает и повторяет трехлетняя дочурка Нина, которая играет в другом конце комнаты. Кстати, у нас в семье говорят главным образом на чувашском языке, и Нина хорошо его понимает. Но сама она любит говорить по-русски: научилась от других ребят в детских яслях».

Любопытный факт из своего детства вспоминает Т. Холодова (Каушанский район, Молдавская ССР). Они жили тогда в городе Рыбинске, Ярославской области. В нижнем этаже их дома проживала одинокая старая немка. Она очень любила детей и часто, собрав 5—6 малышей, играла с ними в школу. Старушка учила их отдельным словам, выражениям, приветствиям, вопросам и ответам на немецком языке. За одну зиму дети хорошо научились «разговаривать по-домашнему», как называла это их «учительница».

Потом, сообщает о себе автор письма, она пошла в школу, окончила 8 классов и поступила в техникум, а с первых дней Отечественной войны добровольцем ушла в армию. «И вот, когда войска Советской Армии переступили родной рубеж, — пишет Т. Холодова, — я часто вспоминала Эмму Францевну. Как я была ей обязана! Ведь благодаря ее стараниям я могла объясняться в Румынии, Чехословакии, Венгрии и Австрии. Школа, где я 4 года изучала немецкий язык, мне мало что дала. Там прочтешь заданный текст, переведешь по памяти, вызубришь очередное правило — и все. Разговорная речь отсутствовала. А Эмма Францевна научила меня живому общению на немецком языке».

Таких фактов в откликах читателей много. Остается лишь удивляться, что до сих пор мы так слабо обращали внимание на замечательную способность малышей к усвоению иностранного языка. Но главная заслуга тов. Черемисиной в том, что она не ограничилась наблюдениями. Она взялась за организованное обучение малышей языку и выдвинула это в качестве общей задачи родителей и педагогов.

По этому же пути самостоятельно идут и другие.

ОПЫТ СТАНОВИТСЯ МАССОВЫМ

Преподавая в вузе и техникуме, Н. Заволошина (г. Нижний Тагил) раньше не сталкивалась с проблемой обучения малышей. Но у нее самой росли дети, и с четырех лет мать начинала учить их языку домашними методами. Позднее к матери обратились сотрудницы ее учреждения и знакомые с просьбой заниматься с их детьми. «И случилось так, что с 1945 года в часы своего отдыха я постоянно занимаюсь с кем-нибудь из малышей».

* «Семья и школа», 1960, № 10; 1961, №№ 2, 4, 8, 11.

Прочитав статью «Иностранный язык — малышам», Т. Махалова из г. Ангарска решила взяться за обучение своего четырехлетнего сына Сережи. Занятия она ведет в форме вопросов и ответов. Мальчик быстро запоминает соответствующие ответы и их перевод. На следующем занятии заученные вопросы и ответы уже не переводятся. «Интересно вот что, — сообщает мать, — я думала, что сознательно ребенок может только ответить на вопрос, но оказалось, что так же сознательно он может и задать его. Однажды Сережа сам обратился к отцу с вопросом на английском языке. С этого времени мальчик стал по-английски разговаривать со своими игрушками. Задает вопросы своей кукле и отвечает за нее маминим голосом: «Сколько тебе лет?» — «Мне 4 года». Плюшевый мишка спрашивает Сережу: «Ты мальчик?» — «Да, я мальчик» и т. д.

В статье «Иностранный язык — малышам» Е. Тимофеева из г. Барановичи нашла «отражение собственных мыслей». Пользуясь своими знаниями по немецкому языку, она стала обучать ему дочь-второклассницу, четырехлетнего сына, а также шестилетнюю девочку и трехлетнего мальчика, которые жили по соседству. Сначала дети просто спрашивали у нее, как звучит по-немецки то или иное слово, и, повторяя, вводили их в свои игры. «Это навело меня на мысль, — пишет тов. Тимофеева, — а что если заниматься с ними по определенной программе и систематически? Убедившись в возможности этого, я уже не знала покоя. Это так меня увлекло, что я серьезно задумалась над проблемой обучения иностранным языкам в детских садах. Мне кажется, над этим должны задуматься все знающие тот или иной язык — воспитатели, учителя, преподаватели вузов».

Можно ответить автору этого письма, что многие педагоги не только «задумываются», но уже практически действуют в новой для них области.

Учитель В. Кузнецов из г. Красноуфимска в порядке эксперимента преподавал иностранный язык в 1-м классе 1-й школы. Директор 103-й школы Северо-Кавказской железной дороги тов. Гармаш и учителя тт. Коган и Иноземцева совместно с воспитателями 73-го детского сада провели экспериментальную работу по обучению дошкольников английской разговорной речи. Преподавательница Ленинградского нахимовского училища И. Смольникова разработала систему обучения языку детей дошкольного и младшего школьного возраста на опыте проведенных ею 50 уроков. Успешно обучает малышей в 15-м детском саду К. Пиотух, преподавательница английского языка Новосибирского сельхозинститута. Статья тов. Черемисиной живо заинтересовала и Б. Данилова (Молдавский научно-исследовательский институт животноводства и ветеринарии). Интерес его понятен: он сам обучает 11 малышей. «После прочтения этой статьи, — сообщает тов. Данилов, — сотрудники нашего института решили создать курсы английского языка при детском саде».

Таких сообщений приходит много. В печати все чаще появляются заметки об организации в детских садах, ЖЭКах, при учреждениях детских групп по обучению иностранным языкам. Дело это выходит уже из стадии единичных поисков и приобретает все более массовый характер.

ИГРЫ И ЖИЗНЬ

В своих откликах читатели уделяют главное внимание вопросам методики обучения малышей.

Интересный опыт накопила тов. Силантьева (г. Челябинск). Она убедилась, что занятия проходят особенно успешно, когда в них вносится элемент игры. За год ее ученики прошли пять тем: «Я и моя семья»,

«Комната», «Животные», «Обед», «Части тела и одежда». Каждая тема охватывала 20—25 слов. Выражения «Здравствуйте» и «До свидания» ввели с первого же занятия, и потом весь год дети в садике и на улице здоровались по-английски. На третьем занятии, усвоив глагол «иметь», дети уже говорили целыми предложениями. Через месяц почти каждый мог рассказать о себе: «Я мальчик (девочка). Меня зовут Коля (Таня). Мне пять (шесть) лет. У меня есть мама (папа, брат, сестра). Мой брат маленький (хороший)». Дети научились понимать простейшие вопросы и отвечать на них.

Объясняя тему «Комната», тов. Силантьева использовала игрушечный макет комнаты и познакомила детей с глаголом «видеть». Теперь малыши «рассказывали» по-английски о том, что они видят в комнате. В большом ходу у детей шуточные соревнования, игры в «глухой телефон», отдачи и выполнение команд на английском языке. При этом оченьгодились игрушки, куклы. Немало помогли диафильмы, коротенькие стишки, песенки.

Интересны методические находки и у других педагогов. И. Смольникова на основе своего опыта рекомендует целую серию игр для закрепления усвоенных слов и выражений: «Угадай», «Прячь и ищи», «Назови число», игры в мяч, в магазин, лото и домино. Широко использует игры Л. Викторова. Дети у нее особенно любят игры «Курица и цыплята» и «Кошка и мыши»: в них много действий, в которые вплетаются повторяемые слова и выражения.

При обучении малышей особенно важна тесная связь с жизнью. Справедливо пишет Е. Тимофеева, что обучение не следует замыкать в рамках специальных занятий. Игры детей, гимнастика, прогулки, питание, выполнение режимных и гигиенических требований, детские праздники — все это открывает перед детьми широкое поле для практических упражнений в языке. Педагоги 103-й школы Северо-Кавказской железной дороги давали первоклассникам названия предметов, с которыми они повседневно имеют дело в школе, — учебных принадлежностей, классной мебели, наглядных пособий, а также слова, связанные с арифметическим счетом и действиями в пределах первого десятка.

Напомним о ценном опыте московского педагога С. Никоновой («Семья и школа» № 4 за 1961 год) по организации уроков «английской арифметики». Она правильно видит одну из причин слабой успеваемости по языку в том, что «в системе предметов школьной программы иностранный язык как-то обособлен, изолирован, изучается сам по себе, вне связи с учебной, трудовой и общественной деятельностью школьников».

Читатели предлагают при обучении малышей языку более широко использовать современные технические средства. В. Кузнецов из г. Красноуфимска рассказывает, какое удивление и восторг у первоклассников вызвала запись их речи на магнитофонную ленту и прослушивание. Но дело не только в интересе детей. Способность к подражанию сама требует широкого использования звукозаписи при обучении. Запись и воспроизведение диалогической речи учащихся, песенок и стихотворений на магнитофонной ленте учит критически относиться к речи своей и товарищей и лучше усваивать образцы правильной речи.

Это важно и для тех, кто учит детей, и тем более для родителей. «Родителям-неспециалистам, знающим тот или иной иностранный язык, — рекомендует тов. Кузнецов, — полезно перед началом занятий с ребятами прослушать учебные пластинки. Это заставит их быть внимательными к своему произношению. А запись собственной речи на магнитофонной ленте позволит проверить качество произношения».

Такая самопроверка, подчеркивает К. Воскресенская (г. Краматорск), особенно необходима для тех роди-

телей, которые сами не владеют иностранным языком в совершенстве. Автор письма предлагает выпустить серию пластинок с легкими текстами на темы, близкие детям. На основе этих текстов можно создать разнообразные игры для малышей.

СОЗДАВАТЬ ЯЗЫКОВЫЙ „ФУНДАМЕНТ“

В ходе обсуждения темы «Иностранный язык — малышам» некоторые читатели затрагивают интересные общие проблемы овладения языком.

Существует ходячее мнение: чем больше слов и правил усвоит учащийся, тем лучше он будет владеть языком. Так думал раньше и учитель А. Лиферов из г. Хабаровска. Однако жизнь заставила его пересмотреть этот взгляд. Работая преподавателем иностранного языка в школе, он заметил, что через 5—6 лет после окончания института объем его знаний по языку сократился ровно настолько, насколько институтская программа превосходит школьную. Причину нетрудно понять: дополнительные знания не находили применения в его работе и попросту выветрились.

Но учитель заметил и другое: неизмеримо улучшилось самое владение языком по сравнению с первыми годами после института. В чем тут дело? «Мне кажется, в том, — пишет тов. Лиферов, — что успех в овладении языком зависит не столько от количества усвоенного, сколько от качества усвоения. Школа дает вполне достаточный объем языкового материала для свободного владения иностранным языком. Надо лишь очень хорошо усвоить этот материал».

Но что значит хорошо усвоить? Заучить слова и грамматические правила? Нет, это значит прежде всего практически овладеть живой речью в процессе активного общения с окружающими. Пусть словарный объем этой речи будет вначале невелик. Но зато сами слова для говорящего существуют не изолированно друг от друга, а составляют звенья целых фраз, выражений, оборотов, которые в свою очередь образуют в его сознании целостную языковую систему. Такая практика, очевидно, и началась у учителя Лиферова, когда он стал работать в школе.

Образование языкового «фундамента» составляет решающее условие успешного овладения языком во все расширяющемся объеме. В этом убедился сам Лиферов, когда взялся восполнять пробелы в своих знаниях. «Я не мог не заметить, — пишет он, — что на готовый, простой фундамент языковых знаний, умений и навыков пополнение это шло очень легко. Новые слова будто по готовым полочкам раскладывались, свободно включались в живую речь, хорошо воспринимались на слух».

Опыт учителя Лиферова весьма поучителен. И хотя он, на первый взгляд, далек от проблемы обучения малышей, на самом деле он непосредственно смыкается с ней. Дело в том, что возраст дошкольника с необходимостью диктует такие формы и методы обучения языку, которые наиболее отвечают природе ребенка. С малышом нельзя начинать с обучения грамматике, поскольку он не дорос еще до сознательного усвоения законов языка. Но это обстоятельство оказывается не недостатком, а, наоборот, преимуществом первоначального обучения языку! Чтобы научиться плавать, надо первым делом лезть в воду. Так и с языком. В этом смысле опыт обучения малышей иностранному языку многому учит и школьных педагогов, и преподавателей вузов. В своем отклике на статью «Иностранный язык — малышам» доцент Оренбургского сельскохозяйственного института В. Подборнов сообщает, что «на

совете нашего института при обсуждении отчета кафедры иностранных языков я выступил с критикой методов преподавания языков в институте и предложил усилить изучение живой разговорной речи как метода, повышающего у студентов интерес к изучению иностранного языка».

Правильное предложение! Можно лишь добавить, что такой метод не только повышает интерес, но и обеспечивает подлинное овладение языком как средством общения и обмена мыслями.

Школьное обучение по сути дела ограничивалось целью научить школьника читать и переводить с иностранного языка. Но это противоречило природе самого языка как орудия живого общения и мышления, вело к одностороннему использованию книжных методов обучения, к подмене изучения живого языка освоением грамматики и механическим заучиванием изолированных слов. В этом вся беда!

НУЖЕН ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ КУРС

Новые программы и учебники по иностранному языку, считает Н. Ячменю (Парабельский район, Томская область), дают учителю больше возможностей учить школьников понимать живую речь и владеть ею, сочетая это с изучением грамматики. И все-таки для радикального улучшения дела этого недостаточно. Автор предлагает выработку у детей первичных умений и навыков живой устной речи начинать с 4-го класса. При чем заниматься здесь не грамматикой, а непосредственно разговорной речью, как учат малышей.

Введение такого «подготовительного курса» в 4-м классе имеет большой смысл. Оно обеспечило бы хороший фундамент для полноценного изучения языка в старших классах.

Предложение это, однако, не снимает вопроса об обучении языку с дошкольного возраста там, где есть подходящие условия. Но при этом возникает другой серьезный вопрос, его ставят многие читатели, — а как быть дальше?

Р. Левандовская, воспитательница 11-го детского сада г. Зеленодольска, Татарской АССР, рассказывает об удачном опыте обучения малышей английскому языку. Но потом дети пошли в школу, а там в 1-м классе иностранный язык отсутствует. В результате весь опыт детского сада, как пишет автор, «пропадает даром».

Где же выход? Как известно, Совест Министров СССР с целью улучшить изучение иностранных языков разрешил, по желанию родителей, организацию в детсадах и в начальной школе специальных групп по изучению языков. А в дальнейшем, видимо, можно будет комплектовать целые классы из питомцев детских садов, прошедших первоначальное обучение иностранному языку. В таких классах надо предусмотреть специальные уроки живой речи, которые будут углублять и совершенствовать знания детей.

Обсуждение статьи М. Черемисиной «Иностранный язык — малышам» было плодотворным. Оно не только познакомило читателей с интересными фактами и конкретным опытом обучения малышей иностранному языку, но и поставило ряд важных вопросов организации, методики и теории обучения.

Редакция выражает благодарность всем педагогам и родителям, принявшим участие в обсуждении. Журнал «Семья и школа» и в дальнейшем будет возвращаться к этой важной теме, информировать читателей о том, что делается по созданию условий для обучения малышей иностранному языку, и рассказывать о лучшем опыте такого обучения.

Наглядно и художественно!

Лидия ЧАГА,
художник

Автор статьи ставит перед собой тяжелую задачу, пытаясь выяснить: почему наглядные учебные пособия оказались вне законов и требований, применяемых ко всем видам изобразительной деятельности?

Как часто нам приходится слышать по поводу неудавшегося произведения, что оно «точь-в-точь учебное пособие». Почему «учебные пособия» стали синонимом безжизненного схематизма или столь же мертвого натурализма? Если проследить историю возникновения и развития учебных наглядных пособий, то окажется, что эстетические качества не могут помешать их основному назначению.

Основоположник наглядного метода обучения чешский педагог Ян Амос Коменский (1592—1670) иллюстрировал свою систему живыми, занимательными, вполне профессионально выполненными гравюрами («Мир в картинках»).

Здесь мы поместили лист из русского букваря XVII века, неоднократно воспроизводимый в современных изданиях как художественное произведение. Профессор М. В. Алпатов в своей «Истории искусств» пишет о Леонтии Бунине, авторе гравюр букваря: «Чтобы сделать каждый представленный предмет легко узнаваемым, рисовальщик придает ему наибольшую наглядность и вещественность... Иллюстрации «Букваря» означали для русского художника реабилитацию реального мира».

Если мы обратимся к нашему времени, то в 40—50-х годах по заданию Московского государственного университета комбинат Московского художественного фонда выполнил большое количество наглядных пособий — рисунков, таблиц, схем. Эти пособия, авторами которых были квалифицированные художники, предназначались для студентов.

Почему бы такой опыт не повторить, применив его к школьным наглядным пособиям? Ведь наглядность имеет тем большее значение, чем моложе учащиеся. Школьные наглядные пособия — я имею в виду так называемые «изобразительные» — прочно утвердились в своей сухой, казенной, вполне безжизненной форме.

Взять, например, учебники для 3-го и 4-го классов. Стандартно-ремесленные, убогие по своей композиционной выдумке рисунки попеременно с кропечными, плохо напечатанными репродукциями картин художников бесполово загромождают страничные развороты. Между тем именно в этом возрасте дети начинают интересоваться иллюстрациями в книжках не как занимательными картинками, а уже как изобразительным искусством, зачастую срисовывая и копируя. Скучные изображения так же плохо воспринимаются, как и невыразительная речь.

В изложении талантливого педагога любая тема может стать живой и увлекательной. Любопытен рассказ о том, как Альберт Эйнштейн преподавал математику: «...Он старался сделать ее веселой, он излагал ее основы как занимательный и вдохновенный подвиг человеческого ума. Проходившие мимо математического класса с недоумением прислушивались к дописывавшимся оттуда взрывам радостного мальчишеского смеха: их был пойман, и можно было переходить к следующему уравнению. Педагоги были шокированы».

Эстетическое воспитание в школе — это прежде всего эстетика речи и эстетика в изобразительной деятельности.

В сентябре прошлого года в «Литературной газете» были опубликованы статьи К. И. Чуковского, посвященные вопросам преподавания словесности. «Канцелярит» — так называет К. И. Чуковский язык, который, к сожалению, проник и в педагогические методики. Например, в «Педагогическом словаре» читаем: «Навыки в обучении — учебные действия, приобретаемые в результате многократного выполнения автоматизированный характер. По мере овладения учащимися знаниями и умениями, автоматизированные элементы появляются в их устной и письменной речи...»

Если построение первой фразы говорит лишь о недосмотре редакции, то вторая, безусловно, относится

к напыщенно-канцелярскому, наукообразно запутывающему смысл стилю «канцелярит». Эстетические критерии методистов определяются стремлением к точности, правильности. Эмоциональное начало изгоняется во имя объективности.

Естественный результат такого педантизма — сухая, схоластическая система, распространяющаяся не только на наглядные пособия, но и на обучение рисованию. Под видом обучения детям чуть ли не с предшкольного возраста прививаются «автоматизированные навыки и умения». Такая система создает прочный иммунитет против восприятия искусства.

Ученые-методисты вырабатывают программу. Педагоги эту программу выполняют. Малыши и подростки приобретают «навыки», копируя и подражая образцам-схемам или ремесленно-натуралистическим картинкам. Иногда им показывают репродукции, весьма ограниченный «ассортимент» которых сохраняется, вероятно, более четверти века. Беседы о художниках и об искусстве сводятся обычно к содержанию произведений. Разумеется, бывают и исключения, но обычно все происходит именно так. В результате вопросы искусства психически не только учащимся. И педагоги, и сами методисты, по-видимому, изрядно скучают, следуя своей программе.

Между тем основой эстетического воспитания должно быть воспитание восприятия искусства.

Почему же восприятие искусства требует воспитания?

Обычно говорят, что искусство отражает реальную действительность в художественной форме. Что же такое художественная форма? Наиболее точное воспроизведение реальности? Но как можно точно воспроизвести на плоской поверхности то, что имеет три измерения?.. Очевидно, речь может идти только об иллюзорном изображении, своего рода обмане зрения.

Об одном художнике рассказывают, что он палил на стене своей мастерской гвоздь с такой иллюзорностью, что каждый входящий пытался повесить на него свою шапку. Было ли это произведением искусства? Разумеется, нет, скажете вы, — всего лишь гвоздь... Ну, а если мы возьмем самый благородный объект — человека, и область искусства пластическую — скульптуру, в которой объем и пространство могут быть точно воспроизведены? Уж чего проще — снять форму с человека и затем раскрасить этот слепок, пока он не примет «человеческую» окраску. Но, оказывается, такое пассивное копирование не только чуждо эстетическим требованиям, а, доведенное до предела, вызывает отвращение.

Научиться любить и понимать музыку можно только с помощью самой музыки. Точно так же и понимание изобразительного искусства можно научиться только у самого искусства.

Художественная форма произведения может оказаться совершенно недоступной неподготовленному слушателю или зрителю. «Автоматизированные навыки» не помогут постигнуть красоту и величие Баха, Бетховена и Моцарта, Микеланджело, Рембрандта и Рублева. Наоборот, с точки зрения «наглядных пособий» великие произведения окажутся совершенно «неправильными».

Значит, художественная форма не есть пассивное копирование натуры. Заметьте — скульптурный портрет обычно бывает или меньше, или больше натуральной величины. Кроме того, работая над формой и поверхностью тела, волос, одежды, скульптор должен помнить о материале, с которым он работает. Глина, дерево, камень или бронза, воплощаясь в произведение искусства, должны сохранять свои характерные свойства, говорить на своем языке: «Я — глина, меня лепили человеческие пальцы; я — дерево,

меня резали ножом, стамеской; я — металл, меня отливали». Так чувство материала, чувство масштаба (размеры произведения), чувство композиции (расположение в пространстве или на изобразительной плоскости) помогает художнику найти свой творческий язык, художественную форму. Опираясь на восприятие реальной действительности, художник привносит в него свои чувства, мысли.

Итак, искусство не просто копирует реальную действительность; оно передает и отношение к ней, мысли, чувства. Поэтому эстетическое воспитание — это воспитание чувства и мышления средствами искусства.

Эстетическое воспитание малышей должно заключаться главным образом в воздействии окружающей обстановки, книжек с картинками, игрушек (причем игрушки должны быть не «художественно оформленными», как говорят, а органически художественными вещами).

Что касается эстетического воспитания школьников, то оно прежде всего должно заключаться в воспитании восприятия искусства. Внушать школьникам уважение и интерес к искусству, помочь им выработать свое отношение к музыке, литературе, живописи — вот в чем главное.

А. В. Луначарский говорил, что для детей все виды искусства хороши, кроме скучного. Руководители, вкусы которых ограничены сезонными стихами и песенками или иллюстрированными журналами, не имеют права говорить с детьми об искусстве.

Страшна сила привычки, сила инерции. Чтобы осуществить закон о связи школы с жизнью, придется преодолеть эту силу. Система обучения должна быть живой во всем своем организме, устаревшие традиции должны быть пересмотрены.

Любая область изобразительной деятельности, какова бы ни было ее назначение, — реклама, торговая упаковка, оформление промышленной выставки, научно-популярный фильм — подчинена своей художественной форме, которая помогает восприятию.

Наглядные учебные пособия должны стать главным средством художественного воспитания. Достичь этого можно только путем упорной совместной работы методистов, издателей и художников.

Изготовлением наглядных пособий, демонстрационных и лабораторных, могут заниматься и сами школьники. Для малышей хорошо бы сделать большие, нарядные листы-буквы и «считалки» с веселыми иллюстрациями.

Схемы, карты, диаграммы для старших должны быть выполнены с большим декоративным вкусом и изобретательностью.

Рисунки животных, птиц, насекомых, растений, иллюстрации на литературные, исторические, этнографические темы, различные макеты и модели послужат хорошим украшением школы. По мере прохождения школьной программы экспозицию можно менять, сохраняя ее до следующей надобности. Наиболее удачные работы попадут на выставки и конкурсы.

Такой вид самодеятельности оживил бы систему обучения и эстетического воспитания, объединяя разрозненные до сих пор восприятия в одно органическое целое.

В этой работе, как и в ознакомлении школьников с искусством, педагогам должны помогать и родители, и творческие союзы, и вся художественная общественность.

Огромный и великий самоотверженный труд педагогов. Необходимо разделить с ними ответственность за эстетическое воспитание детей и подростков. Нельзя забывать, что от этого, в конечном счете, зависит судьба художественной культуры нашей страны.

„И ГДЕ ОНИ УЧАТСЯ ТАК ВРАТЬ?..“

Из дневника завуча средней школы

Е. ТУРБИНА

Рисунки А. Захарова

В школу Ира пришла к третьему уроку. Подружка ее спрашивает, что случилось.

— Понимаешь, мама меня разбудила и пошла на кухню, а я опять заснула... Мама снова меня разбудила. Я скорее собралась и хотела бежать, а мама говорит: «Обязательно выпей молока. А я записку напишу, что опаздываешь по семейным обстоятельствам». Конечно, если бы я прямо пошла в школу, опоздала бы минут на

десять... А какие же семейные обстоятельства за десять минут бывают? Тогда я походила по парку и пришла...

Отец с сыном возвращаются с рыбалки. Перед пивной папа отдает свои удочки сыну.

— Подожди — я сейчас...

Возвратившись, предупреждает:

— Матери не говори.

Мальчик усмехается:

— Ладно. Знаю. Не скажу.

Мама пришла с рынка. В корзине с продуктами сверток из промтоварного магазина. Десятилетняя Надя сразу его замечает.

— Мама, ты что купила?

— Ничего, ничего, занимайся своим делом.

— Как ничего! А это? Покажи.

— Ну ладно, смотри. Только папе ничего не говори. Ему не понравится — кричать будет...

Девочка разворачивает покупку и с удовольствием рассматривает яркую косынку:

— Красивая! Папе понравится.

Мама настаивает:

— Все равно ничего папе не говори...

Разговаривают два второклассника.

— Я завтра к бабушке поеду, с мамой.

— А я уже ездил и приехал.

— Тебе мама берет билет?

— Берет. Мне уже восемь лет.

— А мне не берет! Я ростом маленький. Мама говорит, что мне шесть лет. И все верят!

Захожу по срочному делу к матери своего ученика и не застаю ее. Дома дети. Пятилетняя Таня играет с куклами, шестиклассник Миша читает.

На мои вопросы — где мама, скоро ли придет, что сказала, уходя, — Таня обстоятельно отвечает:

— Мама сказала, что у нее болят зубки и она пойдет к доктору. А по-правдашнему пошла в кино: надела новую шапочку и положила в сумочку синенький билетик. Она так всегда делает. А когда мама придет? Это Миша умеет по часам узнавать...

Миша деловито смотрит на часы и определяет:

— Вот сейчас сеанс кончился. Минут через десять мама придет.

Действительно, мама вскоре приходит. Когда мы остаемся одни, передаю свой разговор с малышками...

Она смущенно улыбается. Я удивленно спрашиваю:

— Зачем вы обманываете детей?

— Да так, в привычку вошло...

Когда маленькие были, только и отпускали — зубы лечить.

И всё улыбается...

Вечером на лавочке сидят три мамы и говорят о воспитании.

— Трудно с ребятами. Главное — правды не добьешься.

— Да, обманывать они мастера.

— И где они учатся так врать?!

Уроки кончились, школа опустела. Сажу в кабинете за работой. Вдруг в соседнем классе раздается треск разбитого стекла. А затем тихий разговор, который через раскрытые окна хорошо мне слышен. Говорят два мальчика-семиклассника.

— Пойдем скажем заучу. Она в кабинете.

— Зачем? Кто видел?

— Струсил! А завтра у класса спросят — тоже молчать будем?

Мальчики, продолжая спорить, уходят из класса. Бросаю работу и напряженно жду: придут или не придут? Входят. Вместе сообщают:

— Мы стекло нечаянно разбили. Мы сами вставим.

Когда я признаюсь, что слышала их разговор и думала, придут ли они, — один из мальчиков заявляет:

— Конечно, пришли бы... Отец всегда говорит: правды бояться только трусы!

*
Перед уроком смущенная шестиклассница передает мне записку от мамы. Читаю: «...Вчера Надя опоздала и сказала Вам, что я ее задержала. Она Вас обманула. По дороге она задержалась на мосту: смотрела, как лед ломался. Если найдете нужным, передайте эту записку пионервожатому».

— Правильная у тебя мама!

*
Утром, до прихода учащихся, обхожу школьное здание. У дверей замечаю малыша-первоклассника.

— Ты что так рано?

Малыш смущенно бормочет:

— Это я... чтобы сказать учительнице...

— Что сказать?!

В это время подбегает мать мальчика.

— И не заметила, как он ускользнул из дома, — обращается она ко мне. — Понимаете, вчера он в классе у девочки тетрадь нечаянно разорвал, а учительнице ничего не сказал. Я ему и говорю: «Ты должен первым сказать обо всем учительнице, чтобы девочку зря не наказали». Вот он и прибежал раньше всех...

*
На родительском собрании в 4-м классе провожу беседу о воспитании правдивости. С тем, что некоторые дети недостаточно правдивы, соглашаются все. То, что первые «жертвы» детской лживости — родители, тоже не вызывает возражения. Но вот стали искать причины, и единогласия как не бывало. Кто обвиняет «улицу», кто школьных товарищей. А когда кто-то говорит, что и родители виноваты, раздаются недоуменные голоса: «Разве мы хотим детям дурного?»

Тогда я предложила прослушать мои записки. Только факты. Впечатление — необычайное! И начался разговор о хорошем и плохом родительском примере...

ОТВЕТЫ РОДИТЕЛЯМ

САМОЛЮБИЕ И СЕБЯЛЮБИЕ

Читательница Н. Козлова из Омска спрашивает, в чем причины развития у детей эгоизма, себялюбия и чем себялюбие отличается от самолюбия.

Отвечает на этот вопрос кандидат педагогических наук Е. КУЛЬЧИЦКАЯ.

Самолюбие и себялюбие во многом родственны, а в обиходе их нередко даже смешивают. Однако разница между ними более существенна, чем сходство.

Уже в дошкольном возрасте проявляются у детей эти два качества. Пятилетняя Таня никак не могла научиться считать. Как-то после очередного неудачного Таниного ответа воспитательница детского сада сказала: «Что же ты, Таня! Все уже научились считать, только ты отстаешь!»

Девочка покраснела и опустила голову. А через несколько дней, когда ее попросили сосчитать матрешек, она чудесно справилась с задачей. Чем это было вызвано? Оказалось, в тот день, когда воспитательница сделала ей замечание, Таня долго уговаривала родителей научить ее считать. И несколько вечеров отец занимался с ней.

А вот как реагирует на замечания воспитательницы шестилетний Саша. В его группе часть стульев забрали в чистку и вместо них принесли новые. Во время завтрака Саша сидел на новом стуле. Но перед занятиями он замешкался, а когда спохватился, то увидел, что все новые стулья уже разобраны. Тогда он подбежал к Сереже, который усаживался на новый стул, и стал его вырывать. Воспитательница сделала Саше замечание: «Саша, не надо! Пусть и Сережа посидит на новом стуле!» В ответ Саша громко заплакал, стал топтать ногами: «Дайте мне новый стул! Не хочу на старом!»

Если у самолюбивой Тани упрек воспитательницы вызвал желание исправиться, подтянуться и не отставать от других, то на эгоистичного, себялюбивого Сашу замечание воспитательницы не действовало, потому что он требовал удовлетворения своего желания, не учитывая желаний других малышей.

У самолюбивого ребенка справедливый упрек взрослого вызывает стремление выправить свои недостатки и изменить свое поведение, а незаслуженная обида — протест, возмущение, желание защитить себя. Себялюбец же самое ничтожное замечание принимает «в штыки»: он уверен, что замечание вызвано не действительными недостатками его поведения, а просто недоброжелательностью окружающих.

Каковы причины появления себялюбия, эгоизма? Главной из них чаще всего бывает неправильное воспитание детей в семье. Некоторые родители в присутствии гостей, да и в обычных условиях, то и дело восхищаются своим ребенком. Послушать их — так он красивее, умнее, добрее всех детей на свете. Его непослушание, капризы — просто нетерпение, его проступки — маленькие грешки. Ему постоянно расточают похвалы, его поминутно спрашивают, доволен ли он, весело ли ему. Слушая лестные отзывы о себе и еще не умея самостоятельно разбираться в своих достоинствах и недостатках, ребенок начинает думать, что он действительно самый умный, самый лучший, и уже с презрением поглядывает на окружающих.

Именно так воспитывают родители Олю. Ей внушают, что она самая красивая из всех девочек, самая умная. Все, что ни сделает Оля, критике не подлежит: все хорошо, все правильно. У Оли самые лучшие платья, у Оли лучше всех повязан бант, Оля лучше всех рисует, внушает девочке мама. Оле ничего не стоит обидеть подругу: «Уходи, у тебя плохое платье, я с тобой играть не буду!» «Ты некрасивая, ты не можешь быть Снегурочкой!» Малейшее замечание воспитательницы вызывает у девочки слезы: мама ее всегда хвалит — почему же воспитательница говорит ей неприятные вещи? Во всем Оля требует исключительного внимания к себе, везде хочет быть первой.

Себялюбие может развиваться у ребенка не только в семье. Иногда для этого создается благоприятная почва и в детском саду, да и в школе, если педагоги, выделив действительно наиболее способного ребенка, начинают всюду его выдвигать, подчеркивать его достоинства, неумеренно расхваливать успехи.

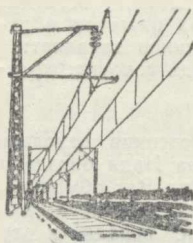
Его всегда «демонстрируют» гостям, посещающим детский сад. Знания, поведение такого ребенка то и дело ставят в пример другим детям. А дальше происходит то, о чем мы уже сказали, — под влиянием постоянных похвал ребенок начинает думать, что он — «исключительный».

Саша — живой, сообразительный мальчик — легко и быстро справляется с поручениями, хорошо усваивает материал на занятиях. Иначе говоря, есть все данные к тому, чтобы считать его способным. Воспитательница непроизвольно стала уделять мальчику больше внимания, чем другим детям: на занятиях первым спрашивают Сашу, утренник открывает Саша, танец ведет Саша, в праздники дежурным назначают только Сашу. Вначале это вызывало у мальчика радость, гордость, желание лучше выполнить поручение. Но постепенно эта гордость переросла в чувство превосходства над другими. Саша стал относиться к детям пренебрежительно, стал требовать к себе особого внимания воспитательницы, обижался, когда она хвалила других ребят. Однажды Саша пришел в детсад в новом костюме. Всем детям костюм понравился, все его рассматривали, хвалили, а Саша весь день ходил гордый, веселый и хвастал: «Смотрите, какой у меня костюм!» На следующий день в таком же костюме пришел Дима. Его костюм тоже всем понравился. А Саша подошел, дернул за рукав и сказал: «Твой костюм плохой!»

В некоторых случаях себялюбие у ребенка возникает во взаимоотношениях с другими детьми. Всегда в группе найдется ребенок более развитой, более энергичный, более инициативный, чем другие. Хороший организатор, он умеет придумывать новые интересные игры, умеет в игре правильно расставить детей, каждому дать задание. Этим он привлекает товарищей, и они невольно подчиняются такому ребенку, поддаются его влиянию. Постепенно ребенок замечает, что везде и всюду он желанный участник, что без него и игра — не игра. Сознание этого может способствовать развитию самомнения, а затем и себялюбия. «Вот я какой! Без

Владимир ФАЙНБЕРГ

Что за окном?
Заснеженная ветка.
А что за веткой?
Реденький лесок.
А что же там,
за тем лесочком редким?
Дорога,
шпалы,
рельсы
и песок.
Ну, а куда
уводит та дорога,
Куда
вагоны тянет тепловоз?
Растерянно
стоял я у порога
И новый задавал себе вопрос.
Земля кружилась —
яркая, цветная,
Как глобус
на учительском столе.
И думал я,
что скоро все узнаю
О синем небе, море и земле.
Меня манило море голубое,
Я чувствовал:
лежат передо мной
Все направленья —
выбирай любое!
Задумчивый я приходил домой...

меня не могут обойтись! Значит, я лучше всех!» — начинает думать он. Поза у него становится гордой, голос — громче, жесты — более резкими, развязными.

Чрезмерные заботы и излишние удовольствия делают ребенка эгоистичным. От слишком большого разнообразия ощущений и волнений ребенок превращается в эмоциональную машину, отзывающуюся на любой толчок, но производящую лишь слабое и нестойкое чувство. Бывает, впрочем, что и отсутствие ласки, теплоты очерствляют его. Ребенок, видя, что никто о нем не беспокоится, привыкает заботиться сам о себе. Попадая, что никто ему не даст игрушку, если он сам ее не возьмет, никто не посадит кататься в детский автомобиль, если он сам не сядет, ребенок привыкает беспокоиться только о себе. Он берет себе лучшие игрушки, не желая делиться с товарищами, и вообще все лучшее старается забрать себе.

Таким образом, в воспитании детей необходимо учитывать разницу между самолюбием и себялюбием; развивая у детей здоровое самолюбие, надо своевременно устранять все то, что способствует развитию себялюбия.

О ПИТАНИИ И ВОСПИТАНИИ

Слова «питание» и «воспитание» я поставил рядом не случайно. На опыте воспитания собственного сына я убедился, насколько связаны эти понятия.

Возможность лучше кормить детей порой превращается в «несчастье» для них: все чаще сталкиваясь с фактами ухудшения аппетита и даже прямого отказа от еды.

В 99 случаях из 100 это происходит по вине самих родителей, и лишь в одном случае — из-за болезней, вызывающих потерю аппетита (например, глисты).

Неправильное питание отражается и на нервной системе: дети растут неуравновешенными, капризными, упрямыми.

Осложняются и взаимоотношения взрослых с детьми. Родители вынуждены уговаривать ребенка, чем ставят себя в зависимое от него положение. Соглашаясь поесть, ребенок как бы делает одолжение родителям. Можно ли в этих условиях обеспечить правильное воспитание?

Коротко расскажу о своем сыне Толе. Сейчас ему 9 лет. В первые годы мы жили вместе с его бабушкой, которая очень любила внука и ухаживала за ним. Она считала, что чем больше он съест, тем лучше, и все свои силы и терпение отдавала этой цели. Если на первом году жизни у ребенка был нормальный аппетит, то к полутора годам аппетит пропал. Бабушка, конечно, не могла равнодушно на это смотреть и стала применять насильственные способы кормления. В результате у ребенка однажды вдруг начались судороги с потерей сознания. Прекратились они лишь после полной очистки кишечника с помощью касторки (другие средства не помогли). Ребенок рос капризным, плохо спал, среди ночи просыпался с плачем, и успокоить его было очень трудно. За пять лет сам он ни разу не проявил интереса к чему-нибудь съедобному.

Позднее, когда мы уехали от бабушки, состояние ребенка заметно улучшилось. А главное — он стал хорошо есть. Если, бывало, опаздываем с обедом, он кричит:

— Мама, хочу кушать!

Расскажу о другом случае. В одной семье родители мучились с питанием дочери. Она росла очень худой. Но к 18 годам вдруг расцвела и заметно поправилась. Произошло это... в военные годы. Оказывается, недостаток продуктов в семье заставил отказаться от всяких излишеств пи-

тания, которые подавляли детский аппетит. Теперь все, что удавалось девочке съесть, она ела с удовольствием, с аппетитом. Поистине «не было бы счастья, да несчастье помогло».

В заключение хочется обратиться ко всем взрослым:

Дорогие мамы, папы, бабушки и дедушки! Если вы хотите, чтобы ваши дети были здоровы и обладали хорошим аппетитом, не заставляйте ребенка есть больше, чем ему хочется. Кормите его в строго определенные часы. В промежутках между едой не давайте ему ничего съестного. Если ребенок плохо ест, не принуждайте его, не уговаривайте, не наказывайте.

Прекратите разные «мудрые» способы кормления, мучительные для вас и вредные для ребенка. Если он не ест, скажите ему: «Раз тебе сейчас не хочется, не кушай». Когда придет время следующего приема пищи, снова предложите ему еду. На этот раз он уже немного поест. Не настаивайте, чтобы он съел больше. Но если вы твердо будете выдерживать режим питания, довольно скоро аппетит у ребенка полностью восстановится.

М. ЖЕЛЕЗНЯК

г. Харьков

„ВОСПИТЫВАЮ КАК ХОЧУ“

Есть еще у нас такие люди, вся жизнь которых сводится к заботе о личном благополучии, очерствевшие, неспособные откликнуться на чужую радость или беду. Из года в год растет благосостояние советских людей, и, конечно, никто не против телевизоров, холодильников и прочего. Но уж если страсть к личному благополучию заслоняет все, человек становится мещанином, закапывается как крот в своем мирке, перестает думать о своем общественном долге. Такие родители калечат детям сознание, прививают им корыстолюбие, жадность, расчетливость в отношении к окружающим.

Не могу не рассказать о маленькой сценке, которую я наблюдал во дворе большого дома. Под раскидистыми кленами в песочнице играли дети. К песочнице подошла трехлетняя Таня, перемазанная соком от только что съеденного персика.

— Ты почему такая чумазая, Таня? Иди к маме, пусть умоет тебя, — сказал Валерка.

— Мамы дома нет!

— Пусть папа умоет,

— Папа на работе!

— А почему же мама не взяла тебя с собой?

— Она не берет меня на базар и говорит, чтобы я караулила дома деньги.

Взрыв хохота...

— Чего-чего? — сквозь смех спрашивает Шурик.

— Караулила дома деньги! — надув губы, повторяет Таня, не понимая, почему над ней смеются.

Вдумайтесь в этот детский разговор: он говорит о многом...

В семье Таня — единственный ребенок. Отец ее, машинист тепловоза, редко бывает дома. Воспитание Тани лежит на ее матери, домашней хозяйке. Но она, обуреваемая корыстолюбием, целыми днями пропадает на базаре, занимаясь спекуляцией, а ребенок предоставлен самому себе. Таня растет жадной, эгоистичной: берет пример с матери. На замечания соседей, что она калечит ребенка, мать Тани отвечает: «Это мое личное дело. Я — мать и воспитываю как хочу!»

Таких примеров мне, к сожалению, приходится наблюдать немало.

Плохую услугу оказывают своим детям родители, которые дают им бытовые «резвые советы», вроде: «Работа дураков любит», «Деньги не пахнут» и т. п. Воспитание детей — не личное дело отца и матери. Это дело всей советской общественности, которая должна поправлять подобных родителей.

О. КУТОВОЙ

г. Самарканд

У НАС В СИБИРИ

Деревня наша обычная, такая же, как тысячи советских деревень. Живем в тайге, за 60 километров от железной дороги. Раньше такие деревни в Сибири называли «медвежьими логовами». А сейчас здесь средняя школа с интернатом, клуб со стационарной киноустановкой, библиотека, больница, сельмаг.

Общественность! Какая это большая сила. Ведь от того, как помогает она школе в воспитании детей, и зависит успех в этом деле.

Поэтому не случайно колхозные коммунисты по совету учителей поставили на открытом партсобрании вопрос об ответственности родителей за воспитание детей.

Собранию предшествовала большая подготовительная работа. Доклад готовил секретарь школьной парторганизации, содоклады — председатель сельсовета И. А. Козлов и секретарь

парторганизации колхоза имени В. И. Ленина К. П. Михайлов. Они просмотрели журналы, тетради, дневники детей, посетили несколько уроков, беседовали с родителями, с каждым классным руководителем, интересовались внеклассной работой.

Равнодушных на собрании не было. Горячий отклик вызвало выступление К. П. Михайлова.

— Чтобы вырастить настоящих борцов за коммунизм, — сказал он, — нам, старшему поколению, надо показывать детям хороший пример. Между тем у нас бывают случаи пьянки. Или соберутся мужчины в избушке на конном дворе, перед тем как ехать на работу, и сквернословят. А вокруг — дети! Мы не умеем правильно вести себя в клубе и в других общественных местах. Прежде всего нам нужно взяться за самих себя.

После собрания дела пошли лучше, родители стали уделять больше внимания своим детям.

Мне вспоминается, как приехавший к дочери-пятикласснице колхозный кузнец Н. П. Портасенок вместе с учащимися взялся огораживать интернат.

— Эх, Коля, Коля! — берет он молоток у семиклассника Коли Порхунова. — Держать гвоздь надо вот так, и бить нужно прямо. Смотри!

Два точных удара, и гвоздь входит в дерево. Никто из ребят и не подумал обидеться на замечания этого убежденного сединой человека труда.

Большое спасибо хочется сказать таким, как Портасенок, воспитывающим своим примером детей, раскрывающим перед ними красоту труда.

Постоянно заботится о школе, о детях правление колхоза имени В. И. Ленина. К началу учебного года колхоз помог полностью закончить ремонт школы. Интернат и школа получили годовой запас дров. Правление колхоза и профсоюзная организация школы позаботились, чтобы дрова были подвезены и всем учителям.

В выполнении закона о всеобщем большую работу ведут сельсовет и родительский комитет школы. Они заранее выявляют нуждающихся и оказывают им материальную помощь, проводят беседы с родителями.

А. ШЕВЦОВ,
учитель

*деревня Леонтьевка,
Тюхтетского района,
Красноярского края*

*За минувший месяц редакция
получила 299 писем.*

РЕПОРТАЖ

ГОТОВЬТЕСЬ К ВЫСТАВКЕ!

Беседа с председателем оргкомитета по проведению XIII Всесоюзной выставки детского изобразительного творчества С. С. Зайцевой

К 40-летию Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина ЦК ВЛКСМ совместно с Министерством культуры СССР, ВЦСПС и Министерством просвещения РСФСР решили весной этого года провести XIII Всесоюзную выставку детского изобразительного творчества.

Для организации и проведения выставки создан оргкомитет из представителей ЦК ВЛКСМ, Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, Министерства культуры СССР, ВЦСПС, Министерства просвещения РСФСР и Союза художников.

Проведению Всесоюзной выставки будут предшествовать школьные, районные, городские, областные, краевые и республиканские выставки. Участниками их могут быть все дети дошкольного и школьного возраста не старше 18 лет.

На выставку будут приниматься рисунки, гравюры, скульптуры, вышивки и другие декоративные и художественно-прикладные работы детей, имеющие творческий характер. Работы, являющиеся копиями репродукций, открыток или сделанные по опубликованным в альбомах готовым образцам и чертежам, на Всесоюзную выставку приниматься не будут.

Все экспонаты должны поступить в адрес Всесоюзного оргкомитета по проведению выставки не позднее 1 марта 1962 года.

Для награждения лучших детских кружков и изостудий устанавливается 5 коллективных премий. Авторы лучших работ будут награждаться дипломами, премиями или путевками во Всесоюзный пионерский лагерь Артек имени В. И. Ленина. Отмеченные премиями работы будут оставлены в фонде постоянной Всесоюзной выставки изобразительного творчества детей.

Хочется пожелать, чтобы в подготовке к проведению Всесоюзной выставки и в организации местных выставок детского изобразительного творчества активное участие приняли художники, руководители детских кружков и изостудий и прежде всего — родительская общественность школ.

„СЕМЬЯ И ШКОЛА“ В РОДИТЕЛЬСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

На московские улицы опустился зимний вечер. Ожиданию у ярко освещенного центрального подъезда Политехнического музея. Сегодня здесь очередное занятие родительского университета Бауманского района столицы. Нынешний учебный год для него первый. Более 500 человек выразили желание стать слушателями университета. Это рабочие, служащие, домашние хозяйки, пенсионеры, матери и отцы, бабушки и дедушки, люди разных профессий, возрастов.

Знакомимся с некоторыми из присутствующих, расспрашиваем. Августа Сергеевна Комарова уже немолода. Она мать троих сыновей. Старший погиб в Великую Отечественную войну. Средний — офицер Советской Армии, сам уже имеет двоих ребят. Младший учится в 9-м классе. «Вот пенсию получаю, а дома не сидится, — замечает мать. — Я ведь еще могу много для людей сделать...» И делает, активно участвуя в работе родительского комитета 329-й школы.

Чутка, отзывчива родительская аудитория. Да и кандидат педагогических наук Н. Ф. Талызина в своей лекции-беседе о роли семьи в коммунистическом воспитании молодого поколения нашла путь к сердцам людей.

Живой интерес вызвала у слушателей и встреча с редакцией журнала «Семья и школа», состоявшаяся в этот вечер. Планы журнала на 1962 год поделился член редколлегии Н. С. Лукин. Деятельность родительской общественности в школах, на предприятиях, в колхозах, при домоуправлениях, получившую ныне широкий размах, поставила в центр своего выступления член редколлегии О. Э. Чкалова. Редакторы отделов журнала А. П. Демидова и Л. А. Шнайдер познакомили собравшихся с тем, как «Семья и школа» откликается на новинки детской литературы, рассказали о педагогически верной организации детского чтения в семье, о той обширной переписке, которая ведется с читателями.

Встреча окончена, но людям не хочется расходиться. Советы, пожелания журналу от нескольких сот слушателей родительского университета, несомненно, помогут «Семье и школе» полнее откликаться на запросы читателей.

ЖУРНАЛ ОБСУЖДАЕТ СВОЙ ПЛАН

1 декабря 1961 года в конференц-зале Президиума Академии педагогических наук РСФСР состоялось расширенное редакционное совещание журнала «Семья и школа».

С докладом о плане работы журнала на 1962 год выступил главный редактор журнала — действительный член Академии педагогических наук профессор И. Ф. Свядковский.

В прениях выступили: председатель совета родителей Калининского района Москвы В. А. Милованов, Ждановского района — С. И. Левитэн, Октябрьского — Л. Е. Лернер, редактор университета педагогической культуры Калининского района Москвы М. А. Андреюк, преподаватель кафедры педагогики Московского государственного библиотечного института Н. И. Бокаря, педагоги Н. П. Полякова и Ф. И. Фурманова, писатель А. Д. Тверской, мать-героиня А. В. Привезенцева и другие.

Выступающие высказали много интересных и ценных предложений, которые редакция журнала «Семья и школа» учтет в своей работе в 1962 году.

ЗИМНИЙ ЛЕС

АЛЕКСЕЙ ЧЕЛЬЦОВ

Нежно-синий свод небес.
 Неподвижен белый лес.
 Светлый иней. Тишина.
 Мягкой дымки пелена.
 На востоке — алый день,
 А в лесу синеет тень.
 Птица крыльями взмахнет —
 Нежный иней упадет.
 Белка прыгнет на сучок —
 Снежный свалится комок.
 И опять в глуши лесной
 Светлый иней и покой.

Рисунки Л. Филипповой

В ОВОЩНОМ ЛАРЬКЕ

ЛИДИЯ ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

Зимою в овощном ларьке
 Пушистый персик на лотке
 Лежал, вздыхая и ворча:
 — Прохладно стало по ночам...
 Другой сказал: — Мне стыдно, право,
 Вон яблоко, сосед мой справа,
 В рубашке тоненькой, атласной,
 И чувствует себя прекрасно.
 А мы... — К соседу повернулся он:
 — Я, братец, очень удивлен,
 Как терпишь ты такой мороз? —
 Тут яблоко в улыбке расплылось:
 — Скажу тебе, как другу:
 Вы все привыкли к Югу,
 Где холодов почти не знали,
 А я... родилось на Урале.

КЕНТАВРЫ

Н. КОРДО

Древний мир,
 Скажу вам честно,
 Был устроен интересно!
 В нем
 Под сенью пышных лавров
 Жили дивные кентавры.

Если это вам в новинку,
 Посмотрите на картинку!

Вот они,
 Как на ладони,
 Полулюди, полукони.
 Все на диво статные,
 Крепкие,
 Хвостатые.
 Вид суров,

Глаза горят,
 Лбы в морщины собраны.
 Но кентавры,
 Говорят,
 Были очень добрыми...

Если бы
 Примчалась к нам
 Эта кавалерия!
 Мы бы к древним существам
 Отнеслись с доверием.
 Мы б им выдали ремни,
 Форму,
 Амуницию.
 И пошли б служить они
 В конную милицию.

В МИРЕ МАЛОЙ ТЕХНИКИ

О ТЕХНИЧЕСКИХ ИГРУШКАХ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ

Л. ЭЙДЕЛЬС

История техники помнит немало случаев, когда крупные изобретения создавались людьми, профессия которых была вовсе не технической.

Изобретатель электрического телеграфа Морзе был художником. А пневматическую шину, которая сыграла такую важную роль в борьбе автомобилей за скорость, придумал ветеринарный врач англичанин Денлоп.

Человек, о котором мы хотим рассказать, мало кому известен. Это не автор крупного технического изобретения. Он не создал ни одной машины, которая могла бы быть использована в какой-либо отрасли промышленности. Тем не менее можно утверждать, что на его изобретении учились первым навыкам конструирования несколько поколений инженеров.

Человека этого звали Фрэнк Хорнби. Он жил в крупном портовом городе западного побережья Англии — Ливерпуле. Здесь, среди угрюмых зданий делового города, закопченных фабричным дымом, в вечной портовой суете и криках паровозных гудков, прошло его детство. Здесь он начал мастерить свои пер-

вые игрушки-модели: конные экипажи и пароходы, водяные мельницы и подъемные краны.

Став взрослым, Фрэнк не забыл увлечений своего детства. Он по-прежнему строил занимательные модели и мастерил любопытные игрушки. Это были те же океанские пароходы и поезда, но сделанные уже рукою зрелого мастера, снабженные сложными механизмами. Он дарил их своим сыновьям — он уже успел обзавестись семьей. Каждая деталь его игрушек была неповторима по форме, продумана до мелочей, выполнена с ювелирной точностью. И для каждой новой модели Хорнби придумывал новые формы деталей, новые способы крепления и соединения их. Ему доставляло удовольствие проводить долгие вечера за изготовлением нового подарка Роланду или Дугласу. Конечно, эти занятия не имели никакого отношения к его служебным обязанностям: Хорнби служил агентом крупной фирмы по импорту мяса.

Однажды Хорнби предложил фабриканту игрушек одну из своих моделей.

— Это адеки сложно, — сказал фабрикант. — Интересно, но сложно. Сделайте так же красиво, но обязательно попроще.

Действительно, не слишком ли сложны его модели? Не раз уже приходила эта мысль к Хорнби, когда он пытался заинтересовать сыновей конструированием новых игрушек. У мальчиков ничего путного не получалось.

В свободные часы Фрэнк любил прогуливаться близ доков, жадно вдыхая смолистый запах корабельных снастей, аромат далеких плаваний. Он по-прежнему любил наблюдать за работой могучих кранов, высоко задиравших вверх стальные шеи. И однажды он увидел то, чего не замечал ранее. Он пристально всмотрелся в ажурный металлический узор кранового сооружения. Казалось, кто-то шепнул ему на ухо: — Смотри, как это просто...

Да, это было просто, просто до гениальности. Сложный рисунок конструкции был образован из стандартных по форме металлических полос, соединенных накладками и рядами заклепок. Всего две-три различных формы, из которых собрана умная

и сложная машина. Именно к такой простоте и нужно стремиться.

И Фрэнк Хорнби поспешил домой. По дороге в одной из лавок он купил тонкий медный лист и ножницы для резки металла. В ту же ночь он разрезал лист на полоски шириной в полдюйма, длиной в два с половиной, пять с половиной и двенадцать с половиной дюймов. Он уже ясно представлял себе, что делать дальше. На завтра он посадил Роланда просверливать отверстия в полосках, ровно через полдюйма каждое.

Из полосок был собран подъемный кран, точно такой же, какой стоял в доках. Только в десятки раз меньше.

А на следующий день Роланд разобрал кран на составные детали и собрал его снова. И трудно было сказать, кто более гордился достигнутым успехом — отец или сын.

История того, как один житель Ливерпуля стал крупным предпринимателем, главой фирмы, производящей детские технические игрушки, интересовал нас уже не может. Можно лишь заметить, что первый конструкторский набор Хорнби получил название «Легкоизготавливаемые механические игрушки». Это было в 1901 году. Только в 1907 году на коробках таких же наборов появилась новая надпись — «Меккано». Она скоро стала известна во всем мире.

*

Родители, покупая сыну-первокласснику заводной автомобиль, красивую и полезную игрушку, меньше всего задумываются при этом над педагогическими проблемами. Для них достаточно того, что этот подарок понравится: ведь мальчики так любят машины!

Прошло несколько лет. Давно забыта маленькая машина. Вместе с друзьями мальчик увлекается постройкой моделей, что-то распиливает, вырезает, клеит. Пусть его самодельки не блещут изяществом, но ему они дороже лакированного автомобильчика: сделаны-то они собственными руками. Отец покупает сыну набор инструментов и деталей, помогает разобраться в сложном чертеже.

Строить, делать, мастерить — вот чем заполнено теперь время мальчика. Кажется, только сейчас он по-настоящему понял, что его руки способны сделать множество чудесных вещей. Но многого не хватает: выдержки, настойчивости, а главное — умения. Некоторые детали совсем не удаются, инструменты не слушаются рук.

Не всегда родители могут или умеют вовремя прийти на помощь сыну. И бывает так, что сын, не сумев справиться с трудностями, бросает работу. Вот он уже коллекцио-

нирует марки или носится с футбольным мячом. Родители не возражают: хоть в комнате чище стало.

А между тем произошло нечто более важное, чем может показаться на первый взгляд. Незаметно закрылась дверь, ведущая мальчика в интересный мир техники, в страну умелых рук.

В развитии подростка неизбежно наступает такой момент, когда его замыслы, его намерения вступают в противоречие с его возможностями и умениями. И не всегда этот конфликт между «хочу» и «умею» решается в пользу ребенка.

Потребность что-то делать, строить, собирать возникает в раннем детстве. Посмотрите, с каким усердием складывает трехлетний ребенок «дом», пользуясь строительным набором. Ребенок приучается различать пространственные формы, упражняет свои руки, вырабатывает точные движения. У него развивается внимание, умение сосредоточиваться на решении одной задачи.

Может показаться, что в таких занятиях ребенок воспитывает сам себя. Это неверно. Прежде всего в этой полезной игре незримо присутствуют конструкторы строительного набора. Нельзя забывать и родителей: ведь это они помогают малышу собирать развалившуюся постройку, показывают, как нужно складывать бруски и плитки. И вот «дом» воздвигнут. Глаза ребенка светятся радостью первой творческой удачи. «Упрямые силы природы» побеждены.

Взрослые помогли ребенку разрешить его первый конфликт между «хочу» и «умею». Теперь поставим вопрос шире, включим в круг наших наблюдений и школьный возраст. Мы увидим то же. Кропотливый труд педагога, творческие замыслы мастеров технической игрушки, раздумья руководителей технических кружков — все это так или иначе направлено на достижение одной цели — прийти на помощь ребенку, взять на себя выполнение той части работы, которая для него еще непосильна, оставить на его долю ту часть, которая, возбуждая его интерес к делу, позволит ему проявить свои растущие силы, раскрыть свои возможности.

На первых порах помощь ребенку оказал простейший строительный набор, разработанный педагогом. Но возможности такого набора ограничены. Растет ребенок — растут и его интересы, умения. И когда мы говорим о развитии политехнических качеств, которые нужны всесторонне развитому человеку — работнику, на помощь приходят такие наборы, как «Металлоконструктор» или «Конструктор-механик». Это комплексы

стандартных деталей нескольких типов с тщательно продуманной системой отверстий для скрепления деталей болтиками и гайками, что позволяет создавать неисчерпаемое число конструкций (вспомните Хорнби с его «Меккано»!). Причина успеха подобных наборов — в правильном и технически безупречном решении основной педагогической задачи — дать детям набор для конструирования, рассчитанный на их возможности и самостоятельное решение всех возникающих задач.

Давая в качестве приложения к набору альбом с подробными рисунками примерных объектов для конструирования (автомашин, краны, станки и т. д.), мы снова приходим на помощь ребенку. Составитель альбома взял на себя часть задачи, которая на первых порах непосильна для ребенка. Даже после того как накопится известный опыт и появится потребность в конструировании по собственному замыслу, без готовых образцов, детали набора долго еще будут служить юному технику.

Придет пора, когда школьника перестанет удовлетворять набор «Конструктор-механик». Известная «скелетность» моделей, сделанных из этого набора, не соответствует в полной мере формам реальных машин, не передает многих деталей и подробностей, которые школьник отчетливо видит в действительности и назначение которых он порой знает. И на смену универсальному набору приходят другие, специализированные комплекты для сборки машин.

Довольно хороший набор «Автоконструктор» выпущен Ульяновским автомобильным заводом. Несмотря на некоторые недочеты, это, безусловно, хороший подарок школьникам. Создатели этой полезной технической игрушки хотели дать ребятам представление о назначении, устройстве и действии основных механизмов и узлов современного легкового автомобиля. В наборе даны детали сборной рамы автомобиля, штампованные части кузова обтекаемой формы, элементы рулевого управления, карданной и главной передачи на заднюю ведущую ось. Собирая движущуюся модель легкового автомобиля, школьники знакомятся с более сложными приемами сборки, с принципами передачи движения, используемыми в настоящей машине.

Школьники среднего и старшего возраста найдут благодатный материал для экспериментов в области электро- и радиотехники, в области химии, пользуясь отраслевыми наборами, выпускаемыми нашей промышленностью. Это всевозможные наборы типа «Электроконструктор» и «Радиоконструктор», это набор «Юный химик», дающий возможность

ОПЫТ ЧЕШСКИХ ДРУЗЕЙ

Г. КАСВИН

В последние годы на основе нового Закона о системе воспитания и обучения в Чехословакии происходит коренная реорганизация школьной системы. Усиливается связь школы с жизнью. Отныне школа не только дает учащимся знание основ наук, но и готовит их к непосредственному включению в производство, формирует умелых и активных строителей социализма.

В основу всей внеклассной и внешкольной работы положено трудовое воспитание. В связи с этим возрастает значение контакта школы с родителями, так как семья может во многом помочь школе привить детям элементарные трудовые навыки, интерес к коллективному труду.

Этот вопрос давно волнует редакцию пражской газеты «Семья и школа» («Родина а школа»). Уже в № 4 за 1960 год газета начала цикл статей на тему «Как привлечь де-

тей к физическому труду». Эта тема заинтересовала многих родителей, и они откликнулись на нее, рассказав о своем опыте. Марта Шафранкова, мать четверых детей, пишет, что дети всегда помогают ей в работе по дому. Все домашние обязанности, которые они в состоянии выполнить, мать разделила на три «службы»: в кухне (накрыть на стол, помыть посуду, купить продукты и помочь приготовить обед), в спальне (уборка постели, приготовление теплой воды для мытья, уборка комнаты) и в прихожей (чистка одежды, обуви). Старшие дети выполняют эти обязанности, по понедельно чередуясь. Младшая дочь, семи лет, следит за чистотой в умывальной комнате и помогает старшим, когда это нужно. В семье не разделяется «мужской» и «женский» труд. Каждый вечер работа детей оценивается родителями. Результаты такого воспитания на-

лицо. Когда однажды мать положили в больницу, дети отлично справились со всеми домашними делами.

Другая мать, Ирина Вошаткова, рассказывает, что свою младшую дочь Еленку она с раннего возраста привлекала к домашней работе. А школа помогала ей в этом. Каждую неделю Еленка, как и другие школьники, получала от учительницы специальное задание по домашней работе: ежедневно убирать стол после еды, вытирать посуду, затем чистить ботинки, стирать пыль и так далее. Мать следила, выполняет ли Еленка порученную работу, и подписывала дневник. Сейчас девочка все умеет делать по хозяйству и охотно помогает матери. А вот сын не был приучен с детства к домашней работе, о чем мать искренне жалеет.

Разговор о трудовом воспитании на страницах газеты ведут не только родители, но и учителя. Они рассказывают о том, как в школе осуществляется трудовое воспитание, как руководить детьми во время их производственной практики, знакомят читателей с лучшим опытом трудового воспитания в семье. Выступают в журнале и видные ученые-педагоги.

Полезную работу проводит пражская газета «Семья и школа», привлекая внимание родителей к вопросам трудового воспитания.

проделать до ста различных химических опытов (к набору приложена живо написанная брошюра Л. М. Зориной).

За последние годы заметно обогатился ассортимент наборов инструментов по дереву и металлу, рассчитанных на школьников, которые от сборки моделей из готовых деталей естественно переходят к самостоятельному изготовлению более сложных самоделок. Как правило, переход к такой работе связан уже с настоящим техническим любительством и обычно влечет за собой участие в каком-либо техническом кружке. Здесь старшие школьники учатся строить спортивные модели — сухопутные, плавающие, летающие, — овладевают навыками расчета конструкции, регулировки и управления моделью, связывают эту работу со знаниями, полученными из курса математики и физики.

Ряд игрушек и специальных наборов создан или разрабатывается с целью воспитания у наших ребят полезных трудовых навыков и способностей. Конечно, не всегда родители в состоянии полноценно руководить техническим воспитанием своих детей. Но они могут посоветоваться с преподавателем труда в школах, с

руководителем технического кружка в школе и при Доме пионеров, на станции юных техников, могут, наконец, выписывать журналы, освещающие вопросы детского технического творчества (например, «Юный техник»).

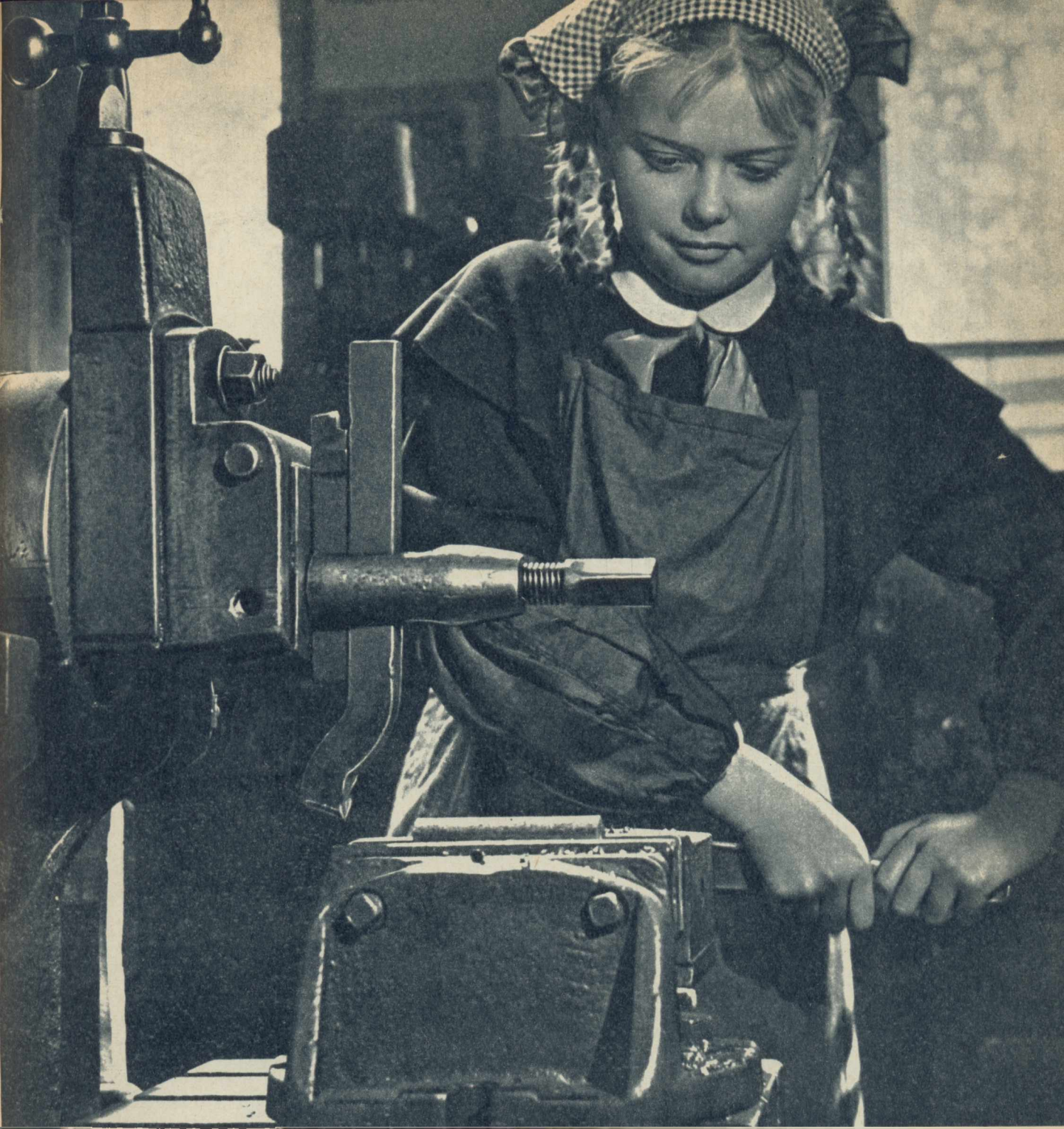
Бывает, что подросток, столкнувшись с серьезными трудностями, теряет интерес к ценному набору, а родители сразу покупают ему новый, который также ненадолго привлечет интерес школьника. Такой путь, конечно, неправилен. Нужно вовремя прийти на помощь детям, поставить перед ними посильную задачу, помочь преодолеть затруднение и похвалить за упорство. Иногда можно на время и отложить «надоевший» набор. Пройдет время, технический кругозор сына расширится, его начнут интересовать новые вопросы, и тогда набор окажется полезным.

Используйте все возможности для создания рабочего уголка, небольшой домашней мастерской для ребят. Здесь должны в строгом порядке храниться инструменты, заготовки, материалы. По возможности следите за тем, чтобы школьник не приобретал неправильных навыков в обращении с инструментом, от которых впоследствии его будет нелегко отучить.

Родители, которые сами уважают труд и любят трудиться, сумеют поддержать стремление сына или дочери сделать самостоятельно что-либо полезное для себя, для дома, для школы: смастерить полочку для книг, починить стул и т. п.

К числу безусловно полезных форм развития детской технической самостоятельности относятся и специальные наборы для развития навыков разнообразного ручного труда. Наиболее распространенные из них — наборы для выпиливания лобзиком, для выжигания по дереву, вышивания и ткачества. Между тем круг таких наборов-занятий нуждается в решительном расширении. Многие из них когда-то выпускались, а затем были забыты производителями. Это наборы для резьбы по дереву, для гравирования по металлу, линолеуму, стеклу, а также полиграфические печатные наборы разных типов.

Давно пора предоставить нашим ребятам широкий выбор всевозможных трудовых наборов, которые отвечали бы их разнообразным интересам, могли бы хорошо организовать досуг, помогали бы школе успешно решать вопросы трудового воспитания.

Б. РОМАНОВ. У станка

О. ЗАРДАРЯН (Армянская ССР). Стремление

и графическую серию «Целинный совхоз Ижевский». Эти произведения показывались на осенней «Выставке молодых художников» в 1961 году (см. № 12 «Семьи и школы» за 1961 год).

В «Строителях Братска» Попков повторяет известный ему условный композиционный прием изображения. Эта условность, быть может, более оправдывается в монументально-декоративных работах, чем в станковой живописи. Но у Попкова «разрозненные», в «неживых позах» стоящие фигуры удачно скрепляются в картине цветовым фоном стройки. Письмо художника выразительно, образы — убедительны. С картины смотрят участники великих дел — простые советские люди. Вглядываясь в их характеры, угадываешь тех, «кто привык за победу бороться» и находить романтику жизни в труде, большим общим делом. В этом сила художественного произведения, ставшая автором в ряд активных участников жизни.

Т. Салахов — азербайджанский художник. Учился в Москве, но в творчестве своем остался верен национальным традициям. На выставках он тоже не впервые. Еще студентом он написал большую работу «С вахты» и запомнился широтой письма, изображением динамичности движения, умением выбрать хорошую композицию произведения, культурой цветового решения.

Читатель уже мог (в № 12 журнала за прошлый год) познакомиться с «Ремонтниками» Салахова. Для творчества Т. Салахова характерно умение малыми средствами раскрыть большую жизнь. Ему же в последних работах присущ какой-то особый взгляд на мир. Это — талант.

Вот «Портрет композитора Кара Караева». Верный своему художественному чувству, Салахов находит нужное место удру кисти. Темперамент и своеобразие художника видны и в широких плоскостях изображаемых предметов, и в скупых деталях произведения. Драматизм настроения художнику удается передать не только красками и трактовкой образа, но и выразительным сочетанием горизонтальных и наклонных линий рисунка. Большое обобщение с умением выразить индивидуальное ставит «Портрет композитора Кара Караева» в число выделяющихся произведений. Психологической содержательностью образа, своей композицией, где нет лишнего и все так необходимо, произведение убеждает в большой силе художника. В картине найден такой строй, что невольно зрительно и духовно находишься в плену мыслей и чувств автора.

Много талантливых, запоминающихся, волнующих произведений живописи, скульптуры и графики на Всесоюзной выставке (мы постараемся в следующих номерах журнала показать читателю хотя бы малую часть интересных работ). Выставку эту увидят десятки тысяч людей в разных городах страны: она «развезается» из Москвы.

МИШКИН ВОЗРАСТ

Рассказ

Вл. ПОМЕРАНЦЕВ

Время спешит. Мишке стало чептире.

Давно миновала пора, когда при нем нельзя было включить пылесос. Он боялся этой адской машины и присоединил к ее грохоту свой отчаянный рев. Теперь Мишка сам норовит пылесосить и выхватывает у бабушки пиланг. Не страшится он уже и чернобурой лисы. Раньше она сидела в шкафу для того, чтобы Мишка сл манную кашу. Как только оп отпихивал ложку с этим наскучившим варевом, лиса появлялась из шкафа и бдительно следила своими стеклянными глазками за его своевольными пальцами. Он трепетал перед ее хищной остренькой мордой. Мама говорила, что ребенка не надо пугать, но бабушка не хотела отказываться от такой полезной союзницы. Ведь кроме лисы не было в доме авторитета... Мама долго пыталась рассеивать страхи ребенка, уверяла его, что лиса безобидна, но Мишка ни за что не хотел прикасаться к ее мягкому пушистому меху и подозревал зверя в двуличии... А теперь лису пришлося сгнать подальше, потому что Мишка стал ею обматываться и выщипывать у нее волоски.

Да, теперь Мишка большой. Он познал неодушевленность вещей и давно не боится их. Не робеет он и перед людьми, в том числе и перед самыми грозными: докторами в белых халатах, сующими ложечки в горло, милиционерами, забирающими непослушных детей, и великанами, которые способны съедать их... Наоборот, теперь Мишка знает, что если он ничего не будет оставлять на тарелке несъеденным, то и сам сделается потом великаном.

В результате этого роста сознательности Мишку стало теперь и легче воспитывать, и много трудней... Ведь человека, знающего свойства предметов и нравы людей, уже ничем не обманешь...

Так, убедившись, что градусник — штука вполне безболезненная, он охотно на нее соглашается и требует только, чтобы долгие десять минут, которые надо бездейственно лежать на боку, заполнялись каким-нибудь интересным рассказом. Но если вы ему скажете, что горчичники столь же безвредны, он не при-

мет эту грубую ложь и от возмущения даже ногами задрыгает. Ему точно известно, что горчичники ведут себя коварнее градусника, что нечувствительны они только в первый момент, а потом начинают колоться и жечь. И не уверяйте Мишку в противном... Не пытайтесь также внушать ему, будто телевизор замолчал потому, что артисты увидели ребенка, который до сих пор не лег спать, а почтальон, приносящий бабушке пенсию, пришел проверять, как ведут себя дети... Все это противоречит жизненному опыту Мишки. «Скажите, пожалуйста, а плохих бабушек вы не забираете?» — весело спрашивает он почтальона, давая понять, что педагогические приемы пора обновлять...

Да, со взрослыми надо обращаться по-взрослому.

Однажды Мишка хорошо проучил бабушку за ее неправдоподобные выдумки. Он ел виноград, ленился выливать косточки, и бабушка пригрозила, что они вырастут в целое дерево, а тогда придется ехать в больницу и резать живот... О больнице Мишка имел представление. Два года назад он нализался мастики, которой натирают наркет, с ним помчались тогда к Склифосовскому, промывали желудок... Мишка задышался от резиновой трубки, от слез и от ужаса... Случай этот ему не позволяли забыть. Но на этот раз впечатление произвела не угроза, а мысль о дереве, которое может на-

чать расти в животе. Эта необычная возможность поразила его. Как ни страшен был риск, Мишка решил проверить. Бабушка не успела и ахнуть, как он схватил с блюдечка косточки, которые под долгим нажимом выплевывал, и разом сглотнул их. Потом с замирающим сердцем до вечера щупал живот. Щупал и разочаровывался. А когда пришли папа и мама, он объявил им, что бабушка врушка. Папа запретил ему так говорить, но он неистово кричал это слово. При этом он злился не только на бабушку, но и на себя самого. Как мог он поверить ей! Ведь дерево в животе не поместится! «Я больше никогда тебя слушать не буду!» — пообещал он решительно. Папе и маме пришлось долго стыдить его, напоминать о заботах, которыми бабушка его окружает, о заслугах ее перед ним, и тогда Мишку охватило раскаяние. Он порывисто бросился к бабушке, обнял ее, стал сжимать ее шею и требовать, чтобы она помприлась с ним. Но когда они вдосталь нацеловались и бабушка совсем разомлела от счастья (это понятие исчерпывается для нее Мишкиной лаской), он все же с укором тихо сказал: «А ты мне больше не говори, чего песту...»

Да, он не любит, чтобы его надудали. У него потребность во всяческих ясностях. Он приступает к познанию мира, в котором небылицы сплетаются с былью, и не хочет плутать между ними. Ему надо твердо знать, что на свете бывает и чего не бывает. Он с удовольствием слушает сказки, но не хочет их путать с реальностями. Ему заранее надо сказать, про вразумившее в книжке написано или про невразумившее. Если вы сочините ему сказку про девочку, унесенную в небо орлом и спасенную летчиком, который догнал эту жестокую птицу, у Мишки будут широко раскрыты глаза, но и только. Если же вы решитесь добавить, что похищение и спасение девочки видели лично, он начнет допекать вас, начнет уточнять. А почему девочка не упала с орла?.. А что летчик сделал с орлом?.. А перестала ли девочка плакать, когда летчик отнял ее у орла?.. А как летчик привез ее к маме?.. А почему самолеты не могут влетать прямо в дома?..

Правдоподобие нужно ему даже в играх. У него насморк и кашель, он не выходит из дома, поглощен заводной железной дорогой, и бабушка хочет подстелить ему коврик, чтобы он не сидел на голом полу. Но Мишка не хочет ковра, не поддается резонам, сопротивляется, плачет и кричит, что «поезды не ходят по коврикам»... Бабушка при-

вязывает к Мишкиным корабликам ниточки, чтобы они не уплыли, когда он спускает их на воду. Мишке нравится, стоя в парке у прудика, дергать за ниточки, любясь, как его пароходы то чинно плывут, то мигом подлетают к нему. Но вдруг он о чем-то спохватывается и сразу рвет нитки. «Что ты сделал?!» — вырывается у всполошившейся бабушки. «Пароходы не бьют на ниточках, — отвечает ей Мишка, — пароходы сами плывут...» А потом, видя, что корабли невозвратно уходят, хочет броситься за ними, догнать... Возвращается он с прогулки в слезах, лишившись своего красивого флота... Всем игрушкам он предпочитает машины. Автомобильный парк у него очень большой. Тут самосвалы, лимузины, автобусы. Но у одного нет бортов, у другого — руля, у третьего не хватает колес... «И эту сломал?» — удивляется мама, видя вмятины на закрытом металлическом кузове только что купленного грузовика. «Я хотел в ней сделать окно, — оправдывается Мишка. — Если она будет возить не вещи, а человек, то им нужно окно».

Впрочем, он любит не только всамделишное, реальное, вещное. Часто

он предпочитает играть без игрушек. Проводит мелом черты на паркетке, уверяет, что это трамвайные линии, и не разрешает переходить через них, пока не объявят, что открыт светофор... Берет из шкафа бескартинную взрослую книжку, всовывает ее в лапы медведю, а потом шлепает его по рукам за то, что лез куда не надо без спроса... Ложится на диван, закрывает глаза, представляет себя папой, который хочет вздремнуть перед ночной работой, потом встает и начинает выговаривать кому-то невидимому за шум, за несдержанность...

Воображение часто уносит его из той трезвой действительности, за отход от которой он злится на бабушку. Когда папа, рассказав ему много занятых историй, просит сына, в свою очередь, рассказать ему что-нибудь, Мишка выдумывает такие невероятные и страшные вещи, что ему самому становится от них не по себе. То историю девочки, которая так заблудилась в лесу, что ее искали два года, — нет, десять лет, нет, даже тысячу лет, — то случай с мальчиком, которого Гагарин взял с собой в космос, но плохо привязал за ракету... Чтобы сделать эти рассказы чувствительней, Миш-

ка подчеркивает, что он — не сказки, а правда, но когда правда становится совсем безысходной и Мишка делается жалко детей, он обрывает рассказ, успокаивая себя и отца: «Ты, папа, не верь. Этого не было. Я только сказку рассказываю».

Разграничить правду и выдумку Мишка считает условием элементарной порядочности.

Но это ему не всегда удается. Мир так сложен, что трудно подчас разобраться, что в нем возможно и что невозможно. И Мишкины сказки, — а они бывают оригинальные тех, что могут выдумывать взрослые, — подвергают иногда его самого в размышления — правду он говорит, или нет.

Однажды, например, заспорили у него летчик с шофером. Шофер говорил, что грузовая машина сильнее самолета, а летчик сказал, что самолет сильнее машины. Вот они привязались веревкой, вставили ключи и завелись. Самолет стал поднимать машину вверх, а та его тянула на землю. Самолет поднялся над домами, а дальше не может. И машина тоже не может назад, потому что самолет ее не пускает. И вот они так боролись друг с другом и не могли ни туда, ни сюда. А люди стояли внизу и смотрели. А потом завод у них кончился, и они упали на крышу...

Передавая эту историю, — сначала не очень уверенно, а потом все нагляднее, — Мишка действительно видел, как обе машины висели и барахтались в воздухе. А через неделю-другую, когда случай рассказан был уже несколько раз, Мишка окончательно поверил себе и стал уверять, будто такую борьбу он видел...

В другой раз, когда двор потрясен был происшествием с женщиной, которой трамваем отрезало ногу, Мишка придумал, будто она взяла потом с ноги маленький пальчик, посадила его на балконе в ящик с цветами, поливала его, и вскоре из ящика выросла новая, настоящая большая нога... Сообщив это, Мишка задумался и спросил, из чего растет человек.

Сказки Мишка предпочитает сюжетные, полные действия, и не любит морали. Он не хочет историй непослушных детей, которые прыгают, скачут, играют со спичками, с газом, ломают ноги и вызывают пожары. Дешевую пропаганду он сразу разгадывает, а разгадав, презирает. Ему нужны фабулы, а не уроки, и если папа не чувствует, что искусство не должно быть искусственным, Мишка умеет подсказать ему это. Он возьмется сам рассказать папе сказку, и она будет содержать в себе тонкую месть. Это будет

история того же пожара, в котором взрослые сразу сгорели, а дети, умевшие прыгать, спаслись... При этом Мишка будет лукаво смотреть на отца, а потом хохотать. Ответная сказка будет победой над чужой неумелостью, торжеством самолюбия Мишки.

Самолюбие у этого человека просто болезненное.

Он любит хватать телефонную трубку и может по часу накручивать диск. Бабушка ожидает звонка, не хочет, чтобы трубка была долго снята, отвлекает Мишку другими занятиями, уговаривает его, убеждает, прельщает конфетами и все-таки отогнать от телефона не может. Тогда, не выдерживая, она разжимает его пальцы и силой берет трубку из рук. Мишка плачет и кричит, что сам положит трубку на место. Плачет упорно, плачет до тех пор, пока бабушка не разрешит ему снова взять трубку и самому положить ее. Ему важно, чтобы это произошло добровольно... Он приходит с улицы и, не раздеваясь, бежит к буфету, хватая из вазочек печенье, конфеты, которые разрешается ему брать лишь после обеда, когда нельзя испортить себе аппетит. Бабушка тащит его обратно в переднюю; он не идет, упирается, опускается на пол, брыкается. Глядя на него в этот момент, трудно поверить, что это тот человек, который вразумлял вчера папу вдохновенными ответными сказками. Сейчас Мишка просто несносен, и бабушка, отчаявшись, дает ему шлепки по попке. Это приводит его в еще большую ярость. Теперь он ни за что уже не поднимется с пола. Бабушка оставит его, уйдет на кухню, будет греметь там посудой, а он будет лежать, хныкать, изучать потолок. Потом ему надоест это, он затихнет, станет прислушиваться. Но если бабушка не возвратится к нему с уговорами, он никогда не капитулирует первым. Будет менять позы, терпеть неудобства, скучать, но только не просить извинения. И, зная, что он не уступит, бабушка идет на гнилой компромисс: Мишка попросит прощения за то, что дурил, бабушка — за то, что отшлепала...

В этом человеке сильное чувство достоинства, и он никому не дает попираť его. Бабушка считает Мишку невероятно упрямым, жалуется на его несговорчивость, на то, что с ним сладу нет, а на деле она столкнулась с принципиальным характером, который нельзя подкупить.

Она не в состоянии, например, оценить твердых позиций, занятых Мишкой после случая в ванной...

С тех пор как папа дал квартиру, для Мишки наступило раздолье, а ванная комната сделалась его самой любимой. Он только и ждет, чтобы взрослые обратили внимание на его грязные руки и велели их вымыть. Он сейчас же бросается в ванную комнату, норовит в ней замкнуться и открывает разные краны: то кипятка, то холодную воду, то один, то другой душ. Он без конца мылит руки, споласкивает их, снова намыливает, набирает в ванну воду, спускает ее, опять наполняет водой, пускает в каботажное плавание все зубные щетки и мыльницы, сдирает с вешалок и стирает махровые простыни, поливает кафель на стенах из шланга пружинного душа... Бабушка требует прекратить безобразия, ломится в дверь, но он до тех пор не открывает ее, пока не услышит, что ему ничего за это не будет.

Увидев на полу целый потоп, а Мишку совершенно промокшим, бабушка вытаскивает его в коридор, спешит закрыть водопад и набросать на пол тряпки. Но обманутый Мишка приходит в неистовство. В нем сильно чувство правды, и он не может снести такого грубого нарушения договора. Бабушке дорого придется теперь заплатить за минутку несдержанности. Он теперь будет реветь, не даст вытирать ему голову, станет отшвыривать сухую одежду, лягаться, и уж, конечно, — наносит бабушке главный удар, — откажется есть. Напрасно она будет замаливать грех и придумывать за него платежи. Не возьмешь теперь Мишку ни зоопарком, ни молотком и гвоздями. Мир водворится только тогда, когда он увидит бабушку плачущей. Ведь сердце у Мишки не из железа... И только оно может заставить забыть о престиже.

Но твердость характера не позволяет Мишке поддерживать с бабушкой длительный мир. Когда он поест, поспит и выйдет гулять, отношения обязательно опять обострятся. Находятся ли они в каком-нибудь парке или на детской дворовой площадке — все равно здесь быстро начнут проявляться совершенно разные склонности. Бабушка избирает себе какой-нибудь подходящий наблюдательный пункт — это обычно скамейка, на которой можно читать или поговорить с соседницей, — и разрешает Мишке резвиться лишь в поле ее обозрения. Но Мишку влечет к независимости, и он порывается расширить орбиту. Из-за этого однажды чуть не произошла катастрофа...

Сколько можно играть на песке? Сколько можно довольствоваться лопаткой, ведерком?! Мишку тянуло к ребятам постарше. Воровато по-

смотря в сторону бабушки, он пробрался к веселым качелям. Но бабушка боялась, что он может слезть с них, подбежала к нему, оттащила... Мишка вскарабкался на спортивную лесенку. Он проделал это бесстрашно и ловко, добрался до самой высокой ступеньки и готов уже был оседлать перекладину, как услышал «Не смей!», и бабушка опять подбежала... Тогда Мишка прокрался в самый дальний угол площадки, где шла чехарда, с робкой завистью смотрел на играющих, а потом, набравшись неожиданной смелости, сам пытался весело прыгнуть через спину какого-то мальчика. И опять бабушка настигла его в тот самый момент, когда ему это, может быть, удалось бы... Раздосадованный и обозленный, Мишка твердо решил покончить с опекой и попросту пустился в бегство. Бабушка не поспежала за ним, и к тому же она оставила на скамейке библиотечную книжку... Мишка бежал-бежал, не оглядываясь, и в конце концов преследователя своего потерял...

На площадке, перед которой он оказался, взрослые дяди играли в футбол. Их было много, зеленых, красных, они бросались в разные стороны, и разобрать, что у них происходило, нельзя было. Мишка смотрел-смотрел, начал скучать и вспомнил о бабушке. Стал озираться и не увидел ее. Он стоял, ждал ее, ждал. Бабушки не было. Тогда Мишка захотел найти ту скамейку. Но скамеек было много, бабушек еще того больше... Мишка бежал из аллеи в аллею и терял свою былую уверенность... Ему стало вдруг оче-

видно, что он оказался в этом большом мире один. И он расплакался...

Счастье, что это произошло в людном саду, где разные тети, увидев заревавшего, одиноко бродившего мальчика, окружили его, стали расспрашивать, ласкать, утешать и отвели в какое-то здание, откуда по радио стали вызывать его бабушку. А бабушка влетела ни жива ни мертва. Она не бросилась к Мишке, не стала ни бить, ни целовать его, а только бессильно опустила на стул... Она дала влить в себя валерианку, потом приняла предложенный ей валидол, попросила вызвать такси... И Мишка, страстно любивший кататься в машине, ехал теперь присмиренный, безрадостный...

Казалось бы, что такого урока должно хватить надолго. Казалось бы, человек имел случай почувствовать, что свобода, к которой он всегда так стремится, бывает и не нужна, и страшна... Но Мишку этот урок не пронял. Бабушка едва пришла в себя, едва отдышалась, как он стал просить ее пойти с ним на детскую площадку во двор.

— Я не могу, Миша, — сказала она. — Я должна полежать.

— Ну, отпусти меня одного...

— Скажи, Миша, — спросила она, — тебе понятно, что ты сегодня наделал? Понятно, что могло с тобой случиться?

— А что я наделал? — спросил он невинно. — Это ты сама потеряла меня. Я же не виноват, что ты бегать не можешь.

Бабушка не нашлась, что на это ответить. А Мишка обнаглел еще больше:

— А случиться ничего не могло, — заявил он беззаботно. — Я же знаю свой адрес. Эти тети привезли бы меня. А ты вечно чего-то волнуешься... И я из-за этого недогулял... А ребенок не должен без воздуха...

Бабушка потеряла от такого нахальства дар речи. А Мишка засмеялся, потом подошел к бабушке, спрятал в ее коленях лицо, стал подлизываться к ней, обещал никогда больше в жизни не убежать от нее и просил не рассказывать папе...

Когда вечером возвращаются мама и папа, бабушка не решаетесь сразу докладывать о тревожных событиях дня. Ей не хочется их огорчать... Мишка так буйно бросается маме на шею, так крепко повисает на ней, а мама так страстно целует его, что было бы слишком жестоко расстраивать эту обоюдную радость. Обрушить на маму суровую правду, сказать ей, что Мишка не заслужил ни воздушных шаров, ни пирожных, заставить ее перейти на строгий взыскательный тон, — значило бы наказать ее, а не Мишку... Она так устала за день, так предвкушала счастливую встречу, и ей так не хочется слышать о Мишке плохое... И сам Мишка так самозабвенно занялся шарами, так вкусно уплетает эклеры, так щедро раздаривает вынутые папой из портфеля конфеты, так полон сейчас распирающей его доброты, так весело скачет, так звонко смеется, и вдруг, вспоминая злоключения дня, так опасно поглядывает временами на бабушку, что она не решаетесь пойти на предательство...

Если бы не зоркое папино око, перехватывающее боязливые Мишкины взгляды, все сходило бы для него хорошо. Но папе свойственно что-то улавливать и омрачать вечера задаваемым вдруг бабушке совсем лишним вопросом о том, как вел себя его сын... Этот провокационный вопрос сразу выводит Мишку из хорошего расположения духа. Папа ни разу в жизни не шлепнул его, и все же, ожидая, что теперь скажет бабушка, Мишка бледнеет... Наступает напряженная пауза, и бабушка не знает, как разрядить ее. Она не хочет портить идиллию вечера, не хочет, чтобы он кончался слезами, и Мишка всю ночь спал бы потом беспокойно, а в то же время она сознает, что нельзя всегда состоять с Мишкой в загоре и во всем покрывать его...

Мишкин день состоит из сплошных происшествий. Если он не скроется от бабушки во время прогулки, то запретят от нее где-нибудь дома. Если он ничего не учинит в ванной комнате, то сотворит что-нибудь на кухне. Если съест без ультиматумов завтрак, то тре-

бует вознаградить его за обед. Если не трогает пишущую машинку отца, то включает в сеть его бритву. И если оставит в покое электропроводку, то покончит с очередной самопиской... А уж сколько раз среди дня он хнычет, буянит, дерзит! Бабушка чувствует, что если оставлять все такие дела безнаказанными, Мишка совсем сядет на голову. И она отвечает на папин вопрос половинчато. Списка всех преступлений не оглашает, выбирает лишь одно или два...

Папа больше не улыбается. Он отводит Мишку в соседнюю комнату, ставит в угол носом к стене и предлагает на досуге подумать над его поведением. А чтобы мысли не отвлекались от темы, гасит в комнате свет.

Мишка один. Опозоренный, изгнанный, дискриминированный. А что такое дискриминация, ощущает лишь тот, кто подвергается ей... Горло стиснуто спазмами. Плач сотрясает все Мишкино тельце. Но плачет он тихо, чтоб не услышали. Плачет долго, захлебываясь. Временами он не в силах сдержаться, и рыдания становятся громкими, затем он опять берет себя в руки и старается глотать слезы неслышно, потом снова не может с собой совладать...

Казнь кажется вечностью. Но в разгар ее дверь раскрывается, в комнату зажигается свет, и Мишка чувствует теплые мамины руки...

Мама не в силах была перенести его слез.

— Ну пойдем, мой хороший, — покрывает она поцелуями его мокрую мордочку, — пойдем, скажи папе и бабушке, что ты больше не будешь...

Но папа настойчив.

— Обдумал? — интересуется он. — Понял, как нехорошо поступил?

Мишка молчит. Ему некогда было обдумывать, потому что он давился слезами.

— Ну, если ты еще не понял, не можешь нам объяснить, тогда пойди стань снова в угол, думай еще столько же времени, — упорствует папа.

Мишкин подбородок снова кричится.

Но его выручает отсутствие единства между родителями.

Папа настаивает на правосудии, мама — на милосердии.

Когда Мишка ложится, начинаются постоянные и бесплодные дебаты о нем.

Папа говорит, что мама и бабушка распустили мальчишку, а мама видит во всех Мишкиных действиях лишь обычные детские шалости. По ее словам, совершенно естественно,

что ребенок рвется на улицу, что ему не сидится на месте, что он трогает запрещенные вещи. Ведь ему не с кем дома играть! Он закидает от однообразия. А мальчишку свойственно хотеть везде быть и все видеть. Ему не меньше, чем взрослому, нужны впечатления, смена лиц и событий. Бабушка думает только о том, чтобы впихивать в него побольше еды, но едой не насытишь эту требовательную жадную душу. И если он не слушается, делает назло и грубит, то в этом, по мнению мамы, сказывается лишь бессознательный детский протест против не совершенств обстановки...

Папа с такой позицией не соглашается. Впечатлений у ребенка и так слишком много. Он смотрит телевизор, крутит приемник, играет с детьми на площадке, завален игрушками, книжками. Что еще надо! Разве папа и мама, когда они были детьми, имели столько развлечений, как Мишка! Он потому и не ценит их, что у него их избыток! Потому и не слушается, что ему во всем потакают! А мама своей вредной теорией поощряет его индивидуализм, эгоизм, нигилизм!

Но мама свои вредные взгляды отстаивает. У ребенка обязательно должно быть много игр и забав, он не может долго заниматься чем-то одним, и если он вертится возле стиральной машины или не хочет отойти от приемника, то это вовсе не признак балованности. Мама не видит ничего страшного в том, что Мишка упрям. Известно, что все дети упрямые, пастойчивые, и Мишка несколько не хуже других.

Папа утверждает, что хуже. Папа видел детей своих сослуживцев, — воспитываемых, конечно, разумно и строго, — и он позавидовал, какие они послушные, спокойные, скромные...

Но мама не дает папе хвалить чужих послушных детей. Она в них не верит. Папа просто в счастливую минуту туда попадал. Мишкой тоже восторгаются гости. Когда с ним играют, когда его умеют занять, он становится таким ласковым, мягким, уступчивым, что всех очаровывает.

Папа соглашается, что это бывает. Когда Мишка не ведет себя плохо, он во всем хорош. Но почему он неровен? Почему всегда хуже или лучше, чем ждут от него? Потому что его не приучают к порядку, к нему мало требовательны. Если бы мама и бабушка не проявляли к нему снисходительности, были всегда неуклонны, взъясательны, и ребенок знал раз навсегда, что надо делать так-то и так-то и он не выпал бы из себя никаких отступлений.

Но мама не хочет такой суровой формы правления. Она, конечно, не против порядка, признает его важность, но считает, что Мишкина жизнь и без того обставляется сплошными запретами. Ему и того нельзя, и другого нельзя! А когда же ребенку побаловаться? Мама против столько законов и правил, чтобы вообще не оставалось места проказам.

Папа отвечает на это, что в их доме главная опасность — не избыток запретов, а их явная нехватка. Папа опять говорит о либерализме мамы и бабушки. Тогда бабушка требует, чтобы папа сам оставался с Мишкой дома. Она хочет посмотреть его учение в действии...

Бабушка обижена, и папе это досадно. Он знает, что она вкладывает в Мишку кучу труда... Папа смягчает формулировки, и бабушка тогда тоже смягчается. Она и мама отправляются в кухню готовить Мишке завтра еду. Они что-то варят, выжимают сок из морковки и размышляют о том, что не все, конечно, в словах папы неверно, и надо попробовать быть завтра построже... А папа просит налить ему крепкого чаю, устало выпивает его, садится за письменный стол и втайне признается себе, что, пожалуй, мама и бабушка немножко правы и еще не придумано таких спасительных строгостей, которые бы возвысили Мишку над Мишкиным возрастом...

ДЕТИ — РАЗНЫЕ

К КАЖДОМУ РЕБЕНКУ — ОСОБЫЙ ПОДХОД

С. ФАЙНБЕРГ,

кандидат медицинских наук

Существует поговорка: тигр всегда храбр, заяц — труслив, лиса — хитра, а баран — простодушен. Но вот люди бывают разные — и храбрые и трусливые, и хитрые и простодушные, да и тот же самый человек может быть разным в зависимости от обстоятельств.

Разные и дети. У каждого свой темперамент и характер.

У меня в кабинете, пугливо прижимаясь к матери, стоит худенькая восьмилетняя девочка. Задаю ей вопрос — она теряется, вздрагивает, лицо ее покрывается красными пятнами. Отвечает тихо, прерывающимся от волнения голосом. От растерянности не может решить простейший арифметический пример (а училась она во 2-м классе) и тут же начинает плакать.

Психическое расстройство? Нет. У Тани слабый тип нервной системы. Эта природная слабость была усугублена перенесенным туберкулезом.

Дети со слабой нервной системой обычно плаксивы, пугливы, легко устают. Когда их вызывают в школе к доске, они от волнения покрываются пятнами, потеют, дрожат и забывают даже хорошо выученный урок. А если на них начинают кричать, грозить им наказанием — они теряются еще больше и совсем ничего сообразить не могут.

Поэтому обращаться к таким детям следует ласково, спокойно, не повышая голоса. Важно ободрить их, заставить поверить в свои силы.

Ребенок растерялся и из-за этого получил плохую отметку. Не стоит с него за это взыскивать; главное — спокойно объяснить, что это — случайность и в следующий раз отметка будет уже хорошей.

Ребенок обращается к вам за помощью — помогите ему, объясните непонятное, заступитесь за него, если его обижают другие дети. Но все это можно делать лишь тогда, когда ребенок просит спокойно. Если же ребенок приходит с плачем, отвечайте твердо и сухо, что пока он плачет, вы его слушать не будете и навстречу его желаниям не пойдете. Постепенно ребенок отучается от плача; кстати, плач и сам по себе очень вреден: он усиливает нервозность ребенка.

Следите, чтобы, готовя уроки, ребенок не уставал. Пусть он через 30 или 45 минут (в зависимости от того, сколько длится урок в школе) делает перерывы на 10—15 минут. Если ребенок будет заниматься дольше, он устанет, внимание его притупится. Делать перерывы чаще, чем в школе, тоже нежела-

тельно: тогда в классе ребенок не сможет сохранить свое внимание до конца урока.

Иногда слабым детям целесообразно (по договоренности со школьным врачом) давать дополнительный выходной день среди недели. Хорошо, если такие дети днем хоть часик поспят; полезно удлинить им и ночной сон.

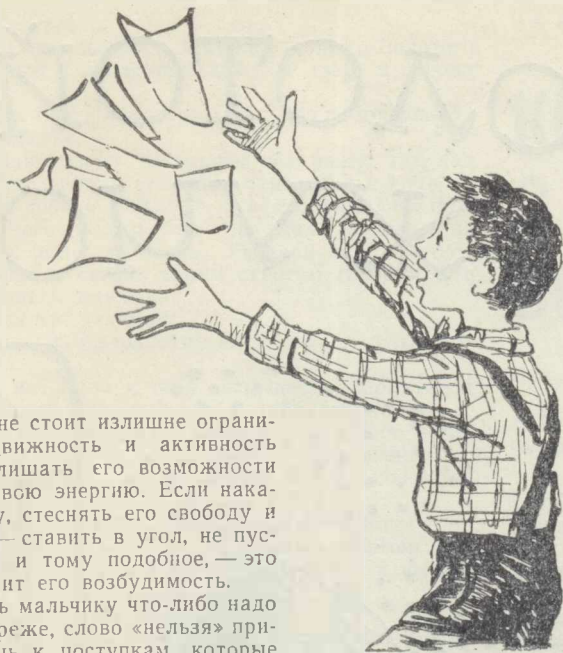
Из лекарств таким детям назначают иногда небольшие, индивидуальные подобранные дозы брома с кофеином, фосфен, поливитамины. Хорошо действуют на них занятия легкой гимнастикой, свежий воздух, теплые соленые обтирания по утрам.

Слабых детей не стоит слишком рано (в неполных 7 лет) отдавать в школу. Пусть лучше ребенок пойдет учиться на год позже и к приходу в 1-й класс уже научится читать и считать. Тогда в первые дни в школе он чувствует себя увереннее, не испытывает страха перед учителем.

...Все это я рассказываю матери Тани, а она спрашивает: нельзя ли показать и брата девочки — Юру? С ним другие трудности. Это живой, активный мальчик, не плаксивый и не пугливый. Но он крайне непоседлив, шумлив, драчлив, часто нарушает дисциплину. Способности у него хорошие, но оценки неровные, часто плохие — из-за неумения и нежелания сосредоточиться на уроке.

В чем же дело? Юра не умеет сдерживаться, у него слабо развит процесс торможения. Юру можно называть неуравновешенным.

Я советую матери постепенно «тренировать» у Юры тормозной процесс, приучать его «смирять» себя, согласовывать свои желания с реальными возможностями и с интересами коллектива,

Конечно, не стоит излишне ограничивать подвижность и активность мальчика, лишая его возможности разрядить свою энергию. Если наказывать Юру, стеснять его свободу и активность — ставить в угол, не пускать гулять и тому подобное, — это только усилит его возбудимость.

Запрещать мальчику что-либо надо как можно реже, слово «нельзя» применимо лишь к поступкам, которые действительно недопустимы. Но если уж вы что-то запретили, добивайтесь, чтобы ваше запрещение действовало неукоснительно. Кстати, всегда следует убедиться, что ребенок действительно слышал и правильно понял распоряжение. Договоритесь с ребенком, чтобы он всякий раз повторял ваше приказание. Этот прием дисциплинирует внимание и приучает серьезно относиться к полученным поручениям.

Юра уже школьник. Но, вообще говоря, неуравновешенность может быть преодолена и в дошкольном периоде — если не делать никаких скидок на возраст. Неуравновешенные дети, которых я знал еще дошкольниками и с которыми проводилась соответствующая работа, в школу приходили уже достаточно дисциплинированными. Исправлять ребенка в школьные годы — труднее, а если этого не делать вообще, могут быть очень тяжелые последствия, вплоть до уголовных проступков.

Возможно и для этих детей применение лекарств: брома (но в больших дозах, чем для слабых детей), инъекций алоэ, в более тяжелых случаях — аминазина. Но основное — твердый режим, правильный подход к ребенку, приучение к трудовой дисциплине.

Валю прислал ко мне на консультацию невропатолог детской поликлиники с подозрением на какой-то тяжелый, может быть опухолевый, процесс в мозгу. Действительно, поведение ранее спокойной, способной, приветливой девочки резко изменилось. Почти круглая отличница, она стала вдруг учиться на двойки; не-

когда приветливая, — начала ссориться с товарищами, драться с ними, плакать при замечаниях педагога. Дома тоже сделалась капризной, раздражительной, плохо стала спать, потеряла аппетит. Все это и заставило родителей и даже врачей заподозрить какое-то тяжелое мозговое заболевание.

Внимательный осмотр девочки показал, что никакой опухоли и вообще мозгового заболевания у нее нет. Причина была в другом. Девочка относится к группе детей с так называемым инертным типом нервной системы. Такие дети очень трудно приспосабливаются к изменению привычных условий жизни. Оказалось, что Валя со своей семьей переехала в другой район города и стала учиться в новой школе. И теперь ей никак не удается приспособиться к новым условиям. Все ее на первых порах раздражает. Она не может привыкнуть засыпать в кровати, стоящей на новом месте (расстроился сон), есть за непривычным столом (нарушился аппетит), воспринимать объяснения незнакомого педагога (стала отставать в учебе), дружить с новыми товарищами (ссорится с ними).

Я предложил родителям ничего не предпринимать, не помещать девочку в больницу на исследование (куда она уже имела направление) и зайти ко мне снова через три недели. И что же? За это время девочка привыкла к новой обстановке и вновь стала здоровой, спокойной, приветливой, вновь стала хорошо учиться.

Детям с нервной системой инертного типа трудно изменить привыч-

ный распорядок дня, сразу приспособиться к новой обстановке. Поэтому не стоит без нужды резко менять для них режим и распорядок дня. Вместе с тем разве можно лишать их новых впечатлений! Берите их в туристические походы, направляйте летом в пионерские лагеря, и они будут легче воспринимать новые впечатления.

У детей инертного типа могут возникать навязчивые привычки. Например, я знал ребенка, которому натирал шею узкий воротник, и он от этого подергивал головой; привычка закрепилась, и мальчик до сих пор подергивает головой, хотя узкого воротника уже давно не носит.

Другой мальчик боялся открытых окон: однажды на его глазах в окно влетела птица, ударились о керосиновую лампу, разбила ее и сама сгорела.

Что делать с такими навязчивыми страхами? Надо постараться связать событие или обстановку, совпавшие с неприятным впечатлением, с другими, приятными для ребенка переживаниями, и тогда эти навязчивые привычки или страхи проходят (подробнее об этом можно прочитать в статье «Страх», напечатанной в № 9 «Семьи и школы» за 1959 год).

Из лекарственных препаратов иногда хорошо действует последовательное применение комбинации веществ, тормозящих и возбуждающих кору головного мозга (например, барбитал и кофеин): они как бы раскачивают застойный очаг в коре и тем самым «смывают» навязчивые мысли, страхи или действия.

Опыт показывает, что если вовремя и подробно проанализировать причины трудностей или нервных отклонений у ребенка и на основе этого подобрать и твердо проводить правильный режим по отношению к нему — в подавляющем большинстве случаев дети с самыми разными дефектами нервной системы становятся спокойными, здоровыми.

Наш ЗОЛОТОЙ ЖУЧОК

Юмореска

Миклош РОША

Рисунок Н. Борисовой

— Алло, детка! — обратилась ко мне после обеда моя жена. Не удивляйтесь, она всегда обращается ко мне таким образом, а нашего сына она неизменно называет Золотым Жучком. Сейчас ей, видите ли, вздумалось поговорить со мной о нашем Золотом Жучке. Хотя он всего несколько недель ходит в 1-й класс, уже начинают обнаруживаться ненормальные явления в его успеваемости и поведении.

— Ребенка нужно воспитывать! — заявила жена.

— Нужно, — согласился я, продолжая читать газету.

— Естественно, это первая обязанность родителей!

И это было произнесено таким голосом, словно она хотела сказать: «Будь добр, отложи газету!»

Что ж, я так и сделал. Она удовлетворенно продолжала:

— Итак, я объясню ребенку, как нужно вести себя в обществе. Это очень важно. Ну, а ты займешься с ним арифметикой! В конце-то концов ты — мужчина!

И хоть я никак не мог понять, какую роль может сыграть мужчина в обучении первоклассника арифметике, тем не менее я согласился.

КНИГИ О ТРУДОВОМ ВОСПИТАНИИ

(Обзор за 1961 год)

Т. ВОЛИКОВА,

кандидат педагогических наук

Поднялся с кресла и сел к столу.

— Иди-ка сюда, сынок, — позвал я нашего Золотого Жучку, который в это время сидел на ковре и строил крепость.

— Сам иди сюда, — ответил мне сын и продолжал свое строительство.

Я многозначительно посмотрел на жену, так как чувствовал, что данная ситуация относится к вопросу умения вести себя в обществе. Жена понимающе кивнула. И то, чего должна была достичь словами, она добилась при помощи яблока. Ребенок сел к столу. Я прокаплялся и сказал таким строгим голосом, что жена моя даже вздрогнула:

— Займемся вычитанием!

А наш Золотой Жучок откусил яблоко и, улыбаясь, кивнул.

— Слушай-ка! Если у тебя есть шесть форинтов и я из них возьму три, сколько у тебя останется?

— Если ты возьмешь их у меня, я пожалуюсь маме! И она мне их вернет! — уверенно сказал ребенок.

— Да нет, сынок, я их не возьму, я это только так сказал.

— А если не возьмешь, тогда зачем говоришь?

— Не сердись, детка. Это неудачный пример для такого маленького ребенка, — сказала жена и вышла на кухню.

Я стал придумывать новый пример.

— Ну, тогда, сынок, скажи мне... скажи мне... если у тебя есть три яблока и два ты дашь своему братишке, сколько останется у тебя?

— Два, — ответил сын.

— Ну как же так. Подумай-ка!

— Я ему дам только одно, он младше.

Я начал нервно постукивать пальцем по столу, затем снова прокаплялся и взял со стола коробочку легатина. Не знаю, знаком ли вам легатин? Это великолепное успокаивающее средство! Оно у нас всегда находится под руками. Скажу вам по секрету: легатин оказывает большую помощь родителям в воспитании детей.

Итак, я взял коробку с лекарством и показал ее ребенку.

— Сынок, в этой коробке десять таблеток. Слушай внимательно! Я сказал — десять таблеток. Если я сейчас проглочу одну, чтобы успокоиться, сколько останется в коробке?

— Восемь, — быстро и уверенно ответил наш Золотой Жучок.

Я достал носовой платок и вытер им пот со лба. Перед тем как выложить содержимое коробки на стол, я выпил стакан воды — опять-таки чтобы успокоиться.

— Ну, сейчас посчитаем, — сказал я, несколько успокоившись, и начал считать.

— Раз, два, три... действительно восемь! Не понимаю, — сказал я, заикаясь, и посмотрел на ребенка.

— Я дал одну моему другу Бодри. Отец устроил ему взбучку, и ему тоже надо было успокоиться, — ответил наш Золотой Жучок с ангельским спокойствием.

Я пошел на кухню и сказал жене:

— Мы кончили. Теперь твоя очередь. Можешь объяснить нашему Золотому Жучку, как надо вести себя в обществе. Легатин на столе. Только захвати с собой воды! Я всю выпил...

Потом я снова сел в кресло и взялся за газету. Я понял, что воспитание детей не такое уж трудное дело, если в доме есть в достаточном количестве успокаивающее средство.

Воспитание у детей коммунистического отношения к труду — задача первостепенной важности. Как правильно организовать трудовое воспитание детей в семье? На этот вопрос помогает ответить педагогическая книга.

Трудовое воспитание детей необходимо начинать с малых лет. Этого никто не оспаривает. Но нередко в практике семейного воспитания родители не только не вовлекают дошкольника в посильную работу, а, напротив, подавляют стремление малыша к труду. «Мал еше» или «Сама быстрее сделаю», — заявляет мать.

В брошюре «Приучайте маленьких детей к домашнему труду» * Т. А. Маркова показывает, насколько важно приобщать малышей к посильному для них труду и объясняет, как это лучше сделать.

Моральный облик советского человека прежде всего определяется его отношением к труду. Вот почему в книге профессора И. Ф. Свядковского «Нравственное воспитание детей» ** центральное место занимают вопросы о трудовом воспитании, о коммунистическом отношении к труду.

Дети по природе своей склонны к движениям, к активной деятельности. Но стремление к деятельности и стремление к труду — разные вещи. Трудолюбие — результат, а не начальная стадия трудового воспитания. «У ребенка, даже у дошкольника, есть все необходимое для посильного труда, — пишет автор. — Но у него нет и не может быть любви к труду до тех пор, пока он на опыте не узнает, что такое труд, не преодолит своей первой робости и неумелости, не приобретет ловкости, сноровки и навыков».

Далее И. Ф. Свядковский рассматривает виды детского труда, педагогические требования к труду ребенка и подростка, роль трудового коллектива в нравственном росте человека.

В брошюре В. А. Мякушкова «Воспитание трудовых навыков у детей в семье» *** родители найдут практические советы и рисунки для изготовления различных поделок. Для дошкольников автор рекомендует простые игрушки-самоделки из бумаги, картона, катушек, обрезков дерева, спичечных коробок; труд младшего школьника в семье он рассматривает как продолжение школьных уроков труда и общественно полезной работы в пионерском отряде. Далее излагается методика изготовления полочков для кухонных принадлежностей, скворечника, треугольного стенового шкафа,

* Т. А. Маркова. Приучайте маленьких детей к домашнему труду. Издательство АПН РСФСР, 1961.

** И. Ф. Свядковский. Нравственное воспитание детей. Издательство АПН РСФСР, 1961.

*** В. А. Мякушков. Воспитание трудовых навыков у детей в семье. Издательство «Знание», 1961.

складного стула, подставки для книг и других предметов из дерева, простейших поделок из металла, жести. В. А. Мякушков дает советы по привлечению ребенка к ремонту квартиры, рассказывает о простейших видах малярных работ, о том, как правильно обить двери, остеклить рамы, починить электроприборы, оклеить обоями комнату и т. п.

Отрадно, что и некоторые местные издательства выпускают книги, посвященные трудовому воспитанию детей в семье.

В издательстве «Московский рабочий» вышла книга В. М. Закладной и О. П. Целиковой «Если в семье есть дети». На примерах из жизни нескольких семей авторы показывают роль родителей в развитии у детей правильного отношения к труду.

«В семье двое мальчиков-близнецов. Как только мать готовилась накрывать на стол или убирать посуду, они всегда бежали помогать матери, восклицая: «Мы твои помощники!» Когда же дети, заигравшись, забывали о своих обязанностях, мать ласково напоминала: «А где же мои помощники? Сейчас будем обедать, а стол еще не накрыт». И мальчики сразу брались за дело».

Авторы прослеживают, как с возрастом повышаются требования к детям, усложняются их трудовые поручения.

В некоторых семьях провинившегося ребенка обязывают выполнить какую-нибудь работу и таким образом превращают труд в средство наказания. Разве это воспитает у ребенка трудолюбие? Конечно, нет. Об этой и других подобных ошибках в трудовом воспитании предупреждают родителей авторы книги.

Брошюра И. А. Малафеева «О чувстве меры в воспитании детей» вышла в Пермском областном издательстве.

При воспитании детей во всем должно быть чувство меры: в питании ребенка и в родительской любви, в поощрениях и наказаниях. А как узнать, соблюдена ли эта мера? Присмотритесь к поведению своего ребенка, и вы сможете ответить на этот вопрос.

«Ну-ка, дядя, пусти меня на этот стул», «Не врете!», «Ну вот еще, делайте сами!» — такие развязные реплики ребят по отношению к старшим служат для родителей предупреждением: в воспитании детей допущены ошибки.

Внимательно, беспристрастно прислушайтесь к суждениям соседей, друзей, педагогов о поведении вашего ребенка, советует автор: ведь они, так же как и вы, заинтересованы в правильном воспитании детей.

Долг родителей — добиться, чтобы ребенок не гнушался и самой мелкой, подчас не очень приятной работой. Но, организуя труд детей, предупреждает автор, родители должны соблюдать чувство меры: нельзя перегружать детей. Непосильная физическая нагрузка, как и освобождение детей от всякой работы, может «воспитать» только отрицательное отношение к труду.

Пермским издательством выпущена и брошюра доцента И. Е. Шварца «Учить детей трудиться».

Откуда в нашем обществе, где труд — дело чести и доблести, берутся тунеядцы, бездельники, белоручки, лентяи, барчуки, маменькины сынки? — спрашивает автор. И на конкретных примерах дает ответ. Одновременно он говорит о воспитывающем значении труда, рассматривает виды детского труда и методику воспитания трудолюбия.

Можно ли исправить ошибки в воспитании, которые привели к лени? И как исправить?

Игорь до 7-го класса ни в чем не помогал матери по дому. Изнежила она его. И вот однажды мать, обратившись к нему за помощью, услышала:

— Я тебе не домработница!

Только теперь, с большим запозданием, мать спохватилась: какого лоботряса она растит! Пошла за сове-

том к учительнице. И когда утром следующего дня сын с привычной требовательностью заявил: «Хочу кушать!», мать спокойно ответила:

— Собери себе завтрак сам и не забудь убрать посуду.

Игорю это не понравилось. Он ушел в школу без завтрака. Несколько дней в семье шла безмолвная борьба: сын ничего не хотел делать, а мать словно забыла о нем. Наконец Игорь не выдержал и решил, что он попробует все необходимое для себя делать сам. Попробовал. И постепенно приучился обслуживать себя и помогать матери.

Минское издательство выпустило сборник бесед для родителей «Педагогика семейного воспитания», подождав этим начало большому разговору с родителями о воспитании детей в семье. В сборнике четыре статьи о трудовом воспитании. В них родители найдут некоторые практические советы по организации учебного и бытового труда.

БОЛЬШОЙ РАЗГОВОР С МАЛЫШАМИ

С. ЛЮБИМОВ

В литературе для взрослых возможны случаи, когда возникают «дутые» авторитеты. Взрослые часто судят о произведениях по критическим статьям.

В детской литературе это исключено. Дети не читают критических статей и в большинстве случаев даже не

знают фамилии автора. Но зато они наизусть знают хорошую книжку!

У детского писателя есть только один путь — от своего сердца к сердцу ребенка. Мальчишкам и девочкам совершенно все равно: «котируется» автор в литературных кругах или нет, рифмует или пишет белым стихом, признает глагольную рифму или новую. Дети хотят знать только одно — интересно или неинтересно.

А под словом «интересно» школьник понимает очень многое. И попробуй угодить этому, самому прямому и самому взыскательному читателю!

Среди старых детских писателей мы перечислим немало таких, чьи книжки без промаха бьют в цель. Среди молодых — меньше. К их числу можно отнести Сергея Баруздина. Его цикл рассказов о Светлане, обаятельной, доброй и толковой девочке, его «Сказка о трамвае» и веселые повести о слонятах Рави и Шаши и о белом медвежонке Снежке полюбили детям.

В прошлом году одна за другой вышли в свет еще три книжки С. Баруздина*. И даже если мальчишки и девочки снова пройдут мимо имени автора, то мимо самих книжек они, конечно, не пройдут.

Самая маленькая из этих книжек — «Шаг за шагом». Стихи о том, как годовалый ребенок делает первые в своей жизни шаги. Это еще шаги не по жизни, а по комнате, но:

*Первый шаг — не пустяк,
Трудно сделать первый шаг.*

Поэт вставляет в предельно простые, прозрачные двести точные и ясные слова, имеющие, можно сказать, философский смысл, но вместе с тем не «общие», не скользящие по поверхности, а конкретные, зримые. Отмечая трудности первого пути на собственных ногах, автор говорит о маленьком герое:

*Он слезу зажал в кулак,
Сделал шаг и снова шаг.*

А несколько строк спустя делает вывод, наполненный хорошим, доброжелательным юмором:

*Есть в ногах силенка
У малого ребенка!*

Точно так же, не сразу, подводит автор своего маленького читателя к новым лозунгам:

*Человек шагает сам —
Хорошо, что он упрям.*

И еще:

*Человек живет, растет,
По своей земле идет.*

Создав эмоциональный образ малыша, всесторонне познакомив со своим героем, писатель подводит его к главному выводу:

*Человеком настоящим
Будет этот человек.*

По-маяковски просто и весело, без тени сюсюканья и слащавости, в тоненькой книжке сумел поэт поднять большую тему для маленьких.

Как бы продолжением этого серьезного разговора с малышами служит другая книжка С. Баруздина — «Алешка из нашего дома». Алешка — первоклассник. Кажется ему, что все он умеет, что все — пустяки и всего можно достичь без труда — стоит только руку протянуть. Но вот берется он читать — не выходит, писать — не получается. И Алешка, тот самый Алешка, который ушел из школы, возвращается обратно за парту.

Новая задача. Сделал самокат (сложная штука!) — ребята не рады, а сколотил простые-преспростые ящики

для школьных цветов — и вдруг все сразу заговорили, что у него золотые руки. В чем же дело? Оказывается, в том, что самокат-то для себя, а ящики — для всех!

В этой книжке С. Баруздин ведет разговор с подростком-читателем о подростке-герое. Снова конкретные ситуации и только в самом конце — вывод: особо почетен и радостен труд на общее благо.

И еще дальше по той же линии идет писатель в своей новой, вышедшей к XXII съезду партии, повести

«Новые Дворики». Эта вещь написана прекрасно. В ней множество находок.

Бабка умерла. Ей поставили крест, «чтобы все знали, что она верила в бога», — думает герой повести, малыш Сенька. Такими меткими штрихами передает автор детскую психологию.

Чудесный парень Сенька своим умом доходит до понимания нелепости стараний своей жадной матери-спекулянтки, заставляющей его торговать, хотя нужды в этом нет, Сеньке надоело прятаться от каждого ми-

лиционера, и вот он заявляет протест. Он не желает больше быть торгашом. Он ведь октябренок!

Сенька — малыш, но душа у него большая. Он любит все, что его окружает: людей и природу, своих друзей и колхоз. Но почему же люди косятся, сердятся, а ребята насмешничают? Что случилось? Постепенно в мальчишечьем мозгу рождается разгадка.

«Новые Дворики» — «повесть о деревенском мальчишке, о его радостях и огорчениях и о его первой победе». Так говорит автор. И он прав. Я бы лишь добавил: хорошая повесть о хорошем мальчишке, которую с интересом прочтут и взрослые,

* Сергей Баруздин. Шаг за шагом. Детгиз, 1961.
Сергей Баруздин. Алешка из нашего дома. Издательство «Детский мир», 1961.
Сергей Баруздин. Новые Дворики. Детгиз, 1961.

ГОЛОС ЧИСТОГО СЕРДЦА

М. ВАСИЛЬЕВ

Польская мать Марцянна Форнальская — ей сейчас девяносто лет — подарила людям хорошую, умную книгу*. Я радуюсь, что на моей полке появилась еще одна любимая книга. «Воспоминания матери» Форнальской озаряют светом мою комнату.

Почему светом? Ведь рассказ матери полон тревоги, несчастья, страданий! Жизнь ее и ее шестерых детей — великая трагедия. Да, это было бы верно, если б не одно — революция породила оптимистическую трагедию. В сочетании этих, отрицающих друг друга, слов — новое понимание жизни.

Страсть рождает идеи. По праву можно сказать, что Марцянна Форнальская одарена страстью. Уже давно замечено, что это неотъемлемая черта характера общественных деятелей, ученых, поэтов, людей, неистово идущих к цели. Может быть, эта черта еще в большей мере свойственна матери, когда она вступает в борьбу за счастье своих детей. Мне кажется, я не отступлю от истины, если скажу, что она начала воевать за судьбу своих детей еще тогда, когда их не было, когда сама Марцянна Форнальская была маленькой девочкой. Пусть это не покажется вам парадоксальным, потому что речь идет о рождении у ребенка страсти познания.

Истоки каждой жизни очаровывают нас своей необычностью. Необычным в детстве Марцянны было то, что ей купили книжку, и, узнав буквы, она научилась читать. «Передо мной открывается мир, небо — сама не знаю, что делать от радости... Я такая маленькая, ничего еще в доме не значу, каждый толкнет, обидит, — и вдруг разговариваю с книжкой! Но с кем же я поделюсь эдакой радостью?..»

Ей довелось поделиться своей радостью со всем миром. У книги есть крылья, она не боится ни границ, ни черствых душ: слово не оградить пограничными столбами. И ее, эту книгу, написала женщина, которая не умеет писать, но умеет читать: карандаш ей заменила пишущая машинка, и она выстукивала буквы, создавая свою повесть для людей. Может быть, написание книги является вершиной мужества этой женщины. Но ей пришлось пережить, выстрадать каждый день, прежде чем сказать: не могу не написать. Люди должны знать все это.

Итак, появилась у ребенка страсть «разговаривать с книжкой». Перелистываем страницу: «Я читаю всю ночь напролет». Что же, в крестьянском доме появилась библиотека? Да нет! Это коробейники, бродячие торговцы, заночевали в их доме, что стоит на проезжем тракте, и книгу надо обязательно прочесть до зари, потому что вот-вот они проснутся, эти пилигримы, и придется расстаться со своей мечтой.

Волшебная сила книг пленила душу ребенка. И навсегда, на всю жизнь. Только обыденность жизни не позволила ей мечтать о чем-то возвышенном. Жизнь есть жизнь. Клади книгу в коробку коробейника, а сама гони на выпас корову, и хоть тебе всего восемь лет, труд уже давно вошел у тебя в привычку. Сказочен

мир коробейника, а ты идешь по степи, омывая росой босые ноги...

Давно это было, но Марцянна Форнальская все помнит и все хочет рассказать людям, потому что это очень важно. Важно для людей: знайте жизнь простой польской девочки-крестьянки, которая не успела еще вырасти, как ей сказали: «Иди замуж»; батрачки, матери, которая вдруг почувствовала свою силу, когда появились дети, и вдруг такое: решила им дать образование, выучить. Снова листаем страницы и задумываемся: «Несмотря на то, что нас восемь душ и часто не хватает хлеба, я счастлива, ибо мысли мои заняты одним: учить детей. Нет средств? Я столько прочла романов о бедных студентах, которые учились, терпя страшную нищету, о поэтах и художниках, которые умирали от голода, а созданные ими творения становились известными и вызвали восхищение только после их смерти. Я была наивной мечтательницей и детей этим заражала. Муж был недоволен, но по доброте своей не перечил мне, а по возможности даже помогал».

И родители, и дети бродят по Польше, зарабатывают, где только можно, а к учебному году прибывают к местечку или к городку, где есть школа, чтобы дети продолжали начатый разговор с книжками. Бродяжничество по Польше приводит в Люблин. Жизнь в мокром подвале. Муж батрачит у помещика, сама Марцянна на все руки мастер: и белье стирает по домам, и квартиры убирает, и улицы подметает. И все ради куска хлеба, чтобы дети учились. Люблин снова

* Марцянна Форнальская. Воспоминания матери (перевод с польского). Издательство иностранной литературы, 1961.

сменяется деревней, куда позвал старший сын — он теперь мастер по ремонту мельниц, — но все равно нужна, словно рок, преследует семью, потому что дети учатся. Правда, вскоре одна из дочерей становится медицинской сестрой, и это приносит некоторое облегчение: заблестели лучи света в этом темном царстве нужды и скитаний. Но жизнь не развивается по драматургическим законам добра и зла, и свет не всегда сменяет тьму, и счастье входит робко через порог их дома, да и то ненадолго остается в гостях. Но эта удивительная женщина, разорившаяся до крайности, потерявшая последний клочок земли, живущая с семьей, как однажды она заметила, хуже, чем цыгане в своих кибитках, радуется, когда видит своих детей за книгами... Вот-вот все будет хорошо. Но пока — неожиданное замужество дочери (она выходит за донского казака); еще неожиданной война с немцами, которая заставила бросить все и бежать на Дон к родным зятю. Потом возвращение в Польшу, а с приближением немцев — снова скитание. На этот раз пришлось осесть в Царицыне. Марцянна — уборщица в школе, муж — сторож, лишь бы дети учились в гимназии. И весть о революции. С помощью детей пятидесятилетняя женщина разбирается в обстоятельствах и событиях и становится на сторону коммунистов. Дети вступают в партию, а за ними и сама Марцянна Форнальская. Даже пятнадцатилетняя дочка Малгожата как самое дорогое прячет у сердца партийный билет. И мать гордится дочерью: она активный работник партии. Впервые в жизни Марцянна выступает с речью в защиту Советской власти, идеи которой такие близки, понятны, родные этой женщине-труженице. Идет борьба. Семья Марцянны в этой борьбе — активная сила. Эта семья породила с революционной Россией идею. И могилами. Убивают белобандиты мужа дочери, донского казака, вернувшегося с войны революционным борцом, умирает сын дочери. Хоронит Марцянна мужа, а дети — отца. Прожиты тяжелые годы, но разве коммунисты будут жить иждивенцами революции? Их место на родине — там, где борьба. И идет в книге мужественное и суровое повествование о польском подполье.

Суровые революционные будни... Марцянна Форнальская день за днем, событие за событием открывает нам пережитое, выстраданное. Все дорого нам, читателям, в этой книге. И мы идем по стопам борьбы...

Дочь в тюрьме... Младшая, которая так дорожила партийным билетом, в свои пятнадцать лет тоже в тюрьме... Сын в тюрьме... Едва появляется Марцянна на свободе, как вновь она в строю. Но вот адвокат-коммунист предупреждает: надо Марцянке уйти в подполье, скоро суд, и ей вместе с Малгожатой грозит долготнее заключение. С маленьким сыном она переходит границу и снова живет в Советской России. Снова партийная работа для своей родины, для Польши, где пока живут ее четверо детей, — трое в тюрьме, а четвертый «чинит мельницы», живет как будто стороной, но всегда на правах родственника помогает сестрам и брату, когда те в тюрьме... Вскоре удается бежать из панской Польши младшей дочери, Малгожате. И тут Марцянна узнает, что дочь встретила человека, которого любит. А перед отъездом в Польшу на подпольную работу Малгося — так ласково называет Марцянна свою Малгожату — говорит:

— Дорогая мамочка, я скоро стану матерью. Я очень счастлива, что у меня будет ребенок. Но он и я — члены партии, и для нас прежде всего партийный долг: партии мы должны посвятить всю нашу жизнь. Наши личные дела в настоящее время не имеют никакого значения. Я пришла, мамочка, просить тебя о помощи: согласишься ли ты вырастить моего ребенка? Если бы я на тебя не надеялась, то не могла бы позволить себе такого огромного счастья: ведь никто не знает, что нас

ждет в будущем. Ты, конечно, понимаешь, мамочка, что долго мы здесь не задержимся.

Познакомилась мать и с отцом ребенка, Яном Иванюком, — тоже коммунистом-подпольщиком, как и ее дети, как и она сама. Снова дети в Польше. Правда, не все. Некоторые застанут 1937 год в нашей стране и становятся жертвой провокации. В предисловии к книге Ванда Василевская пишет: «И хотя в тридцать седьмом году она потеряет тронх детей, а четвертый вернется лишь много лет спустя (то, чего никогда не сможет понять до конца материнское сердце), она навсегда останется верной коммунизму, без колебаний и сомнений».

Партийная работа вывела простую польскую крестьянку из узкого семейного круга и открыла перед ней дорогу в большой мир, сплела ее судьбу с судьбами многих людей, имена которых теперь стали достоянием истории.

Ян Иванюк... Он приехал в детдом под Иваново, где живет его бабка с его дочкой, проводить родных. И когда Марцянке сказали, что ее ждет Болеслав Берут, она не очень поверила: зачем бы в такую пору, когда революционное польское правительство обосновалось в Люблине, глава правительства приехал к ней в гости? Но ему надо проводить дочку. Ян Иванюк теперь может жить без подпольной клички: он обрел право носить собственную фамилию. И он отец ее внучки. А где же Малгося? Еще не вся Польша освобождена, и дочь ее как всегда там, где проходит передний край подполья, — воюет с гестаповцами.

Но увидеть ее уже не довелось матери: Малгожату казнили гитлеровцы. Не встретила она и с сыном, который «только чинил мельницы»: его тоже замучили в гестапо. Мать осталась с внучкой да с дочкой своей — единственной из всех детей. Мы запоминаем слова матери: «Свою безбрежную печаль я носила глубоко в сердце, ни с кем ею не делилась, ведь сердце мое ужасно болело, будто рана, а молчание было повязкой на этой ране. Не хотела я срывать этой повязки, ибо знала, что боль усилится. Я же всю свою жизнь с молодых лет отдала детям, а когда увидела их в расцвете сил, образованных, честных, рвущихся в жизнь, — тут же и потеряла их. Единственным утешением этой моей боли была моя вера, что всю свою жизнь они боролись за правое дело и за родину».

Мы запоминаем эти слова потому, что их чистота вселяет в наши сердца гордость и веру в революционное благородство людей.

Глубоко права Ванда Василевская, которая пишет в предисловии: «Книга о Малгожате Форнальской, секретаре Центрального Комитета Польской рабочей партии, замученной гестапо, была задумана как книга воспоминаний. Но она стала документом эпохи, документом глубочайшей человечности, куском истории, ожившей в горячем человеческом сердце».

Для советского читателя эта книга представляет большой интерес. Он еще раз убедится, сколь крепки нити, связывающие советский народ с его ближайшим соседом, увидит свою страну глазами полюбившей ее польской крестьянки... Я уверена, что за простыми, прекрасными словами «Воспоминаний» каждый увидит бинение сердца матери-пролетарки, вырастающей почти до символа, и будет глубоко благодарен Марцянке Форнальской за труд, казалось бы непосильный для женщины ее возраста, за то, что она подарила нам произведение, которое доставит читателю настоящее, глубокое переживание».

Нечего добавит к этим словам. Можно быть уверенным, что вы в семье прочтете эту книгу, и она для вас станет любимой, дорогой вашему сердцу, и вы будете хранить ее как драгоценный памятник пережитой эпохи: ведь эта книга написана кровью материнского сердца.

О ЧЕМ ДЕТИ СПРАШИВАЮТ

В. ЯДЭШКО

По записям детской речи, сделанным
М. Александричевым, А. Гурко, М. Дьяченко,
З. Елисеевой, В. Кудрявцевой, Т. Пунченко,
М. Сухоручкиной

— Мама, а почему солнце не падает?

— Кто сильнее — тигр или слон?

— Почему маленьким детям уступают место, они же не старенькие?

Кому не приходилось слышать бесчисленные вопросы детей!

Серее пять лет. Гуляя с отцом по улице, он остановился у строящегося дома.

— Я знаю, как называются, кто дома строит, — говорит Серее. — Строители. А кто крышу делает, как называются? — обращается он к отцу.

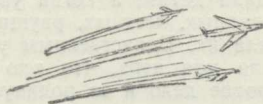
— Кровельщики.

— Папа, это правда пятитонка? — спрашивает Серее, провожая взглядом большую грузовую машину.

И вдруг, перебивая самого себя, громко восклицает:

— Смотри! Смотри! Самолет... реактивный. Пап, а почему он реактивный?

Ничто не проходит мимо внимательного детского глаза. Но самостоятельно осмыслить то новое, что видит малыш, он не в силах. Здесь-то и поможет малышам опыт родителей, их знания.

— Бабушка, — спрашивает четырехлетний внук, — из чего делают колбасу?

— Свиную из свинины, баранью из баранины, кроличью из кроликов.

— А охотничью — из охотников?

*

У пятилетних детей в связи с развитием отвлеченного мышления ярко выражен интерес к познанию причинно-следственных связей. Не случайно детей этого возраста называют «почемучками».

— А почему сегодня Валерик во сне зайца видел? — спрашивает Таня. — Он, когда ложился спать, забыл глаза закрыть?

Или:

— Мама, а почему волк ест овец, зайчиков, поросят?

— Потому что он хищный.

— Значит, и мы хищные? Мы тоже едим мясо.

И еще:

— Почему в лесу растут деревья, а на лугу не растут?

*

К концу дошкольного возраста, когда ребенок уже располагает значительной суммой знаний об окружающем мире, он пытается уточнить свои суждения.

У Коли начали выпадать зубы, и он спрашивает:

— Папа, а после молочных зубов у меня вырастут сливочные, да?

Девочка видит, как бабушка чистит рыбу. Увидев пузырь, она говорит:

— Бабушка, это плавательный пузырь?

— Плавательный.

— А у нас есть ходительный пузырь?

По содержанию вопросов можно судить о развитии мышления детей, их познавательных интересах.

ИГРЫ-САМОДЕЛКИ

В. МАЛЬЦЕВ

Как бы ни была хороша покупная игра, ребенку всегда дороже та, что сделана его руками. Вот несколько простых игр-самоделок из бросового материала: куска проволоки, жести от консервных банок и т. п. Ученики 5—6-го классов могут сделать их самостоятельно, а младшим ребятам придется немного помочь. Игры эти развивают тонкие движения кисти руки, чувство ритма, упорство в достижении нужного результата, дух соревнования.

«ПОПРЫГУШКА»

На оси (6) смонтирована проволока-«веревочка» (3), которая может совершать вращательные движения вокруг оси. «Веревочка» имеет полуциркулярную форму с двумя «подшипниками» — спиральками из проволоки (1 и 2) на концах. Один «подшипник» надевается прямо на ось, другой — на дополнительную деталь в виде трубочки, согнутой из жести и укрепленной на оси. Эта деталь служит отверстием для рычага (5), который несет на себе фигуру «Попрыгушки». На конце рычага находится вилка (7), обеспечивающая устойчивое положение «Попрыгушки». Фигурка «Попрыгушки» сделана из жести.

Правила игры

В положении, которое изображено на рисунке, «веревочка» свободно вращается вокруг своей оси. Но если опустить рычаг (5), то вся система опустится, и ноги фигурки преградят путь «веревочке». Попробуйте, вращая «веревочку» и одновременно нажимая на рычаг, добиться, чтобы «Попрыгушка» прыгала через нее.

«ПЕРЕКИДНЫЕ ПЛАСТИНКИ»

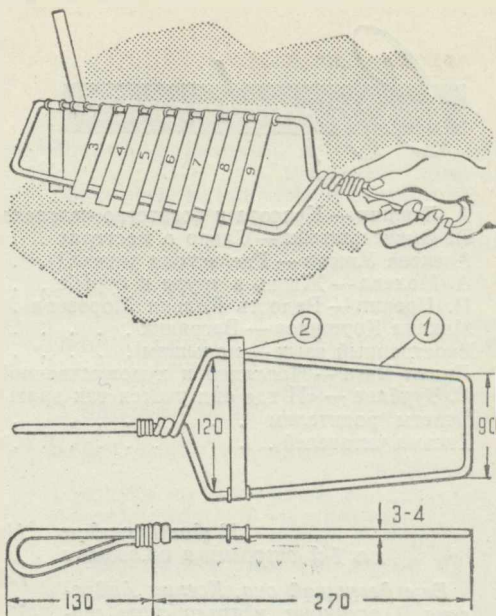
На рамке (1), согнутой из мягкой проволоки (алюминий, железо, медь) толщиной около 3—4 мм, размещены 9 пластинок (2) из жести. Длина самой маленькой из них — 100 мм, ширина — 12 мм. Каждая следующая пластинка длиннее предыдущей на 5 мм. Пластинки крепят на одной стороне рамки на расстоянии 7—8 мм одна от другой, сгибая один конец их в трубку так, чтобы они свободно вращались вокруг оси. А чтобы пластинки занимали фиксированное положение, каждую из них надо расположить между двумя колечками из тонкой проволоки, закрепленными в специальных пазах, выпиленных на рамке.

Правила игры

Взяв рамку за рукоятку, подкидывайте ее так чтобы пластинки постепенно, начиная с самой короткой, перекидывались и принимали отвесное положение. Перекидывать можно по одной, по две и по три пластинки — в зависимости от желания играющих. Выигрывает тот, кто при наименьшем числе толчков перекинет все пластинки согласно условиям игры.

«ЧУВСТВО РИТМА»

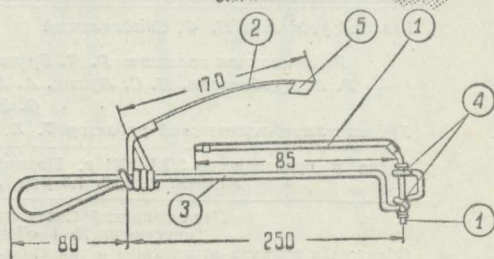
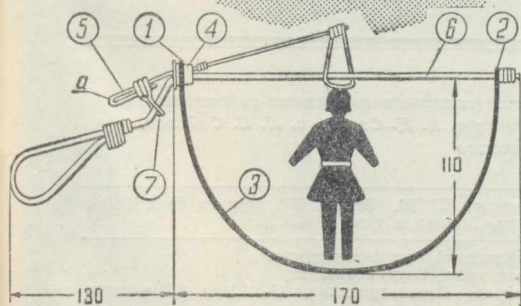
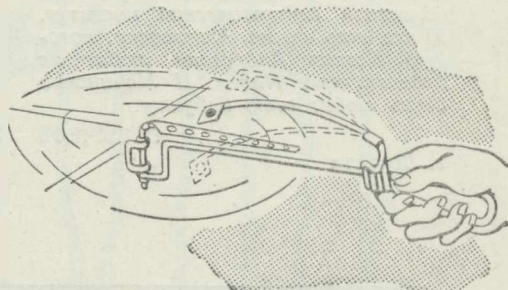
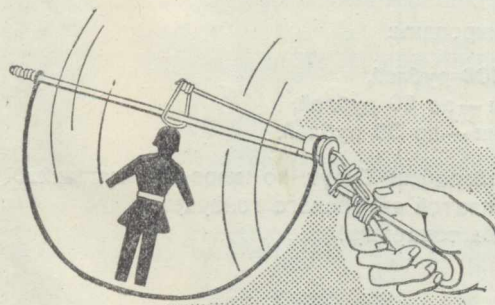
На основе (3) из мягкой проволоки, согнутой, как показано на рисунке, с помощью двух «подшипников» (по два витка проволоки) свободно закреплена коническая пластинка (1) из картона или жести. Около рукоятки крепится пружинка от будильника (2), жестяная пластинка или стальная проволока, согнутая вдвое с

зазором 5 мм. На свободном конце пружинки укреплен флажок из жести (5) размером 25 × 25 мм. Пружинку «настраивают» примерно на 1—2 колебания в секунду, увеличивая или уменьшая вес флажка.

Правила игры

Взявшись за рукоятку, движениями кисти добейтесь того, чтобы коническая пластинка начала вращаться. После этого заставьте колебаться пружинку с флажком и постарайтесь так совместить оба движения, чтобы флажок, поднимаясь и опускаясь, не мешал вращению пластинки.

Содержание

А. Левшин — Красота и богатство человека . . .	2	Для малышей	29
Л. Финкельштейн — Слово о мастерах . . .	6	Л. Эйдельс — В мире малой техники	30
Алексей Улесов — Где истоки успеха? . . .	9	Г. Касвин — Опыт чешских друзей	32
А. Молева — Жизнь в труде и борьбе	12	Вл. Померанцев — Мишкин возраст	33
П. Пронин — Радость Кольки Морозова . . .	15	С. Файнберг — Дети — разные	38
Михаил Коршунов — Багряник	17	Миклош Роша — Наш Золотой Жучок	40
Иностранный язык — малышам	19	Т. Воликова — Книги о трудовом воспитании . .	41
Лидия Чага — Наглядно и художественно! . .	22	С. Любимов — Большой разговор с малышами .	42
Е. Турбина — «И где они учатся так врать?» .	24	М. Васильев — Голос чистого сердца	44
Ответы родителям	25	В. Ядэшко — О чем дети спрашивают	46
Письма читателей	27	В. Мальцев — Игры-самodelки	47

К фотографии на 1-й странице обложки

Еще девушкой она, Ксения Андреевна Пластинина, мечтала стать геологом. Ее тянуло на Север — в Заполярье.

Мечта ее сбылась.

Ксения кончила в 1936 году Ухт-Печорский горный техникум. В Воркуте тогда было мало шахтеров. А из женщин Пластинина была первой. Предложили ей работать в канцелярии.

Такое предложение никак не устраивало девушку.

— Только на шахте, — заявила она.

Если бы вы спросили Ксению Андреевну (теперь она — начальник отдела кадров Воркутинского угольного комбината), чем она больше всего довольна, она обязательно ответила бы: «Довольна тем, что сбылась моя мечта, а еще довольна своей семьей».

Дочь Ксении Андреевны, Илона, закончила с отличием Московский областной педагогический институт. У нее есть дочка Мариночка, которую Ксения Андреевна любит не меньше, чем Илону. И Мариночка очень любит свою бабушку.

П. БЫЧКОВ

г. Воркута

На 4-й странице обложки:

„Мы на елке“, рисунок Иры Степановой, 6 лет
(29-й детский сад трамвайного парка им. Володарского, Ленинград, воспитатель А. Г. Кириллова)

Дети, богатство их внутренней жизни, разнообразие их интересов и дел, взаимоотношения взрослого и ребенка — вот темы для фотографии, которая может быть прислана

НА

ФОТОКОНКУРС „СЕМЬИ И ШКОЛЫ“

В конкурсе могут принять участие все желающие. Срок присылки фотографий — до 1 июля 1962 года. Фотографии следует присылать на глянцевой бумаге, в размере не менее 13 × 18 см.

Лучшие работы будут премированы:

первая премия — 100 рублей,

две вторых премии — по 50 рублей,

три третьих премии — по 30 рублей.

Наиболее интересные фотографии будут по мере поступления публиковаться в журнале с оплатой авторского гонорара.

Ждем ваших работ, дорогие товарищи!

Главный редактор И. Ф. Свадковский

Редакционная коллегия: Р. Д. Брусничкина, Е. И. Волкова, Б. В. Изрицкий (заместитель главного редактора), Р. А. Курбатова, Н. С. Лукин, А. А. Маркосян, Ф. А. Модоров, С. В. Образцов, А. Д. Сергеева, Л. С. Соболев, О. Э. Чкалова, М. Ф. Шабаева, П. А. Шевченко

Художественно-технический редактор Т. Н. Мухина

Сдано в производство 3/XI 1961 г. Подписано к печати 28/XII 1961 г. А-10852. Тираж 537 760. Заказ 822. Бумага 84 × 108¹/₁₆. Уч.-изд. л. 8,50. 1,5 бум. л.+0,13 наклейка. 4,92 печ. л.+0,41 наклейка. Знаков в печ. л. 45 000.

Ленинградский Совет народного хозяйства, Управление полиграфической промышленности. Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького, Ленинград, Гатчинская, 26. Обложка и вкладка отпечатаны в типографии № 3 имени Ивана Федорова, Ленинград, Звенигородская, 11. Цена 25 копеек.

Музыка Льва Шварца

Темп марша

mf

Встань по-раньше, встань по-раньше, встань по-раньше,

f *dim* *p*

-рань-ше, толь-ко ут-ро за-ма-я чит у во-рот. Ты у-

mf *p* *mf*

-ви-дишь, ты у-ви-дишь, как ве-се-лый ба-ра-бан-щик в ру-ки па-лоч-ки кле-но-вы-е бе-

p

zop

-рет. Ты у-ви-дишь, ты у-ви-дишь, как ве-се-лый ба-ра-бан-щик в ру-ки

f *mf*

па-лоч-ки кле-но-вы-е бе-рет.

Для повторения Для окончания *p*

па-лоч-ки кле-но-вы-е бе-рет. Бу-дет бан.

f *dim* *rall.*

* При одногласном исполнении поется верхний голос.

Встань пораньше, встань пораньше,
встань пораньше,
Только утро замаячит у ворот,
Ты увидишь, ты увидишь,
Как веселый барабанщик } 2 р
В руки палочки кленовые берет.

Будет полдень, хлопотливый
и гремящий,
Звон трамваев и людской водоворот,
Но прислушайся — услышишь,
как веселый барабанщик } 2 р
С барабаном вдоль по улице идет.

Будет вечер — и кудесник
и обманщик,
Темнота на мостовые упадет,
Но взглядишь — и ты увидишь:
тот веселый барабанщик } 2 р
С барабаном вдоль по улице идет.

Грохот палочек, то ближе он,
то дальше,
Сквозь сумятицу, и полночь, и туман.
Неужели ты не слышишь,
как веселый барабанщик
Вдоль по улице проносит барабан?
Как мне жаль, что ты не слышишь,
как веселый барабанщик
Вдоль по улице проносит барабан!

ВЕСЕЛЫЙ БАРАБАНЩИ

Цена 25 коп.

